PG 3467
.I75 P47
1873

LIBRARY OF CONGRESS
00003796528

Class PGR 1428
Book I 23

YUDIN COLLECTION

GPO

7990
F C
E969
56

ПѢСНИ КЛАССИКА.

ДУМЫ

и

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

(А. Ѳ. Иванова).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца К. Н. Плотникова.
1873.

CYR

CYR
Ivanov, A. F. (Alekseĭ Fedorovich), 1841-18

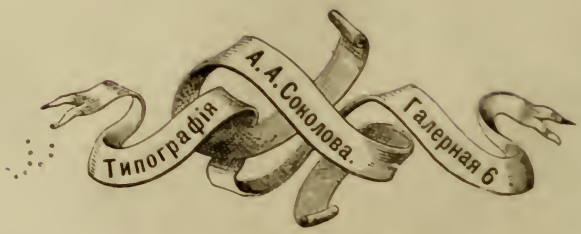
ПѢСНИ КЛАССИКА

ДУМЫ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

(А. Ѳ. Иванова).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца К. Н. Плотникова
1873.

PG3467
I75P47
1873



87-167367
07-28-89
EP62

ДУМЫ И ПѢСНИ.

СЛОВУ.

Будь смѣлѣй ты, слово честности,
Робкой гласности дитя,
Ты не прячься въ неизвѣстности,
Не брани ты насъ — шутя...

Появись — и съ силой новою
Прозвучи въ родномъ краю
Съ нашей истиной суровою
Пѣснь побѣдную свою...

Разступись ты злоба сильная,
Насъ какъ прежде сводитъ вновь
Чувство честностью обильное
Къ нашей родинѣ любовь.

Впереди пути широкаго
Доля лучшая насъ ждетъ,
Эта долюшка высокая...
Трудъ — оцѣнитъ, и пойметъ.

Обличай ты слово вольное,
Что мѣшаетъ намъ идти
По тому-ли по раздольному,
По широкому пути...

*

Жизни пошлости несмѣлыя,
Чуждость братства и любви,
Наши чувства закоснѣлыя
Дикой жадностью въ крови.

Съ глупой гордостью безумную
Къ злу готовую мечту,
Лоска свѣтскаго мишурную
Заклятую пустоту.

Съ лицемѣрною наживою
Жизни темныя дѣла...
И срывай личину лживую
Съ торжествующаго зла....

Докажи, что намъ со славою
Продолжать давно пора;
Съ чувствомъ братскимъ дѣло правое,
Подвигъ чести и добра....

БЛАГОДѢТЕЛЬ.

Будто-бы рисуясь красотой картинной,
Въ улицѣ широкой домъ стоитъ старинный,
Стройны и красивы легкія колонны,
Вычурныя стѣны, пышные балконы;
Отъ сосѣднихъ зданій рѣзкое отличье —
Все въ немъ сохраняетъ строгое величье,
Будто онъ гордится, что въ участкѣ нашемъ
Нѣтъ его богаче, нѣтъ его и краше;
Что въ глаза прохожихъ смѣло бросить могъ онъ
Блескъ своихъ зеркальныхъ полукруглыхъ оконъ.

Въ этихъ-то палатахъ, въ роскоши пріятной,
Вѣкъ свой доживаетъ благодѣтель знатный!
Но объ немъ — счастливцѣ, съ скромностью условной,
Мы разскажемъ послѣ... съ полной родословной—
Какъ его родитель съ нищенскимъ запасомъ,
Бывши въ Ярославлѣ жалкимъ свинопасомъ,
Вдругъ попалъ въ столицу и, открывъ торговлю.
Пряталъ казнокрадовъ подъ родную кровлю;
Какъ разбогатѣлъ онъ, и какимъ манеромъ
Вдругъ изъ пастуховъ онъ сталъ милліонеромъ
Но старикъ тотъ умеръ неповиннымъ воромъ,
И отпѣтъ съ тріумфомъ пастырей соборомъ ..
Сыну дѣловому въ прокъ пошло богатство,
Всѣ къ нему полѣзли въ кумовство и братство;
Изъ купцевъ почтенныхъ вдругъ явился баринъ
Съ барствомъ *по принципу* сталъ онъ солидаренъ,—
Много силъ рабочихъ долгими годами
Для него трудились мозгомъ и руками.
Но зачахъ счастливецъ, уходились силы,
Присмирѣлъ нашъ баринъ на краю могилы,
И замкнувшись въ домѣ съ преданнымъ холопомъ
Сталъ онъ благороднымъ русскимъ филантропомъ.
Но, теперь, читатель, ко владѣльцу дома
Заглянуть не худо въ день его пріема,—
Нашимъ принципаламъ здѣсь примѣръ достойный...
Вотъ стоитъ старуха... мужъ ея покойный
Всю-то жизнь дѣлами филантропа правилъ,
И семьѣ въ наслѣдство лишь долги оставилъ;
Честный благодѣтель,, за долгъ всѣ пожитки
У семьи голодной обобралъ до нитки,—
И пришла старуха съ нищетой послушной
Вымолить семейству хоть на хлѣбъ насущный...

Вотъ ханжа смиренный, а съ ханжею рядомъ
Юный горемыка смотритъ робкимъ взглядомъ:
Онъ придти рѣшился попросить мѣстечка,
Вѣруя вліянью сильнаго словечка...
А въ углу, какъ будто статуя нѣмая,
Женщина прижалась, блѣдная, худая,
Съ слабыми слѣдами красоты античной,
Брошенная жертва прихоти циничной..
Далѣе тѣснятся типы тунеядства
Млѣя предъ святыней гордаго богатства,
И средь нихъ чуть дышетъ, сидя на диванѣ,
Купчикъ благодушный съ векселемъ въ карманѣ—
Онъ явился то же попросить—отстрочки...
Но, визитъ окончимъ мы на этой строчкѣ,
Потому что нынѣ филантропъ не въ духѣ:
Объ упадкѣ курса онъ имѣетъ слухи —
И велѣлъ не медля своему лакею
Гнать всю эту челядь за порогъ да въ шею...

А глупцы, сіяя умиленнымъ взоромъ,
Съ лестью дармоѣдовъ повторяютъ хоромъ:
«Вотъ онъ благодѣтель! Равныхъ не найдете,
При такомъ богатствѣ, при такомъ почетѣ!...»

НАПРАСЛИНЫ.

I.

Повсюду слышатся и жалобы, и стоны,
Что денегъ—нѣтъ! Неправда, господа.
Безденежья не видно и слѣда,

У насъ еще лежатъ нетронуты мильоны!
По прежнему финансовая знать
Достатокъ свой увозитъ за границу,
Дома—ростутъ, и пышную столицу
Безденежьемъ намъ стыдно упрекать.
Мы тратимъ тысячи на модные наряды,
Кипятъ балы, ликуютъ маскарады!
Всѣ счастливы, всѣ пляшутъ до утра,
И если-бы для насъ пришла нужды пора,
Мы можемъ и тогда въ желаньяхъ не стѣсняться,—
На всѣхъ углахъ ростовщики гнѣздятся,
У нихъ послѣднее мы можемъ заложить,
Чтобъ поддержать себя и весело пожить.
Мы сознаемъ въ себѣ изящныхъ чувствъ развитость,
И гордость прежнюю въ душѣ своей хранимъ,
Брильянтами и золотомъ своимъ
Пріѣзжую осыплемъ знаменитость,
И слушая отъ глупой нищеты,
Безплодной жалобы подавленные стоны,
Мы скажемъ: о, глупцы житейской суеты,
Разсѣйте радостью суровыя мечты,—
У насъ еще лежатъ нетронуты мильоны!

II.

Говорятъ, что не любимъ мы древностей,
Не хотимъ даже ихъ поддержать...
Полно, такъ-ли? Всегда ихъ, до ревности,
Мы привыкли любить... уважать...
Предразсудки всѣ наши сердечные
Отстоять мы готовы съ ножемъ,
И понятья людей вѣковѣчныя,
Какъ святыню отцевъ бережемъ.
Бережемъ мы сокровища дивныя
Тамъ, гдѣ плесень вѣковъ наросла,
И теперь еще пыли архивныя

Не коснулася наша метла.
Если рѣдкость случайную выроемъ,
Измѣнившую форму свою,
То сейчасъ эту вещь реставрируемъ
Для поддержки въ родимомъ краю
Пусть злодѣи семьѣ нашей братственной.
Признавая свои лишь труды,
Посягаютъ рукой святотатственной
Сокрушать нашихъ предковъ плоды;
Чѣмъ античнѣе вещи, чѣмъ старѣе,
Тѣмъ готовѣй мы ихъ сберегать...
Непослѣдніе мы антикваріи,
Непослѣдніе, можно сказать....

---

* * *

Вдалекѣ отъ столицъ и большихъ городовъ,
Вдалекѣ отъ дворцовъ и роскошныхъ палатъ,
Въ безграничной странѣ непосильныхъ трудовъ
Съ давнихъ поръ схороненъ заповѣданный кладъ!
Заповѣданный кладъ нашей силы родной,
Нашихъ юныхъ надеждъ и сознательныхъ думъ...
Тамъ свободно поетъ только вѣтеръ степной,
Тамъ дремучихъ лѣсовъ нескончаемый шумъ!

Затаился тотъ кладъ въ богатырской груди,
Онъ глубоко лежитъ, и, покорный судьбѣ,
Переживши вѣка, вѣчно ждетъ впереди
Отъ правдивыхъ людей разработки себѣ;
И заноситъ его снѣговая метель,
Придорожная пыль, да пожарищей дымъ,
Лютый голодъ ему разстилаетъ постель
По дорогамъ большимъ, до по нивамъ пустымъ.

Дѣло чести, добра призываетъ всѣхъ насъ
Защитить этотъ кладъ отъ враговъ вѣковыхъ,

Онъ безцѣненъ для насъ.. онъ дороже въ сто
разъ —
Въ безъисходной нуждѣ недоимокъ своихъ!...
Намъ теперь за него надо взяться умно, —
Заповѣданный кладъ не давался тому,
Кто хранилъ за душой лихоимство одно,
Кто нечистой рукой прикасался къ нему...

Кто значенья—не могъ въ человѣкѣ постичь,
Кто въ народной бѣдѣ личныхъ выгодъ искалъ
И на вопль нищеты поднимая свой бичъ,
Всѣ лохмотья съ нея какъ злодѣй обрывалъ!...
Голодъ—холодъ пройдетъ, много будетъ потерь...
Но настанетъ пора для родимыхъ сторонъ:
Голосъ правды, добра зазвучитъ—гдѣ теперь
Раздается однихъ голодающихъ стонъ...

ОПАСНОСТЬ.

Боже мой! страшно подумать,
Какъ взволновались умы!
Вотъ до какихъ безпорядковъ
Бѣдные, дожили мы!
Что только дѣлаютъ люди —
Право, нельзя и понять...
Какъ вы хотите, а надо
Строгія мѣры принять!
Дома свою-же прислугу
Пальцемъ не смѣешь толкнуть;
Каждый мужикъ господина
Можетъ къ суду притянуть.
Даму нельзя безъ послѣдствій
Въ шутку публично обнять..

Какъ вы хотите, а надо
Строгія мѣры принять!
Курятъ на улицахъ бары,
Курятъ кулцы, кучера...
Тутъ возмущеніемъ пахнетъ,
Лучше не ждите добра.
Бросили роскошь былую,
Стали умомъ щеголять...
Какъ вы хотите, а надо
Строгія мѣры принять!
Къ старымъ лѣтамъ уваженья
Нынче не видно, къ стыду,
Цѣнятъ людей по заслугамъ,
Цѣнятъ людей по труду.
Даже ученыя книжки
Барышни стали читать...
Какъ вы хотите, а надо
Строгія мѣры принять!
Если-бъ себя обезпечить
Мы въ старину не могли,
Нынче, при этихъ порядкахъ,
По міру всѣ-бы пошли
Честности требуетъ служба,
Взятокъ не думай и брать...
Какъ вы хотите, а надо
Строгія мѣры принять!
Какъ-же я буду трудиться,
Если къ труду не привыкъ?
Прежде за насъ такъ усердно
Вѣкъ свой работалъ мужикъ.
Нынче-же? что это, Боже!
Я не могу и понять...
Какъ вы хотите, а надо
Строгія мѣры принять!

ОТРЫВОКЪ.

Въ полузамерзшее окно
Съ одной безонницей—подругой
Гляжу... а въ воздухѣ давно
Бушуетъ съ бѣшеною вьюгой
Полночный вѣтеръ; за окномъ
Лежитъ въ безмолвіи ночномъ
Глухая улица. Далеко,
Сквозь сумракъ ночи, чуть горя
Мелькаетъ отблескъ фонаря,
Кругомъ такъ пусто, одиноко,
И безобразные дома
Глядятъ, какъ мрачная тюрьма.

Тоска томитъ. Воображенья
Давно забытыя видѣнья
Невольно будятъ, и толпой
Они встаютъ передъ очами!
Я вижу юность предъ собой,
Она со зломъ въ открытый бой
Зоветъ насъ смѣлыми рѣчами,
Въ кругу привѣтливыхъ друзей
Сердечныхъ отзывовъ и пѣсень,
И міръ такъ сладостно-чудесенъ,
Воскресшій въ памяти моей!

И гонитъ прочь ночныя грезы
Моя безсонница—мечта,
Гдѣ вы, счастливыя лѣта?
Былой любви былыя слезы,
Когда въ семьѣ людской семьи

Встрѣчалъ я первыя мученья
За честный взглядъ, за увлеченья,
За думы тайныя мои...

Не сгибли вы! судьбѣ послушный,
Я жизнь какъ истину любилъ,
И въ этой жизни простодушно
Васъ какъ святыню сохранилъ.
И вѣрю я въ иную долю,
Что счастье ждетъ насъ впереди,
Что силы юныя на волю
Недаромъ рвутся изъ груди..
А ночь темна, и вѣтеръ стонетъ,
И вьюга злится у окна,
Кругомъ—глухая тишина,
Невольный сонъ раздумье гонитъ,
И я гляжу, гляжу давно
На эту тьму съ морозной вьюгой,
Одинъ, съ безсонницей-подругой
Въ полузамерзшее окно..

СТАНСЫ.

Жаждой корысти томимы
Честность мѣняя на деньги,
Только мечтою легки мы,
Но на подъемъ—тяжеленьки.

Всѣ мы идемъ апатично
До роковаго предѣла,
Дѣломъ занявшися личнымъ,
Чуждыя общаго дѣла...

Съ тьмою безплодныхъ мечтаній
Счастья нигдѣ не находимъ,
Цѣль нашихъ юныхъ желаній
Мы, какъ слѣпые, обходимъ...

Лѣнью природной—довольны,
Къ падшему брату—безпечны,
Въ дикихъ желаніяхъ—вольны,
Въ честныхъ зависимы вѣчно.

Къ чести родного порядка
Думать боимся безъ спроса...
Вотъ вамъ простая разгадка
Мудраго въ жизни вопроса!

Чувству ничтожнаго страха,
Робкой душой поддаваясь,
Встать мы боимся изъ праха,
Въ вѣчной пыли пресмыкаясь.

Намъ ненавистна улика,
Правда звучитъ такъ сурово...
Дико встрѣчаемъ мы, дико,
Каждое честное слово...

Не довѣряясь надеждѣ,
Въ будущностъ смотримъ несмѣло,
И ужъ не жаждемъ какъ прежде
Взяться за умъ и за дѣло!..

СОВѢТЪ.

Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Добрый старичекъ?
И. Никитинъ.

Капиталомъ - обезпеченъ,
Отъ заботъ—далекъ,
Былъ недавно мною встрѣченъ
Добрый старичекъ...
Лѣтъ восьмидесяти слишкомъ,
Но здоровъ какъ быкъ,
Такъ здоровъ, что я умишкомъ
Сталъ предъ нимъ въ тупикъ!

***

И съ гримасою унылой—
Не спросить не могъ:
Гдѣ ты черпалъ эту силу
Добрый старичекъ?...
Гдѣ?... и съ кротостью любезной
Получилъ въ отвѣтъ
Назидательно-полезный,
Старческій совѣтъ...

***

«Хочешь счастья? то—съ богатымъ
Пой одинъ мотивъ,
Съ бѣднымъ другомъ, съ падшимъ братомъ
Будь самолюбивъ:
Не давай просторъ разсудку,
Всюду—бей челомъ,
Правды свѣтъ считай за шутку,
Не гнушайся зломъ!

«Съ виду будь—хоть либераломъ,
Отрицай любовь,
Сочетайся съ... капиталомъ,
Злу—не прекословь...
Передъ сильнымъ—пресмыкайся,
Почитай обманъ,
И главнѣй всего старайся
Набивать карманъ.

***

«Вольнодумцамъ ненавистенъ,
Да для насъ хорошъ,
Ты съ запасомъ этихъ истинъ
Путь себѣ пробьешь...
И судьбой, благочестивый
Твой продлится вѣкъ
И подъ старость ты счастливый
Будешь человѣкъ!...»

***

— Правъ ты, дѣдъ!. твои совѣты
Люди свято чтутъ,
Не смотря, что нынѣ это
Подлостью зовутъ...
На такую жизни силу
Есть у насъ запросъ...
Жаль, что ты ее въ могилу
Раньше не унесъ!

ДОРОГА.

Обойдя тропинкой узкой
Травку луговую,

Выхожу я на дорогу
Пыльную, большую...
Пролегла она широко
Вольными мѣстами,
А вдали сомкнулась тѣсно
Чахлыми кустами.
Много, много въ наше время,
Какъ и въ дни былые,
Проводила ты народу
Въ города большіе.
Шли одни своей охотой
Отъ роднаго поля,
А другихъ вела злодѣйка
Лютая неволя.
Сколько видѣла ты горя
Въ деревняхъ и селахъ,
Сколько слышала тѣ пѣсенъ
Грустныхъ и веселыхъ!
Это горе, эти пѣсни,
Какъ въ степи могила,
Ты отъ новыхъ поколѣній
На-вѣкъ затаила...
Не поможетъ наше время
Твоему безсилью,
Занесло тебя дорожка
Вѣковѣчной пылью.
Обошла тебя сторонкой,
Не смотря на споры,
Вдаль бѣгущая чугунка
Сквозь лѣса и горы.
И по ней, покой нарушивъ
Стороны дремучей,
Пролетѣлъ стрѣлою быстрой
Паровозъ могучій.

* *
*

Нѣтъ, предъ тобою я теперь не затаю
Измученной души тяжелаго недуга,
Прослушай исповѣдь сердечную мою,
Ты, отчужденная, далекая подруга.
Въ дни первой юности сошлися мы съ тобой,
Смотрѣли мы на жизнь съ довѣрчивостью полной,
Ты помнишь-ли, когда въ часъ полночи безмолвной,
Клялись не унывать предъ строгою судьбой,
И вдохновленные надеждой молодою,
Стремяся къ выходу изъ окружавшей тьмы,
Въ далекомъ будущемъ готовилися мы
Путемъ своихъ трудовъ идти рука съ рукою?
Мы были счастливы! —
Жизнь разлучила насъ...
Ты помнишь-ли, мой другъ, когда въ послѣдній часъ,
Въ мгновенья грустныя восторженной разлуки,
Другъ другу подали трепещущія руки...
Какъ на моей груди, лице свое сокрывъ,
Ты тихо плакала, какъ будто умоляла
Продлить любви рѣшительный порывъ!

Но тяжкая пора разлуки миновала...
Я *васъ* не узнаю... какъ измѣнились *вы!*
Вы стали барыней, и чопорной, и чинной,
И святость юныхъ чувствъ съ сердечностью невинной
Рѣшились промѣнять на приговоръ молвы.
Вы стали избѣгать чего искали прежде,
И къ вѣрѣ юныхъ дней, къ сознательной надеждѣ,
Покорныя глупцамъ, съ презрѣньемъ отнеслись
Вы правы, навсегда насъ разлучила жизнь...
Межъ нами прерваны святыя отношенья.
Прими же, добрый другъ, прощальный мой привѣтъ,
У ногъ твоихъ хочу я вымолить прощенье,
Я знаю, ты простишь безумье прошлыхъ лѣтъ,

За то что разошлись мы въ убѣжденьяхъ съ вѣкомъ,
Что я тебя спасалъ отъ предразсудковъ — зла,
За то, что я желалъ, *чтобъ въ жизни ты была*
Не жалкой куклою, а честнымъ человѣкомъ!

ВЗРОСЛЫМЪ ДѢТЯМЪ.

Люблю я васъ, взрослыя дѣти!
Достигнувши цѣли животной
Счастливы на бѣломъ вы свѣтѣ
Своей головой беззаботной.

Какъ дѣти вы робки, трусливы,
Васъ тѣшатъ однѣ погремушки,
Во всякое время могли вы
Играть, не краснѣя, въ игрушки.

Безъ нянекъ и доброй указки
Вы жить никогда не хотѣли,
И вѣрите въ старыя сказки
Съ счастливой своей колыбели.

Ученье васъ вѣчно томило,
Къ нему не нужна подготовка,
Въ жгуты вы играете мило,
И въ жмурки играете ловко

Къ чему вамъ заботы, и знанья?
Лишь будьте послушны, и кротки,
Всѣ дѣтскія ваши желанья
Достанутся легче находки.

Среди исключеній немногихъ,
Живете вы жизнью пріятной,
И штатъ попечителей строгихъ
Хранитъ вашъ покой благодатный!

ДВА ПЛЕМЯННИКА.

I.

Съ приторно-сладкой улыбкой,
Свѣжій, румяный, уступчивый,
Милый, услужливый, гибкій,
Въ каждую женщину влюбчивый,
Падкій на всѣ угощенья,
Рыщетъ вездѣ безъ заботушки,
Всѣ отъ него въ восхищеньи,
Папеньки, маменьки, тетушки,
Братцы, сестрицы, кузины,
Старцы, и дѣвы лилейныя—
Возятъ его въ магазины
Вдовы и дамы семейныя,
Даже самъ дядюшка съ вѣсомъ
Лестно объ немъ отзывается,
Ибо племянническъ бѣсомъ
Мелкимъ предъ нимъ разсыпается.
Ну-съ да и надо сознаться,
Будь ты воспитанъ хоть графчикомъ,
Но... безъ способностей, гнаться
Трудно за этимъ красавчикомъ.
Всѣхъ онъ собой очаруетъ,—
Дамъ-ли займетъ разговорами,
Польку-ли бойко станцуетъ,
Въ тактъ пріударивши шпорами,

Невскимъ-ли съ шикомъ промчится,
Знать обгоняя мишурную,
Или, возьмется учиться
Пѣть шансонетку амурную.
Рѣчь-ли прочтетъ по тетрадкѣ
Въ клубскомъ иномъ засѣданіи,
Въ каждомъ пріемѣ, и складкѣ
Видно тотчасъ воспитаніе!
Въ мысляхъ такая игривость,
Склонность къ невиннымъ дурачествамъ...
Надо отдать справедливость
Всѣмъ этимъ доблестнымъ качествамъ!

II.

Помню я личность иную,
Помню, съ какою охотою
Грудь надрывалъ онъ больную
Цѣлые дни за работою,
Въ обществѣ книгъ да тетрадей,
Ночи не спя надъ страницами...
Былъ презираемъ онъ дядей,
Былъ презираемъ сестрицами,—
Наглымъ ворамъ, тунеядцамъ,
Пошлыхъ услугъ не оказывалъ,
Горькую истину братцамъ
Рѣзко въ глаза онъ высказывалъ.
Былъ имъ за то ненавистенъ,
Что съ своей грудью открытою,
Язвой общественныхъ истинъ
Звалъ онъ родню именитую.
Съ вѣрою въ юную силу,
Честной борьбою прославленный,
Слегъ онъ въ сырую могилу,
Доброй роднею оставленный...
Знать не хотѣли родные

Жизни тяжелой подробности,
Только за то... что иныя
Въ жизни имѣлъ онъ способности...
Въ комъ сохранилась стыдливость
Къ нашимъ салоннымъ казачествамъ,
Тотъ лишь, отдастъ справедливость
Всѣмъ этимъ доблестнымъ качествамъ.

* * *

Мы средь житейской кутерьмы
Все дѣлаемъ не кстати:
Въ врагахъ—друзей находимъ мы,
Врага находимъ въ братѣ;
Всегда предъ сильными молчимъ,
А надъ безсильными кричимъ.

Всю жизнь, кружась въ семьѣ людской,
Мы гордо носимъ маски;
И вмѣсто истины простой—
Разсказываемъ сказки.
Для славы жертвуемъ свой грошъ
И вѣримъ въ собственную ложь.

Одинъ съ энергіей въ груди
Весь вѣкъ съ трудами бьется:
И какъ не бьется—назади
Онъ вѣчно остается,
Хоть знаютъ всѣ, что по уму
Идти впередъ должно ему.

Другой счастливецъ съ мѣднымъ лбомъ,
Чрезъ знатный родъ и связи,

На мѣсто видное при томъ
Выводится изъ грязи
И безъ особенныхъ хлопотъ
Выходитъ въ люди идіотъ.

И въ жизни все наоборотъ,
Все смотритъ чудесами:
Льстецамъ даемъ широкій ходъ,
Правдивыхъ гонимъ сами;
Во имя личныхъ барышей —
Мы хуже всякихъ торгашей!

Опровергать намъ это—грѣхъ,
Намъ это все знакомо,
И эти странности для всѣхъ —
Прямая аксіома.
Способность намъ дана судьбой:
Смѣяться надъ «самимъ собой!»

ЗАНЯТОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Возбуждаетъ не мало вопросовъ
Современная наша печать,
Но и я, не послѣдній философъ,
Не могу же я вѣчно молчать.
Хоть порой, въ размышленіи зрѣломъ,
Разъяснить я кой-что-бы хотѣлъ,
Но... досуга за собственнымъ дѣломъ
Не имѣю для чуждыхъ мнѣ дѣлъ

Часто слушаю я безъ протеста
Крикуновъ либеральныхъ идей:

Что теперь на такое-то мѣсто
Нѣтъ способныхъ и дѣльныхъ людей;
Что отъ выборовъ въ службы иныя
Уклоняется денежный людъ;
Что другимъ, за карманы пустые,
Поощренье совсѣмъ не даютъ.

Что за вздоръ! свой талантъ сокровенный
Я принесъ-бы на пользу странѣ
И пошелъ-бы служить непремѣнно —
Если-бъ время позволило мнѣ.
У меня-бы работа кипѣла,
Я-бы дѣльныхъ людей отыскалъ,
И въ работѣ всѣхъ жаждущихъ дѣла
Я безъ отдыха въ ходъ бы пускалъ.

Я слыхалъ иногда отъ педантовъ
Будто въ наши гуманные дни
Нѣтъ совсѣмъ геніальныхъ талантовъ, —
Говорятъ, исписались они...
Ну, не глупо-ль подобное мнѣнье?
Вотъ хоть я... я, держась въ сторонѣ,
Мировое-бы создалъ творенье,
Только... право, нѣтъ времени мнѣ.

Встану въ полдень, покушаю чаю,
Подсчитаю проценты бумагъ,
Съ экономкой часокъ поболтаю,
Покормлю попугая, собакъ...
До обѣда все кончить успѣю;
Пообѣдавъ, иду отдохнуть, —
Не могу-жъ я, подобно плебею,
Утруждать благородную грудь.

Послѣ ѣду я въ клубъ благородный,
Что-бъ за картой разсчеты свести,

И, ей-Богу, минуты свободной
Не могу для себя я найти.
Хоть порой, въ размышленіи зрѣломъ,
Я-бы многое сдѣлать хотѣлъ,
Но манкировать собственнымъ дѣломъ
Не могу для общественныхъ дѣлъ.

* * *

Развалясь въ коляскѣ, съ быстротою птицы
Мчится онъ по главнымъ улицамъ столицы.
Угрожая встрѣчныхъ смять до полусмерти:
Взмыленные кони мчатъ его какъ черти.
И завидя снобса пѣшеходъ убогій
Будто отъ заразы прочь бѣжитъ съ дороги.
Тамъ, гдѣ домъ счастливца въ нѣсколько этажей,
Каждый день тѣснится много экипажей,
Знатныя особы дѣлаютъ визиты,
Льнутъ къ нему иные, точно паразиты.
И лакей надменный, мѣряя всѣхъ взглядомъ,
Въ кабинетъ счастливца бѣгаетъ съ докладомъ.
Тамъ во всѣхъ пріемахъ принятъ строгій методъ.
Кто-же этотъ баринъ, кто счастливецъ этотъ?
Кто—онъ? Жрецъ науки, истины-ль служитель,
Жизни-ль современной лучшій представитель,
Дѣятель-ли честный мысли капитальной,
Мужъ-ли государства, умъ-ли геніальный.
Что къ нему всѣ ѣздятъ обивать пороги,
Что ему коляска замѣняетъ ноги,
Что счастливца имя въ общемъ разговорѣ
Произносятъ гордо съ завистью во взорѣ,
Что людей честнѣйшихъ трудовая — братья
Шлетъ ему съ укоромъ тайныя проклятья?

Не питай-же зависть ты, бѣднякъ суровый,
Къ этому кумиру времени былаго;
Онъ слезами бѣдныхъ вымывшись отъ грязи,
Вышелъ гордо въ люди чрезъ обманъ и связи,
Хоть и служитъ гдѣ-то членомъ—филантропомъ,
Но предъ знатью свѣтской ползаетъ холопомъ.
Чтожъ намъ въ этой силѣ гордаго богатства,
Въ вывѣскѣ позорной лжи и тунеядства?
Взгляньте какъ онъ знатенъ, какъ высоко-важенъ,
Будто передъ вами выросъ на пять сажень,
Какъ онъ развалившись съ быстротою птицы
Мчится по главнѣйшимъ улицамъ столицы!

* * *

Лучше не вѣрьте вы въ личность степенную,
Въ спѣсь мудрецовъ занятыхъ,
Въ счастье богатаго, въ честь неизмѣнную,
Въ дѣло людей дѣловыхъ,
Въ правду, гдѣ прямо на видъ выставляется
Вся безкорыстность судьи...
Все это ложь, и во всемъ соблюдается
Личная выгода, дѣти мои!

Бьемся за ложь мы съ безстыдною храбростью.
Вотъ, вашъ сосѣдъ, напримѣръ,
Держитъ себя съ постоянною наглостью,
Будто богачъ—мильонеръ...
Въ свѣтѣ послѣдній имъ грошъ проживается,
Дома ждетъ бѣдность семьи...
Въ этой двуличности имъ соблюдается
Личная выгода, дѣти мои!

Вѣчно, иной, о свободѣ и гласности,
Гдѣ только *можно*—кричитъ;

Гдѣ-же *нельзя*—онъ тогда изъ опасности
Краснорѣчиво молчитъ.
Въ тьмѣ безразличной онъ самъ пресмыкается
Съ жаломъ сокрытымъ змѣи...
Въ мнѣньи общественномъ имъ извлекается
Личная выгода, дѣти мои!

Стоитъ на свѣтѣ одно уваженія
Честный для общества трудъ,
Общее дѣло да къ свѣту стремленіе,
Къ свѣту, что правдой зовутъ!
Здѣсь и судьбою самой назначается
Счастье для общей семьи..
Впрочемъ... но кто же изъ насъ не чуждается
Выгоды собственной, дѣти мои?

ПРИЗНАКИ

Предъ слабыми — гордость съ нахальствомъ,
Вилянье хвостомъ предъ начальствомъ,
Формальность, награды, прибавки,
Презрѣніе къ черному тѣлу,
Служенье лицу, а не дѣлу,
И взятки до мирной отставки, —
Вотъ признакъ чернильной піявки.

Подъ видомъ смиреннымъ — блудливость,
Предъ людомъ чиновнымъ—трусливость,
Въ мозгахъ тупоумья основа,
Застой, ханжество при обманѣ,
Защита и сила въ карманѣ,
Отсутствіе мысли и слова, —
Вотъ признакъ купца дѣловаго.

Въ заученныхъ позахъ—развязность,
Долги неоплатные, праздность,
Французскій языкъ пустозвона,
О займахъ грядущихъ заботы,
Jour-fix'ы, Армансы, Шарлоты,
Визиты, и сплетни салона, —
Вотъ признакъ хорошаго тона.

Въ трудахъ загрубѣлыя руки,
Стремленье къ добру и наукѣ,
Невзгоды съ нуждою житейской,
Вниманье къ правамъ семьянина,
Сознательный долгъ гражданина,
Презрѣніе къ службѣ лакейской, —
Вотъ признакъ натуры плебейской.

Другихъ-же сословныхъ ублюдковъ
Отъ вредныхъ развитій разсудковъ
Хранитъ родовая опека.
И такъ, безъ особыхъ ученій,
Въ виду небольшихъ исключеній,
По признакамъ нашего вѣка
Мы можемъ познать — человѣка!

* * *

Быстро нагрянетъ и осень дождивая,
Въ полѣ желтѣетъ трава,
Жизнь городская въ свои хлопотливыя
Снова вступаетъ права...

Съ жалобнымъ стономъ волной обливается
Берегъ гранитной Невы,
Въ раннія сумерки газъ зажигается,
Бродятъ по Невскому львы...

Вижу у многихъ—съ душею встревоженной
Точку основную думъ:
Какъ-бы для выкупа шубы заложенной
Сбыть свой весенній костюмъ?...

Многихъ съ нуждою да съ дачей холодною
Осень застанетъ, какъ врагъ:
Ищетъ, какъ клада, квартирку свободную
Мелкій чиновникъ—бѣднякъ...

Клубы открыты... и вновь оживляются
Опера, драма, балетъ...
Снова больницы биткомъ набиваются,
Мѣста свободнаго нѣтъ!

Лѣто промаявшись, камни ворочая,
Съ жалкимъ достаткомъ въ рукахъ,
Ѣдетъ на родину сила рабочая
Въ тѣхъ-же убогихъ лаптяхъ...

Слышишь повсюду печальныя новости,
Строго натянутый смѣхъ,
Видишь на всѣхъ отпечатокъ суровости,
Строгія лица у всѣхъ...

Если не сгладило лѣто цвѣтущее
Съ насъ роковаго клейма,
Чѣмъ подаришь ты насъ, осень грядущая?
Что ты намъ скажешь, зима?...

ОСЕННІЯ ПѢСНИ.

I.

Да здравствуетъ осень, съ дождемъ и туманомъ,
Со всей ея грязью ночныхъ непогодъ!
Пусть холодъ и голодъ летитъ ураганомъ
И губитъ въ подвалахъ живущій народъ!

Пусть вьюга, врываясь въ сырыя жилища,
Смѣлѣе по темнымъ шумитъ чердакамъ!
Просторнѣе вы расширяйтесь, кладбища,
Давайте послѣдній пріютъ бѣднякамъ!

Пусть труженикъ честный въ томленьи безплоднымъ
Работаетъ ночи, здоровье губя.
Безъ яснаго солнца, въ туманѣ холодномъ
Мы болѣе выгодъ найдемъ для себя...

Подъ мракомъ не видны безчестья изгибы,
Въ туманахъ—раздолье для темной души;
Мы въ мутной водицѣ наудивши рыбы,
До лѣта припрячемъ свои барыши!...

II.

Ночь октябрьская угрюма,
И темна, и холодна,
Дождикъ въ стекла бьетъ сердито,
Вѣтеръ злится у окна.

Будь свѣтлѣе, ночь глухая,
Вѣтеръ буйный, замолчи,
И въ окно ты, дождь сердитый,
Понапрасну не стучи!

Вы не страшны мнѣ нисколько,
Хоть еще-бъ вы были злѣй, —
Но боюсь я непогоды
Въ теплой комнатѣ своей.

Я курю въ спокойномъ креслѣ,
Предо мной трещитъ каминъ,
Дымъ сигары ароматный
Мнѣ рисуетъ рядъ картинъ:

Вижу я, какъ горемыку
За тяжелый, скорбный трудъ—
Черствый хлѣбъ, нужда да дѣти,
Голодая, дома ждутъ.

Какъ по улицѣ широкой
Тѣни блѣдныя дѣтей
Ходятъ жертвою разврата
Осчастливленныхъ людей!

И смѣняются видѣнья
Въ безмятежномъ полуснѣ...
Отчего-же жизни счастье
Такъ легко досталось мнѣ?

Вспомнилъ я, судьба, за что ты
Отнеслась ко мнѣ, любя...
И становится отчасти
Какъ-то стыдно за себя!...

ПАРАЛЛЕЛЬ.

Ночь лежитъ надъ городомъ тучею свинцовою,
И таитъ глубокая вѣчную борьбу
Съ жизнью непокорною, съ бѣдностью суровою
Труженика честнаго жалкую судьбу.
Сколько счастью гордому новыхъ жертвъ готовится,
Въ силахъ-ли бездольные горе превозмочь?
И раздумье горькое тяжелѣй становится
Въ эту непроглядную, сѣверную ночь!

Но не всё такъ глухо, мертво передъ нами;
Вотъ сквозь сумракъ ночи домъ блеститъ огнями,
И къ подъѣзду бойко мчатся экипажи,
Двигаются тѣни въ окнахъ бель-этажа;
Тамъ въ роскошныхъ залахъ въ блескѣ пышной моды
Пиръ даютъ горою знатные доходы!
Счастье—жизнью свѣтской блещетъ на паркетѣ...
Видно намъ живется весело на свѣтѣ!

А въ подвалѣ мрачномъ, за работой грязной
Бьется горемыка съ думой неотвязной,
Какъ-бы поскорѣе на нужду—злодѣйку
Къ утру заработать лишнюю копѣйку.
Но копѣйка эта, вѣкъ съ нуждою споря,
Попадетъ на «выносъ» и пропьется съ горя....
Будетъ веселѣе... Пусть поплачутъ дѣти...
Худо-ли живется намъ, друзья, на свѣтѣ?

Унывать не надо, нашъ удѣлъ не страшенъ,
И въ подвалѣ низкомъ огонекъ погашенъ,
Сши бѣднякъ подъ кровомъ влажнаго тумана!
Вотъ стучатся громко въ двери ресторана,
Отперли ихъ мигомъ, и влетаетъ въ двери

За усатымъ марсомъ маленькая Пери,
И пошла торговля безъ торговъ въ буфетѣ...
Видно намъ живется весело на свѣтѣ!

Пусть цвѣтутъ на свѣтѣ бѣдность и богатство,
Съ лютою враждою искреннее братство,
Нищета и роскошь, да съ бѣдою счастье,
Съ ясною погодой, бури да ненастья! . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

ВЪ ДОРОГѢ.

По дорогѣ ранымъ-рано
Тянется обозъ,
Въ мглѣ сребристаго тумана
Разлился морозъ;

На дорогу и трущобы,
Путникамъ на зло,
Снѣга чистаго сугробы
Ночью нанесло.

Надъ безплодною пустыней,
Сквозь обрывки-тучъ,
Сыплетъ мѣсяцъ блѣдно-синій,
Серебристый лучъ.

Раздается чередою
Мѣрный шагъ коней,
Мужики идутъ гурьбою
Около саней.

Даль мертвѣетъ, молкнетъ голосъ,
Далеко ночлегъ,
Лишь скрипитъ широкій полозъ,
Разрѣзая снѣгъ.

Утро брежжится далекимъ
Свѣтомъ... а кругомъ
Край нашъ мирный спитъ глубокимъ,
Непробуднымъ сномъ.

МОЙ АЛЬБОМЪ.

Друзья, раскроемте альбомъ,
Предъ нами нѣсколько страницъ,
Взгляните сколько разныхъ лицъ!
И каждый намъ давно знакомъ.
Вотъ первый: усъ крутитъ въ кольцо,
Какъ будто хочетъ молвить онъ:
«Мои желанія—законъ,
Для васъ я первое лицо!»
Предъ этимъ магомъ, знаемъ мы,
Въ тупикъ становятся умы...

А этотъ—съ виду какъ овца,
Но съ волчьимъ ртомъ, и съ мѣднымъ лбомъ,
До мѣста виднаго съ трудомъ
Доползъ по милости отца.
Къ нему голодная нужда
Со всѣхъ подваловъ, съ чердаковъ,
Сгоняетъ сотни бѣдняковъ
Искать протекцій, и труда.
Его нельзя намъ обойти,
Бревномъ лежитъ онъ на пути.

А вотъ общественный фланёръ
Праздношатающійся фатъ,
Его отецъ, какъ Крезъ богатъ,
Но онъ съ отцемъ идетъ въ раздоръ:
Чтобъ въ мнѣньи свѣта поддержать
Подъ мишурой гніющій трупъ,
Онъ въ сто рублей за каждый рубль
Рѣшится вексель подписать...
Ему даютъ, и ждутъ..., пока
Смерть не прихлопнетъ старика.

А это — падшая звѣзда,
Законодательница модъ,
Плачевенъ былъ ея исходъ;
Въ ней нѣтъ былого и слѣда...
Предъ ней салонные враги,
Своихъ домовъ замкнувши дверь,
Смѣются громко, что теперь
Судебный приставъ за долги,
Все, до послѣдняго платка,
Публично продалъ съ молотка!

Вотъ аферисты всѣхъ сортовъ,
Различныхъ мнѣній продавцы,
Литературные купцы
Хамелеоны всѣхъ цвѣтовъ!
А вотъ разсѣдланный Пегасъ,
На немъ, при звукѣ лирныхъ струнъ,
Подъ маской правды робкій лгунъ
Когда-то ѣздилъ на Парнасъ,
И отъ своихъ гуманныхъ словъ
Отречься первый былъ готовъ!

А этотъ, блѣдный и худой,
Больной чудакъ... его ужъ нѣтъ,
Онъ въ двадцать лѣтъ покинулъ свѣтъ,

Какъ жертва жизни молодой...
Онъ былъ уменъ и даровитъ,
Всѣмъ честнымъ труженикамъ — другъ;
Его сломилъ нужды недугъ...
Но свѣтъ его благословитъ,
Когда придетъ для насъ пора
Покоя, правды и добра!

А вотъ ханжа и ловеласъ,
Вотъ милыхъ обществъ вѣчный шутъ,
Вотъ крупный воръ, вотъ мелкій плутъ,
Довольно-ль вамъ на первый разъ?
Но вы, какъ видится, въ альбомъ
Хотите дальше заглянуть?
Досмотримъ послѣ какъ нибудь,
Сойдясь свободнымъ вечеркомъ.
Вѣдь тамъ все мелочь... тамъ друзья,
Всё наша общая семья

* *
*

Горю людскому легко-ли помочь?
Горе людское — какъ темная ночь!
Всѣ мы съ чувствительнымъ сердцемъ своимъ
Станемъ въ тупикъ непремѣнно предъ нимъ.
Каждый по своему цѣнитъ бѣду,
Въ этомъ признаться должны мы къ стыду,
Только намъ горя друзья не понять,
Если—самимъ не пришлось испытать!

Барышнѣ къ балу шиньонъ не готовъ,
Выразить горя не хватитъ и словъ,
Что ей за дѣло, что домъ у отца
Завтра опишутъ по просьбѣ истца.

*

Франту испорченъ покрой панталонъ;
Руки ломаетъ въ отчаяньи онъ.
Дома-жъ, рыдая, голодная мать
Хлѣба къ сосѣдкѣ идетъ занимать!

Хилый богачъ потерялъ аппетитъ,
Духомъ разстроенъ и горемъ убитъ,
Повару выдалъ дурной аттестатъ,
Плачетъ бѣднякъ—безъ вины виноватъ;
Труженикъ мѣстомъ опять обойденъ,
Горькою думой покой отравленъ,
Плачетъ супруга, готовя скандалъ:
Мужъ къ «итальянцамъ» билетъ не досталъ!

Домъ трехъ-этажный пожаръ истребилъ,
По миру многихъ жильцовъ онъ пустилъ,
Тужитъ хозяинъ: что только въ одномъ
Обществѣ былъ застрахованъ тотъ домъ.
Всѣмъ-то намъ горе готовитъ житье,
Всѣмъ- то намъ дорого горе свое.
Горю людскому легко-ли помочь?
Горе людское—какъ темная ночь!

ТЕРПѢЛИВОЙ ДУШѢ.

Знаемъ мы, кто живетъ съ терпѣливой душой,—
Наслаждаясь живетъ, не торопится,
Онъ успѣлъ запастись золотою казной,
У него цѣлый вѣкъ деньги копятся.

Завернетъ-ли бѣднякъ за работой къ нему,
Говоритъ бѣдняку онъ внушительно:

«*Подожди*, милый мой, подожди...» (потому
Голодать бѣдняку утѣшительно...)

Разговоръ-ли зайдетъ о свободѣ, правахъ,
Молча слушаетъ онъ, удивляется,
Что́ за выгода есть въ этихъ странныхъ словахъ,
Почему это насъ все касается?

Въ заключеніе онъ скажетъ умную рѣчь:
«Господа, вы ужь слишкомъ заноситесь!
«Надо больше терпѣть, надо время беречь,
«Подождите, куда вы торопитесь?

«Наше дѣло не волкъ, въ лѣсъ оно не уйдетъ,
«Поговорка гласитъ справедливая...»
— Да вѣдь сытый богачъ бѣдняка не пойметъ,
Разсуди ты, душа терпѣливая.

Разсуди-ка умнѣй, и гляди, и молчи,
Какъ съ бѣды да нужды люди топятся...
Какъ, блаженствуя, вѣкъ добряки-богачи,
Припѣвая, живутъ, не торопятся!..

ПОМИНАЙ, КАКЪ ЗВАЛИ!

(Посвящается П. А. Никитину.)

Иная личность средь людей
Мелькнетъ, какъ свѣтлый геній,
Блестя звѣздой благихъ идей
И честныхъ убѣжденій,
Вражда и зло слѣпыхъ невѣждъ
Готовитъ ей могилу,

И рядъ обманутыхъ надеждъ
Подкашиваетъ силу.
Въ борьбѣ съ неправдою людской,
Измучившись вначалѣ,
Она вздохнетъ, махнетъ рукой,—
И... поминай, какъ звали!

Трудясь вѣкъ свой, бѣднякъ иной
Работаетъ для блага,
Но, вотъ, законною семьей
Заводится бѣднята.
Идутъ года, а средствъ и силъ
Для жизни не хватаетъ,
Онъ вѣру въ счастье погасилъ,
И духомъ упадаетъ;
Въ семьѣ раздоры, жизнь ведетъ
Къ лишеньямъ, да къ печали,
Нужда растетъ... бѣднякъ запьетъ,—
И... поминай, какъ звали!

Другой безумецъ жить спѣшитъ
И ловитъ наслажденья,
И, вдругъ, невольно согрѣшитъ
Въ минуту заблужденья.
Онъ честенъ былъ... невольно онъ
Въ тотъ мигъ грѣху поддался,
Онъ уличенъ, онъ обвиненъ,
Онъ самъ во всемъ сознался
Въ немъ совѣсть прежняя не спитъ;
Преступникъ онъ?.. Едва-ли!
Но годъ въ острогѣ посидитъ,—
И... поминай, какъ звали!

Въ дѣлахъ коммерціи гремитъ
Извѣстный тузъ въ столицахъ,

А у купчины сынъ кряхтитъ
Въ ежовыхъ рукавицахъ.
Старикъ въ гробу, разнузданъ сынъ,
Владѣлецъ капиталовъ,
Забыты лавки и аршинъ—
Для оргій и скандаловъ.
Къ чему рвалась его душа—
Теперь ему все дали,
И онъ спустилъ все до гроша,—
И... поминай, какъ звали!

Пугаютъ дѣвушку стыдомъ
Враги разумной воли,
За то, что хочетъ жить трудомъ,
Что ищетъ лучшей доли.
Перенести ей мудрено
Всю тяжесть испытаній,
А сердце юное полно
Таинственныхъ желаній.
Въ концѣ концовъ—любви романъ:
Свиданье на шпицъ-балѣ,
Признанье, клятвы и обманъ,—
И... поминай какъ звали!

Вотъ аферистъ, салоннымъ львомъ
Явясь средь полусвѣта,
Вращаясь въ мірѣ биржевомъ,
Мерцаетъ какъ комета.
Взирая гордымъ богачемъ,
Дѣла ведетъ онъ живо,
Ему все вздоръ, все ни почемъ,—
Легка ему нажива.
И милліоны богатырь
Считая въ идеалѣ,
Мгновенно лопнетъ какъ пузырь,—
И... поминай, какъ звали!

Кругомъ посмотришь, такъ и мы,
Шумя, гремя словами,
Къ дѣламъ всеобщей кутерьмы
Не безпричастны сами.
Мы всѣ готовы зло клеймить,
Сатиры—намъ не въ диво
Но слово къ дѣлу примѣнить
Намъ какъ-то боязливо.
Довольно съ насъ, что честный ходъ,
Мы внукамъ указали...
А въ жизни намъ одинъ исходъ,—
И... поминай какъ звали!..

ИЗЪ ПѢСЕНЪ О НИЩИХЪ.

...Вы смотрѣли-ль на бѣдный народъ
Безъ обманчивыхъ въ жизни очковъ?
И встрѣчали-ли вы этотъ нищенскій сбродъ
Безобразныхъ старухъ... стариковъ?
Возмущалъ-ли спокойствіе вашей души
Ихъ голодный, больной и оборванный видъ?
Сострадательный людъ имъ бросаетъ гроши,
Сострадательный людъ ихъ позоромъ клеймитъ...
Да и какъ не клеймить этихъ жалкихъ людей,
Что укоромъ живымъ попадаются намъ,
На оградахъ кладбищъ, на порогахъ церквей,
По торговымъ рядамъ, по питейнымъ домамъ.
Но невольно въ умѣ возникаетъ вопросъ:
Неужель съ юныхъ дней этотъ бѣдственный людъ
Вѣковую нужду на плечахъ своихъ несъ,
И подъ старость не могъ заработать пріютъ?
Неужель они пользы благому житью

Въ дни развитія силъ принести не могли?
Или съ тяжкимъ трудомъ, на погибель свою
Безпощадной судьбой обрѣченные шли?
Можетъ быть... но не всѣ...
Вотъ стоитъ у воротъ
Изнуренный старикъ; онъ въ былые года,
Кромѣ воли родной, все имѣлъ отъ господъ;
Но въ упадокъ пришли и его господа,
И пришлось горемыкѣ на старости лѣтъ,
Безпріютно бродя побираться съ рукой...

Вотъ идетъ съ костылемъ горемыка другой;
Былъ когда-то купцомъ, торговалъ, и мечталъ
Увеличить въ сто разъ родовой капиталъ,
Да не въ добрый, знать, часъ, за подряды взялся,
Побывалъ подъ судомъ, прожился и... спился...

Изъ дверей кабака старушонка—скелетъ
Въ грязныхъ тряпкахъ бредетъ, спотыкаясь, дрожа,
Сбросьте въ плечь ея двадцать какихъ нибудь лѣтъ,
Вѣдь была и она молода, и свѣжа,
Страстью жизни кипѣлъ этотъ старческій взоръ,
Зажигались желанья святыя въ крови,
Но свела нищета и ее на позоръ,
За довѣрчивый часъ безупречной любви.

Я хотѣлъ-бы спросить, филантропы друзья:
Въ вѣкъ гуманныхъ идей и благого житья,
Приходилось-ли вамъ посмотрѣть на народъ,
На правдивую жизнь, безъ фальшивыхъ очковъ?
И встрѣчали-ли вы этотъ нищенскій сбродъ
Безобразныхъ старухъ и сѣдыхъ стариковъ?

* *
*

Будя порой средь жизни шумной
Свои умы,
Зачѣмъ впередъ съ мечтой безумной
Стремимся мы?
На много лѣтъ мы счастьемъ старымъ
Награждены,
Довольны жизнью, и не даромъ
Мы такъ умны.
Чего желать?.. въ нашъ вѣкъ практичный,
Во всей красѣ,
Мы, какъ дѣльцы, о пользѣ личной
Хлопочемъ всѣ!

* *
*

Научныхъ свѣдѣній, теорій,
Проэктовъ — тьму
Несемъ отъ стѣнъ аудиторій
Мы въ даръ уму.
Наплывъ идей плодимъ и множимъ,
Любя мудрить,
Лишь только къ практикѣ не можемъ
Ихъ примѣнить.
И погрузясь въ житейскій хаосъ
Родной среды,
Мы все твердимъ, мотая на усъ,
Одни зады...

* *
*

Гражданскій долгъ трактуя смѣло
И вкривь, и вкось,
Безпечно любимъ дѣлать дѣло,
Жить на авось.
Беря примѣръ съ мишурной знати
Кутимъ въ кредитъ,

И по бюджету въ результатѣ
Зримъ дефицитъ.
Прикрывъ карманъ наружнымъ блескомъ,
Кляня судьбу:
Мы канканируемъ, и съ трескомъ
Летимъ въ трубу.

* * *

Пусть нашихъ обществъ всѣ отчеты
Душой кривятъ,
Насъ никакіе недочеты
Не удивятъ.
Ничѣмъ нашъ умъ въ тиши согрѣтый
Не возмущенъ,
Какой-бы ни былъ фактъ газетой
Намъ сообщенъ.
И на вопросъ, вопросъ докучный,
Средь кутерьмы:
«Все обстоитъ благополучно»,
Отвѣтимъ мы!

* * *

О свѣтѣ правды, о прогрессѣ,
О силѣ зла,
Мы предоставимъ нашей прессѣ
Вести дѣла.
Пусть наши добрые задатки
Она поетъ,
А время мчится безъ оглядки
Впередъ, впередъ...
Гдѣ-жъ люди тѣ, чья мысль широко
Бросала свѣтъ?
«Иныхъ ужь нѣтъ, а тѣ — далеко,»
Сказалъ поэтъ!..

* *
*

Родимою гостьей пришла къ намъ сама
Съ трескучимъ морозомъ злодѣйка зима.
Мужикъ въ деревушкѣ заботливъ у насъ:
На цѣлую зиму онъ дровецъ припасъ...
Но къ зимѣ случился военный постой,
Исчезли дрова по причинѣ простой...
И мерзнетъ крестьянинъ, и шепчетъ: о, Боже,
На что-же все это похоже?
Въ морозное время, въ довольствѣ и мирѣ,
Живетъ экономъ на казенной квартирѣ,
Себя онъ не хочетъ блаженства лишать,
Натоплены печи—что трудно дышать;
Излишнимъ тепломъ онъ теперь недоволенъ,
И, даже отъ жару, становится боленъ,
И злится, и шепчетъ: о, Господи Боже!
На что-же все это похоже?
До пышной столицы изъ дальнихъ сторонъ
Голодныхъ собратій доносится стонъ,
Гдѣ силы родныя дробитъ будто молотъ
Съ бѣдой неисходной и холодъ и голодъ.
Гдѣ горькихъ лишеній суровое зло
Въ конецъ горемыкамъ животъ подвело,
Гдѣ гибнутъ собратья, рыдая: о, Боже!
На что-же все это похоже?
До слуха вельможи случайно дошло,
Что холодъ и голодъ дѣйствительно зло.
И понялъ вельможа всю важность тѣхъ бѣдъ,
И въ пользу голодныхъ устроилъ обѣдъ.
Чувствительность сердца онъ тѣмъ успокоилъ,
Но жаль, что обѣдомъ желудокъ разстроилъ,
И тошно вельможѣ... О, Господи Боже!
На что-же все это похоже?—

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Отвѣдавши жизни невзгоды,
Я встрѣтился съ другомъ своимъ,
Припомнилъ студенчества годы,
И долго бесѣдовалъ съ нимъ.
Онъ слушалъ такъ грустно, уныло,
Понять я не могъ, отчего,—
Что прежде его веселило,
То нынѣ печалитъ его?.

***

Онъ мнѣ намекнулъ на карьеру,
Что въ общее благо пора
Утратить безумную вѣру
И ждать отъ мечтаній добра.
Что онъ на богатой женился,
Съумѣлъ сколотить капиталъ...
О, другъ мой! чего ты стыдился,
Тѣмъ нынѣ гордиться ты сталъ.

***

На дняхъ я съ нимъ встрѣтился снова,
Онъ былъ такъ любезенъ, рѣчистъ,
И какъ-то замѣтилъ я къ слову:
„Да ты, братъ совсѣмъ нигилистъ!“
На это онъ страшно озлился,
Ушелъ, не сказавъ ничего...
Чудакъ онъ, чѣмъ прежде гордился,—
Теперь онъ стыдится того.

***

Вчера я опять съ нимъ столкнулся,
Въ кружкѣ онъ былъ знатныхъ особъ,
Увидя меня—отвернулся,
И строго нахмурилъ свой лобъ.

Меня удивилъ онъ не мало,
И понялъ я вдругъ, отчего,—
Что прежде его унижало,
Теперь возвышаетъ его!..

* *
*

Фальшивое слово! продажное слово!
Тебя мы подъ маской легко узнаемъ,
На добрую мысль отозваться готово,
Не доброе дѣло въ значеньи твоемъ.

Давно ты знакомо и юности нашей,
Давно ты родилось во мракѣ временъ,
Твою мы отраву пьемъ полною чашей,
И слышимъ въ проклятьяхъ грядущихъ племенъ.

Съ пронырствомъ лукавымъ и съ легкой наживой,
Безчестныя цѣли имѣя въ виду,
Идя горделиво дорогою лживой,
Какъ ржавчина въѣлось ты въ нашу среду.

Напрасно своимъ ты безчестьемъ порочишь
Святыя начала великихъ идей,
И съ толку сбиваешь, и нагло морочишь
Довѣрчивыхъ, слабыхъ и глупыхъ людей.

Мы знаемъ, пріятно для сытыхъ холоповъ,
Для злыхъ мраколюбцевъ—затмѣнье уму,
Что-бъ грабить подъ маской друзей-филантроповъ
Нужду трудовую и нищихъ суму.

Убить тебя можно настойчивымъ дѣломъ,
Сказать тебѣ можно: «на вѣки молчи!»
Вѣдь истины солнце за близкимъ предѣломъ
На грѣшную землю бросаетъ лучи.

* *
*

Что-же ты задумалась, голова пропащая,
Счастья-ли прожитаго стало тебѣ жаль,
Иль такъ утомилася грудь всевыносящая,
Что ее осилила лютая печаль?
Брось раздумье горькое, и какъ прежде гордая
Думы неотвязныя прочь ты отгони,
У тебя-ль бездольная, есть защита твердая —
Безупречной юности золотые дни.
Ты съ трудами честными не погибнешь съ голоду,
Пусть стращаетъ гибелью злоба и гроза,
Честь свою побѣдную сохранивши съ молоду,
Можешь не краснѣя ты всѣмъ смотрѣть въ глаза.
Пусть друзья—покинули, люди перемѣнчивы,
Пусть любовь оставила—вѣдь когда нибудь
И любовь, и дружество могутъ беззастѣнчиво,
Съ новымъ счастьемъ, прежнюю руку протянуть.
Въ это время трудное ты узнаешь болѣе —
Мудраго значенія жизни, и людей,
Не сравнишь зависимость съ дорогою волею,
И на жизнь суровую взглянешь посвѣтлѣй...

* *
*

Ночька ты темная, ночь безотвѣтная,
Съ ранняго дѣтства тебя я люблю,
И всѣ волненія дня непривѣтнаго
Волей — неволей съ тобою дѣлю.
Радъ-бы забыть я съ тобой благодатною,
Жизнь отравленную тучей заботъ,
Радъ заглушить-бы ихъ пѣснью понятною,
Сбросить съ души этотъ каторжный гнетъ.
Рвутся-ль на волю мечтанья кипучія,
Держитъ ихъ жизнь, будто зло, на цѣпи,

Просятся къ дѣлу и руки могучія,
Время работать... а слышишь — „терпи“...
Волюшка—воля, мечта безотчетная,
Ты вѣдь, родная, не гостья залетная,
Взглянь веселѣе сквозь правды лучи,
Горе размыкай и грудь облегчи!..

НОЧЬЮ.

I.

Сумрачна, ненастлива осенняя пора,
Вѣтеръ—точно бѣшеный, и дождь—какъ изъ ведра;
Блѣдная красавица по Невскому спѣшитъ,
«Ѣхать что-ли, барышня?» извощикъ говоритъ;
Франтъ въ пальто поношенномъ ей шепчетъ надъ ушкомъ:
Съ эдакой хорошенькой пошелъ бы я пѣшкомъ...
Голову потупивши идетъ себѣ она,
Воинъ, брякнувъ саблею, промолвилъ: «не дурна!»
И съ улыбкой злобною схватившись за карманъ,
Выпить на двугривенный заходитъ въ ресторанъ.

II.

Тамъ, гдѣ Мойка грязная такъ медленно течетъ,
Съ барышнями бойкими хозяюшка живетъ.
Въ эту пору позднюю три купчика кутятъ,
Льются вина сладкія, и денежки летятъ.
Высланная изъ дома вечернею порой,
Съ Невскаго прохожая вернулася домой,
Блѣдная, усталая, какъ тѣнь она пришла,
Только слезы горькія съ собою принесла.

Оргія безумная кипитъ... а за стѣной
Слышатся рыданья подруги молодой.

III.

А вдали отъ города, въ погнувшейся избѣ,
Плачетъ мать красавицы съ безсонницей въ борьбѣ:
«Кто-то мнѣ на старости готовится помочь,
«Гдѣ-то моя милая, обманутая дочь?
«Гдѣ она, голубушка, среди какихъ людей
«Бросилъ безталанную безжалостный злодѣй;
«Ручки ея бѣлыя, привыкшія къ труду,
«Снова раздѣлили-бы семейную нужду...»
Но въ отвѣтъ страдалицѣ слышится одно:
Хлещетъ частымъ дождикомъ лишь вѣтеръ объ окно!

ВЪ САЛОНѢ.

Удостоился я чести
Быть на дняхъ въ одномъ салонѣ;
Разговоръ велся тамъ важный
Какъ всегда, въ приличномъ тонѣ,

О сословныхъ предразсудкахъ,
О рутинѣ, о прогрессѣ,
О трудѣ мужскомъ и женскомъ,
О свободной нашей прессѣ.

Разумѣется тамъ были
Репортеры всѣхъ вопросовъ;
Въ рѣчи ихъ свое вниманье
Погружалъ я, какъ философъ.

Помню я, какъ мужъ извѣстный,
По чинамъ и по рожденью,
Противъ глупыхъ предразсудковъ
Говорилъ по убѣжденью:

«Я не прочь соединиться
И съ мѣщанскою семьею,
Если дѣвушка-невѣста
Будетъ выгодной статьею»...

«Женскій трудъ,—сказала томно
Баронесса генеральшѣ, —
Для среды плебейской созданъ
И идти не можетъ дальше».

Тутъ возсталъ дрожащій старецъ,
Членъ какого-то совѣта,
И сказалъ: «вчера, случайно
Мнѣ попалася газета;

«Пишутъ будто мы въ собраньяхъ
Объ дѣлахъ не судимъ зрѣло,
И не выслушавши сути
Зря подписываемъ дѣло.

«Ну, положимъ, все бываетъ;
Но, не глупъ-ли тотъ, кто пишетъ, —
Вѣдь и онъ, когда зѣваетъ,
Ничего тогда не слышитъ!»

Борзописцамъ дали волю,
Кто-то вставилъ замѣчанье:
Охъ, ужь эти намъ писаки:
Просто — божье наказанье...

«Слышалъ я, возвысилъ голосъ
Бюрократъ одинъ печально:
Будто нашъ начальникъ новый
Началъ мыслить либерально.

«Но, по логикѣ старинной,
Убѣждаюсь я глубоко,—
Тотъ не можетъ думать низко,
Кто стоитъ весьма высоко!»

— Это такъ! отвѣтилъ рѣзко
Представитель классицизма:
Вотъ-съ теперь на просвѣщенье
Смотрятъ съ точки реализма.

Мужикамъ заводятъ школы,
Но сознайтесь, не краснѣя:
Чѣмъ безграмотнѣе люди,
Тѣмъ мы кажемся умнѣе...

Ахъ, читатель! эти рѣчи
Слушалъ я мотая на усъ,
И въ мозгахъ моихъ донынѣ
Все царитъ какой-то хаосъ.

ТЕОРЕМА.

Если-бы на свѣтѣ всѣмъ жилось какъ надо,
Не было-бы зла,
То, сказать по правдѣ, жизнь не лучше-бъ ада
Для иныхъ была.

*

Никогда на свѣтѣ люди не видали
Худа безъ добра,—
Не было-бъ болѣзней,—что-бы дѣлать стали
Наши доктора?

Если-бъ всѣ народы сохраняли свято
Равенство и миръ,—
Что-бы стали дѣлать наши дипломаты,
Чѣмъ-бы сталъ мундиръ?
Если-бъ прекратились кражи, преступленья,
Сталъ-бы честнымъ плутъ,
Никакого-бъ ровно не имѣлъ значенья
Мировой нашъ судъ!

Если-бы безъ пошлинъ былъ обмѣнъ возможенъ
Общаго труда,
Плутни, контрабанды и надзоръ таможень
Пали-бъ безъ слѣда.
Если-бъ въ честномъ дѣлѣ были всѣ достатки,
Да разсчетъ толковъ,
Мы не сознавали-бъ беззаконность взятки,
Зла—ростовщиковъ.

Если-бъ женщинъ праздныхъ, глупостью набитыхъ,
Не встрѣчалъ нашъ свѣтъ,
Могъ-ли-бы цѣнить онъ нравственно-развитыхъ
Спутницъ юныхъ лѣтъ?
Если-бъ свѣтъ предъ тьмою былъ на перевѣсѣ,
Какъ впередъ мы шли,
Никакой-бы пользы мы въ своемъ прогрессѣ
Нынче не нашли...

Если-бъ... но не лучше-ль эту теорему
Бросить на пути:

Тысячи примѣровъ на такую тему
Можемъ мы найти.
Проживи на свѣтѣ хоть столѣтій десять
Будетъ цѣль въ одномъ:
Какъ-бы повѣрнѣе жизнь уравновѣсить
Межъ добромъ и... зломъ!..

КТО СМѢШНѢЙ?

Въ смѣхѣ мы можемъ легко ошибаться:
Чтобъ убѣдить себя въ этомъ хоть разъ,
Стоитъ по Невскому намъ прогуляться
Въ праздникъ, зимою, въ полуденный часъ.
Что за блестящія встрѣтимъ мы краски!
Франтъ пролетаетъ на парѣ коней...
Кто-же смѣшнѣе: сидящій въ коляскѣ,
Иль на запяткахъ лакей?

Въ полдень зимою, толпой новомодной
Свѣтъ петербургскій идетъ на показъ;
Тутъ-же, сторонкой, въ шинели холодной
Вышелъ бѣднякъ прогуляться на часъ.
Смѣхомъ встрѣчаютъ контрастъ превеликій,
Ветошь средъ газовъ и блондъ дорогихъ...
Кто-же смѣшнѣй: трудовой горемыка,
Или толпы щеголихъ?

Вотъ распродажа: афишей аршинной
Публику въ лавку торговецъ зоветъ,
Публикѣ доброй съ улыбкой невинной
Чуть-ли не даромъ товаръ отдаетъ!

Лавка съ товаромъ, какъ полная чаша,
Видомъ своимъ прикрываетъ обманъ...
Кто-же смѣшнѣе здѣсь: публика наша,
Или купецъ-шарлатанъ?

Пошлою выходкой, сценой скандальной
Встрѣтили даму два юныхъ орла,
Дама-же, въ споръ не пускаяся дальній,
Юному рыцарю плюху дала,
И преспокойно отправилась прямо...
Хохотъ въ толпѣ и насмѣшки такъ злы...
Кто-же смѣшнѣй: оскорбленная дама
Иль удалые орлы?

Братцы! подобныхъ явленій не мало
Вамъ попадаться на свѣтѣ могло,
Всѣ мы смѣемся надъ жертвой скандала,
Всѣ снисходительно смотримъ на зло.
«Въ смѣхѣ мы можемъ легко ошибаться!»
Чтобъ убѣдиться въ морали такой,
Стоитъ по Невскому вамъ прогуляться,—
Вы согласитесь со мной!...

* * *

Послѣ сытнаго обѣда
Не всегда мнѣ крѣпко спится,
Въ міръ классическихъ романовъ
Я люблю переноситься...

Возникаютъ предо мною,
Припадая къ изголовью,
Благородные герои
Съ благородною любовью.

Тѣ герои, что́ красавицъ
Отъ злодѣевъ защищали,
Возвышаться надъ порокомъ
Добродѣтель заставляли.

Я завидую ихъ жизни...
Шла она безъ испытаній,
Не смущенная какъ нынѣ
Грѣшнымъ духомъ отрицаній.

Вмѣсто умственныхъ процессовъ
Былъ процесъ—пищевареній,
Погружающій героевъ
Въ царство грезъ и наслажденій.

Если-жъ кто умомъ пытливымъ
Мыслилъ дерзко и свободно,—
Самаго его пытали
И сжигали всенародно.

О, возвышенныхъ героевъ
Благороднѣйшее племя!
Что за жалкіе потомки
Появились въ наше время!

Ваши нравы порицаютъ,
Признаютъ труды, науки,
Говорятъ, что для работы
Голова дана и руки.

И во всемъ противорѣча
Людямъ стараго закала,
Родовыхъ авторитетовъ
Повергаютъ съ пьедестала!..

Но какой-то голосъ тайный
Говоритъ мнѣ: «успокойся,
Этихъ выродковъ прогресса
Ты пожалуйста не бойся!

«Вѣдь и въ нынѣшнее время,
Можно нравственнымъ калѣкой
Жить безъ всякаго раздумья
Подъ отеческой опекой!..»

ВСТРѢЧА.

На скамейкѣ школьной,
Мы — друзьями были
И съ душею вольной,
Смѣло въ жизнь вступили
Жизнь насъ разлучила,
Юность промелькнула,
Дружба измѣнила,
Воля обманула!

Лѣтъ прошло не мало
Съ времени былаго,
Чинно, сухо, вяло
Встрѣтились мы снова.
Онъ мнѣ съ видомъ львинымъ
Молвилъ важнымъ тономъ:
«Я теперь, братъ, съ чиномъ,
И... съ полумильономъ!
Въ логику людскую

Возвратилъ я—вѣру,
Ну, а ты, какую
Сдѣлалъ, братъ, карьеру!

Предъ любимцемъ счастья
Я стоялъ какъ пѣшка,
Слышалась — въ участьѣ
Горькая насмѣшка.
Но пріятель снова
Съ гордостью прибавилъ:
Что плоха основа
Юношескихъ правилъ;
Что въ ладу съ дѣлами
Не живетъ — идея,
Что дѣльцы съ лѣтами
Быть должны умнѣе,
И что мнѣ, какъ другу,
Времени былаго,
Онъ готовъ услугу
Оказать безъ слова.

Я просилъ, что-бъ дольше
Онъ не объяснялся,
И со мною больше
Вѣкъ-бы не встрѣчался.
Не было-бъ той просьбы,
По простой причинѣ:
Если не пришлось-бы
Быть намъ въ разномъ чинѣ!

СТАРАЯ СКАЗКА.

Въ низкомъ подвалѣ, за сторою грязной,
Тускло мерцаетъ ночникъ,
Темною ночью, съ тоской неотвязной
Борется дряхлый старикъ.
Въ мысляхъ его постепенно проходятъ
Всѣ промелькнувшіе дни,
Видно больнѣе на сердце наводятъ
Старое горе они.
Помнитъ онъ счастье свое прожитое,
Роскошь отцовскихъ палатъ,
Все-то богатство свое родовое,
Весь-то наслѣдственный кладъ.
Юности рабской былыя невзгоды
Вспомнились всѣ, до конца,
Первые годы нежданной свободы,
Данные смертью отца;
Добрыхъ пріятелей, жизнь круговую,
Праздности дикій развратъ,
Опись имѣнья, тюрьму долговую,
Первую горечь утратъ.
Помнитъ то время, когда встрепенулась
Страсть роковая въ крови...
Шведка — сосѣдка ему приглянулась —
Дѣло дошло до любви.
Бѣдная жертва съ глупцомъ повѣнчалась.
Бѣдная! знала-ль она,
Что безъисходная жизнь начиналась,
Что она гибнуть должна.
Въ омутѣ черномъ нужды и порока
Стало терпѣть ей не въ мочь,

Тихо угасла она безъ упрека,
Мужу оставивши дочь...

* * *

Вотъ и пошла эта жизнь заклятая,
Пьянствуетъ съ горя отецъ,
Съ нимъ-то свой жизненный путь начиная
Дочь подросла наконецъ.
Добрые люди пристроили Олю,
Оля живетъ у господъ,
Просится сердце и разумъ на волю,
Олѣ — пятнадцатый годъ;
Стройна, красива.. и добрые люди,
Спѣвши ей сладкую рѣчь,
Дѣвственный трепетъ взволнованной груди
Ловко могли подстеречь.
Стала явлиться она въ Эльдорадо,
Стала являться и тамъ,
Тамъ... гдѣ, читатель, съ тобою не надо
Часто присутствовать намъ.
Если-жъ порою летитъ отъ веселья
Наша красотка домой,
То завернетъ и къ отцу, на похмѣлье
Бросить рублишко—другой..
Вотъ и теперь..
За гардинкою рваной
Гаснетъ мерцая ночникъ,
Въ темномъ углу, безобразный и пьяный,
Спитъ безпокойно старикъ.
Стукнули въ двери рукою знакомой...
Милая дочка—предъ нимъ;
Взглядъ ея жаркій, съ какой-то истомой,
Блещетъ огнемъ роковымъ,
Вмѣстѣ и рубище, юность и старость,
Слезы, упреки и смѣхъ—

Въ старческихъ взорахъ и зависть, и ярость,
Въ сердцѣ—сознательный грѣхъ.
И... на родную картину скандала,
Мрачный пріютъ озаря,
Смотритъ въ глухое окошко подвала
Майскаго утра заря!...

ПАМЯТИ ИСТЕКШАГО ЛѢТА.

Съ приходомъ лѣтнихъ дней влечетъ порывъ безумный
Въ деревню мирную, туда... къ роднымъ лугамъ...
О, лѣто красное! въ стѣнахъ столицы шумной
Не много радостей даришь ты бѣднякамъ.
На свой роскошный путь не сыплешь ты цвѣтами,
Здѣсь все заковано въ желѣзо и гранитъ,
И солнце знойное отвѣсными лучами
На людъ трудящійся убійственный палитъ.
Отъ раскаленныхъ стѣнъ полдневнымъ пышетъ жаромъ,
Грозя болѣзнями .. бѣдою... и пожаромъ...
Легко достигнувъ цѣль желаній дорогихъ,
Съ избыткомъ счастія довольныя всѣ лица
Покинули тебя до осени, столица,—
На шумныхъ улицахъ я не встрѣчаю ихъ.
Я вижу, какъ томитъ средь душныхъ канцелярій,
Измученную грудь присяжный пролетарій,
Какъ отъ родныхъ полей на заработки къ намъ
Въ истоптанныхъ лаптяхъ бредутъ родные гости,
Чтобъ лишній грошъ добыть оставленнымъ семьямъ,
Иль въ Питерѣ сложить надломленныя кости.
Какъ въ шумныхъ фабрикахъ кипитъ и день и ночь,
За плату малую, тяжелая работа,

Какъ горькая нужда не отлетаетъ прочь,
Отъ рукъ мозолистыхъ и трудоваго пота...
Богъ нà помощь тебѣ, рабочій бѣдный людъ!
Ты вѣчный труженикъ, судьбѣ своей послушный,
Всю жизнь перенося свой непосильный трудъ,
По смерть ты осужденъ страдать за хлѣбъ насущный...
Трудись-же и трудись, вѣдь это твой удѣлъ,
А отдыхъ предоставь ты тѣмъ, кто побогаче,
Кто можетъ отъ плодовъ своихъ безгрѣшныхъ дѣлъ
Съ законною семьей блаженствовать на дачѣ,
Иль ѣхать за море, чтобъ наши барыши
Съ достоинствомъ бросать прославленнымъ сосѣдямъ;
Но мы, наперекоръ стремленіямъ души,
Съ трудами честными далеко не уѣдемъ!
Клейма суровости съ чела мы не сотремъ,
О счастіи людскомъ какъ дѣти понимая,
И въ дни веселые ликующаго Мая
Смотрѣть намъ суждено угрюмымъ Сентябремъ...
Не даромъ же порой влечетъ къ роднымъ лугамъ
Изъ душныхъ городовъ, порывъ любви безумный;
О, лѣто красное! въ стѣнахъ столицы шумной
Не много радостей даришь ты бѣднякамъ!...

* *
*

Все-бы намъ праздники, все-бы игрушки,
Жизнью мы тѣшимся будто дитя,
Въ свѣтѣ мы любимъ однѣ погремушки,
Къ дѣлу относимся вѣчно шутя.
Все, что для пользы у насъ учредилось,
Начато чудно, конецъ плоховатъ,—
Кто же тутъ, братцы, скажите на милость,
Кто-же у насъ тутъ во всемъ виноватъ?

Деньги-ли нужны? Пускай въ обороты
Все, что принесъ вѣковѣчный намъ трудъ ..
Если-жъ приблизятся къ дѣлу разсчеты—
Въ счетахъ съ концами концевъ не сведутъ.
Люди-ль сойдутся въ бесѣдѣ интимной,
Ловятъ въ обманѣ одинъ одного,
Клубъ-ли устроятъ для пользы взаимной—
Ищутъ взаимность въ буфетѣ его.
Въ обществѣ-ль нашемъ сойдется собранье,
Чтобы повѣрить родной капиталъ,
Дѣло начнется, какъ водится, бранью,
Кончитъ его неизбѣжный скандалъ...
Иль въ предпріятіи акціонерномъ,
Выгодъ такъ много, уставъ такъ хорошъ...
Что-жъ въ результатѣ окажется вѣрномъ?
Тысячи акцій идутъ ни за грошъ!
Всѣ учрежденья полезныя славятъ,
Слава-же эта кончается тѣмъ,
Что управители денегъ награбятъ,
А учрежденья разстроятъ совсѣмъ.
Въ прессѣ-ль мелькнетъ золотая идея
Благомъ народнымъ по скользкой стези,
То, подъ личиной добра, не краснѣя,
Эту идею затопчатъ въ грязи...
Все, что для пользы у насъ учредилось,
Начато съ толкомъ, конецъ плоховатъ;
Кто-же тутъ, братцы, скажите на милость,
Кто-же у насъ тутъ во всемъ виноватъ?..

СТАРЫЙ ДОМЪ.

Захожу въ свой домъ старинный...
Вспоминаній цѣлый рой,

Рой докучливый и длинный
Возникаетъ предо мной,
Вспоминаю, какъ порою,
Въ вечера глухой зимы,
Въ общей комнатѣ семьею
Для бесѣдъ сбирались мы.

Отражаясь на паркетѣ,
Ходитъ маятникъ стуча,
И мерцаетъ въ полусвѣтѣ
Нагорѣвшая свѣча.
Дѣдъ мой рѣчь ведетъ протяжно,
И ругая молодежь,
По своей оцѣнкѣ важной
Онъ ее не ставитъ въ грошъ.

Дѣдъ мой умеръ,—и отъ скуки
Нынче въ этотъ старый домъ
Пировать приходятъ внуки,
Вспоминая о быломъ.
Разсуждаютъ очень смѣло,
Пьютъ за правду, за прогрессъ;
Но отъ ихъ рѣчей до дѣла
Далеко, какъ до небесъ!

И невольно западаетъ
Дума въ голову мою:
Сколько дѣдовъ процвѣтаетъ
И теперь въ родномъ краю!
Все слова! — Но я безъ слова
Срыть бы старый домъ хотѣлъ,
Чтобъ на немъ легла основа
Не для слова, а для дѣлъ.

ХУДОЖНИКУ.

Съ жаждой вдохновенья
Пишешь ты картины,
Хочешь ты въ твореньяхъ
Избѣгать рутины.
Избѣгай всей силой
Недостатокъ главный,
Я тебѣ, мой милый,
Дамъ сюжетецъ славный.
Взглянь какъ мы съ тобою,
Вѣкъ живя въ заботѣ,
Вязнемъ съ головою
Въ родовомъ болотѣ.
Съ Сѣвера до Юга
Здравый смыслъ хоронимъ
И давя другъ друга
Всѣ въ болотѣ тонемъ.
Гады, паразиты
Вьются надъ трясиной,
Всѣ они покрыты
Вѣковѣчной тиной.
Благо тѣмъ лѣнивцамъ,
Что сидятъ надъ нами,
Мы почетъ счастливцамъ
Воздаемъ спинами.
Гнутся наши спины
Подъ пріятной ношей...
Для такой картины
Мы—сюжетъ хорошій!...

ХМѢЛЬ.

Либералъ я непокорный,
Допотопный богатырь,
Не боюсь тюрьмы я черной,
Не страшитъ меня Сибирь.
Срѣжу съ ногъ и уничтожу
Мудреца и простяка,
И свѣтлѣйшаго вельможу,
И простаго мужика.

* * *

Если бѣдность одолѣла,
Если зло кого гнететъ,
Или пользы нѣтъ отъ дѣла,
Иль кто духомъ упадетъ,
Злое горе-ли ударомъ
Пришибетъ кого вполнѣ,
Тотъ, друзья мои, не даромъ
Топитъ грусть свою во мнѣ.

* * *

Хоть приму въ игрѣ десятку
За козырнаго туза,
Но за то и правду-матку
Храбро выскажу въ глаза;
Объясню вполнѣ причину,
Отчего бѣднякъ иной
Вдругъ заводитъ не по чину
Дружбу крѣпкую со мной.

* * *

Вѣкъ чужда меня измѣна,
На меня закона нѣтъ,
Мнѣ и море по колѣно,
И въ потьмахъ я вижу свѣтъ;

Выхожу я невредимо
Изъ воды и изъ огня...
Не за то-ли край родимый
Почитаетъ такъ меня?

*
* *

Не за то-ли пьетъ онъ влагу
Оживленную мою,
Что я въ грудь его отвагу
Утѣшительную лью?...
Пишутъ много и въ газетахъ,
Какъ, и днемъ и вечеркомъ,
Ѣздятъ трезвые—въ каретахъ,
Бродятъ пьяные—пѣшкомъ...

*
* *

Кто живетъ въ довольствѣ, въ нѣгѣ,
Какъ счастливый человѣкъ,
Кто о пищѣ да ночлегѣ
Не заботился весь вѣкъ,
На кого глядѣть завидно,
Кто и въ знати, и въ чести,
Такъ тому со мною стыдно
Хлѣбосольство завести!..

*
* *

Пусть, слова принявъ за дѣло,
И марая цѣлый листъ,
Обо мнѣ трактуетъ смѣло
Нашъ дешевый публицистъ;
Фантастической причудѣ
Смѣло молвлю я въ отвѣтъ:
Что въ крещеномъ нашемъ людѣ
По *принципу* пьянства нѣтъ!

*
* *

Знаю, братцы, знаю, тотъ, кто посмѣлѣе,
Говоритъ, что правда солнышка свѣтлѣе;
Оттого-то видно свѣтъ ея лучей
Признанъ очень вреднымъ для людскихъ очей;
Что для благъ грядущихъ, честно, безъ обмана,
Безъ расчетовъ тонкихъ, жить еще намъ рано;
Впрочемъ, я на это могъ-бы отвѣчать:
Высказалъ бы правду, но... велятъ молчать.

*
* *

Какъ на свѣтъ тотъ яркій, согласитесь сами,
Взглянемъ безъ стыда мы сонными глазами?
Ну, какъ онъ освѣтитъ, съ нами примирясь,
Всю, безъ исключеній, вѣковую грязь,
И еще, пожалуй, къ общей всѣмъ обидѣ,
Насъ самихъ представитъ въ настоящемъ видѣ,
Да грѣшки безъ шутокъ станетъ обличать?
Нѣтъ, друзья, объ этомъ лучше помолчать!

*
* *

Отъ такого свѣта, на иныя норки
Вѣшать не мѣшаетъ розовыя сторки,
Ибо съ колыбели намъ твердятъ одно:
Пользуйся, мой милый — что тебѣ дано.
Многимъ не по сердцу умныя реформы,
Но, смотря на дѣло съ точки общей нормы,
Случай заставляетъ иногда встрѣчать,
То, о чемъ нелишнимъ будетъ помолчать.

*
* *

Мы имѣемъ право взглядомъ ненавистнымъ
Презирать неправду съ мракомъ закулиснымъ,
Бичевать злодѣйку вспышкой юныхъ лѣтъ,
Вѣдь отъ словъ до дѣла заростетъ и слѣдъ;

*

Доведемъ, пожалуй, до улыбокъ ясныхъ
Хмурыхъ камчадаловъ на подкладкахъ красныхъ,
Если-же громчѣе вздумаемъ кричать,
То, безъ разсужденій... можно помолчать!

* *
*

Напрасно спорилъ ты съ безумцемъ горделивымъ,
Напрасно защищалъ понятія свои.
Я вижу—и теперь духъ злобы справедливой
Горитъ огнемъ въ тѣсей взволнованной крови.
Не рѣдкость намъ встрѣчать подобныя явленья;
Пускай онъ говоритъ, что наша старина
Сильнѣе юныхъ силъ младаго поколѣнья,
Что въ жизни къ лучшему готовилась она...
Что слово истины ведетъ къ прямой напасти,
Что отъ свободы намъ хорошаго не ждать,
Что надо насъ взнуздать подъ гнетомъ гордой власти
И оживленный умъ цѣпями оковать;
Чтобъ дѣлу общему дать долгую отсрочку,
Чтобъ роли новыя играть на старый ладъ,
Къ развитію людей поставить надо точку,
И тѣхъ, кто впереди, тащить опять назадъ...
На этотъ дикій взглядъ нужнѣе смѣхъ, чѣмъ злоба.
Пускай-же онъ гремитъ глупцамъ подобнымъ въ слѣдъ!..
Они живутъ средь насъ, какъ выходцы изъ гроба,
Какъ средь живыхъ людей блуждающій скелетъ...
Безжизненный покой для нихъ одна отрада,
Имъ чистымъ воздухомъ больнѣе душитъ грудь...
А мы... мы жить хотимъ, намъ свѣтлой жизни надо,
Чтобъ съ вѣрою глядѣть на обновленный путь..

БѢДНЫМЪ ЛГУНАМЪ.

Ахъ, зачѣмъ вы такъ правды пугаетесь,
И такъ лжете на каждый вопросъ;
Напримѣръ, васъ спросили въ морозъ:
— Отчего такъ легко одѣваетесь?
Говорили бы прямо въ отвѣтъ:
«Шубы нѣтъ»!..
Что она пропадаетъ заложенной.
Но, скрывая постигшее зло,
Лжете вы со щекой отмороженной,
Что сегодня вамъ очень тепло...

—

Вы не будьте пустыми загадками,
Чѣмъ вамъ мучиться ложнымъ стыдомъ,
Вы гордитеся честнымъ трудомъ
Съ трудовыми его недостатками.
Ваша бѣдность не зло, не позоръ,
А укоръ
Тѣмъ лжецамъ, что съ безчестностью лживою
Заѣдаютъ вашъ бѣдственный трудъ,
И съ своею мудреной наживою,
Припѣвая на свѣтѣ живутъ!

ЧУДАКЪ.

(Разсужденіе сытаго человѣка).

Есть у насъ на бѣломъ свѣтѣ
Много чудаковъ,
Бьются всѣ они какъ дѣти
Изъ-за пустяковъ.

Ищутъ счастья, да участья
За грошевый трудъ,
А придетъ посмотришь счастье—
Сами не берутъ!

Былъ чудакъ, съ нуждою тихо
Бился жизнь кляня,
Вдругъ бѣднягѣ—богачиху
Сватаетъ родня.
Отказался, всѣхъ сконфузилъ
И рукой махнулъ,
И нужды гнетущей узелъ
Крѣпче затянулъ.

Вновь бѣднягѣ подлетѣла
Божья благодать:
Лжесвидѣтелемъ по дѣлу
Попросили стать...
Взялъ-бы онъ и денегъ груду,
Жилъ-бы какъ баронъ,
Но храня свою причуду
Отказался онъ.

На себя надѣясь твердо,
Бѣденъ полу-сытъ,
Онъ держать себя такъ гордо
Не считалъ за стыдъ.
Былъ готовъ для скудной пищи
Всякій трудъ сносить,
И стыдился этотъ нищій
Кланяться, просить....

Что-жъ? и умеръ горемыкой,
Выбившись изъ силъ,—

Этой честностью великой
Свѣтъ не удивилъ.
Принимай въ глупцахъ участье,
Уважай ихъ трудъ,
А они при видѣ счастья
Шеи не согнутъ!

СТАРОМУ ДРУГУ.

Зачѣмъ индѣйскимъ пѣтухомъ
Ты ходишь гордый и спѣсивый;
Похожъ ты другъ самолюбивый
На старый пень, обросшій мхомъ,
Средь свѣжей зелени... Съ привѣтомъ
Мы задаемъ тебѣ вопросъ:
Какую пользу ты принесъ?
Чѣмъ заявилъ себя предъ свѣтомъ?
Въ отставку вышелъ ты корнетомъ,
И въ глушь отцовскихъ деревень,
Съ своею кличкою вельможной,
Забрался ты на кормъ подножный;
Надѣлъ охотничій чекмень,
Обзавелся любимой псарней,
И средь сосѣдей-дикарей,
Могу сказать, что всѣхъ псарей
Ты былъ отважнѣй и шикарнѣй...
Загнавши въ гробъ жену, семью,
Ты отупѣлъ въ попойкахъ, дракахъ,
И страсть послѣднюю свою
Сосредоточилъ на собакахъ.
Увы! прошла твоя пора,

Твоихъ борзыхъ хвосты поджались,
Твои клевреты со двора
Всѣ разошлись, всѣ разбѣжались...
И вотъ, теперь въ столицѣ ты,
Съ дѣлами земства расквитавшись,
Какъ сирота одинъ оставшись,
Царишь въ пространствѣ пустоты,
И отъ тебя съ твоею славой
Одинъ остался песъ лягавый.
Всю жизнь дѣля съ твоей судьбой,
До нынѣ твой любимецъ старый,
Понуря голову, поджарый,
Уныло ходитъ за тобой.
Лишь только ты еще храня
Величья стараго остатки,
И все живущее браня,
Клянешь гуманные порядки.
О, витязь, твой отжившій типъ
Не возмущаетъ насъ нисколько;
Повѣрь, теперь ты старый грибъ,
Скелетъ ходячій ты, и только...
И на тебя смотря, герой,
Смѣшно бываетъ намъ порой:
Твое сердитое беззубье,
Твое собачье самолюбье!...

БЕЗДОЛЬНЫЙ.

Идетъ онъ изъ должности съ горькой заботой
О хлѣбѣ насущномъ тяжелаго дня,
И думаетъ думу, что съ новой работой
Признательно встрѣтятъ хоть дома меня.

Придетъ, и встрѣчаетъ не ласки, не дружбу,
А плачъ, да упреки голодной нужды...
Такъ вотъ гдѣ награда за вѣрную службу,
За честные ваши труды!..
Онъ трудится съ дѣтства, и съ дѣтства хоть малость
На помощь семьѣ отъ трудовъ приносилъ,
Отдать ей готовъ онъ на сколько осталось
Въ груди молодой неистраченныхъ силъ.
Онъ ночью безсонною губитъ здоровье,
И гаснетъ энергія въ трудной борьбѣ...
Отъ васъ, богачи, онъ не встрѣтитъ съ любовью
Взаимную помощь себѣ!..
Твердятъ, что онъ правду высказывать любитъ,
Что вѣчнымъ презрѣньемъ онъ платитъ врагу,
И будто онъ тѣмъ свою молодость губитъ,
Что гордый предъ знатью не гнется въ дугу.
Что долженъ онъ пошлость сносить добровольно,
Махнувши рукою на грѣшный доходъ...
Что каждый обязанъ средь жизни бездольной
Искать этотъ добрый исходъ...
Ищите! И всѣмъ заживется счастливо;
Пріятно въ нашъ вѣкъ прозябать богачемъ,
Въ бездѣйствіи пошломъ дремать прихотливо,
И рядомъ съ нуждой не нуждаться ни въ чемъ!
О, бѣдность! нѣтъ въ жизни больнѣе урока
Трудиться во имя твоей правоты,
Но гонишь ты жертвъ своихъ въ омутъ порока
И честныя губишь мечты!..

ГРИБЫ.

Отъ безсмысленной ск уки
Хмуря узкіе лбы,

О значеньи науки
Разсуждали грибы.
Проворчавъ замѣчанье,
Начиналъ разговоръ,
При всеобщемъ молчаньи,
Старый грибъ Мухоморъ:
«Доказали подробно
Дѣловые умы, —
Молодежь неспособна
Дѣло дѣлать, какъ мы!
Безъ принциповъ мы жили,
За тычкомъ не гнались,
Безъ вопросовъ служили,
Безъ идей разжились.
А теперь, безъ сомнѣнья,
Наша вся молодежь
Въ прогрессивномъ стремленьи
Пропадетъ ни за грошъ...»

***

Пѣлъ онъ сладко, и что-же?
Сдѣлавъ быстрый скачокъ
Изъ числа молодежи
Молвилъ юный Сморчокъ:
«Ваше ваше—ство, съ вами
Разойдусь я тотчасъ,
И теперь между нами
Есть достойные васъ,
Вотъ хоть этотъ-бы Рыжикъ,
Съ виду онъ—идіотъ,
А на дѣлѣ всѣхъ выжигъ,
Всѣхъ дѣльцовъ проведетъ;
Старъ въ наукахъ практичныхъ,
Хоть лѣтами и юнъ,
Но въ мытарствахъ различныхъ
Извернется какъ вьюнъ.

Вѣдь наслѣдственнымъ даромъ,
Изъ копѣекъ рубли,
Съ ними-съ вмѣстѣ, не даромъ
Извлекать мы могли...»

* *
*

«Да-съ, положимъ, мы юны,
Но мальчишеству въ тонъ
Не звучатъ наши струны...»
Подтвердилъ Шампиньонъ.
«Если вкусъ кто находитъ
Въ нашихъ юныхъ м згахъ,
Тотъ недаромъ разводитъ
Насъ въ родныхъ парникахъ.
Пусть сатирою строгой
Намъ свистятъ свистуны,
Подъ классической тогой
Мы развиться должны!...»

* *
*

«Реалистовъ насмѣшки
Никогда не остры»,
Изрѣкли Сыроѣшки,
Двѣ родныя сестры:
«Въ насъ нашли не Опенку,
Чтобъ мужикъ—боровикъ
Съ нами росъ въ перегонку,
И до насъ-бы достигъ...»
«Ахъ, mesdames, вы такъ тонко
Задаете намъ тонъ,
Проворчала Опенка,
Поправляя шиньонъ:
Мы хоть жили потише,
И въ глухой сторонѣ,
Но сидѣли васъ выше,
На березовомъ пнѣ».

Здѣсь возсталъ гордый Трюфель,
И сказалъ: «господа!
Безъ камзола и туфель
Я пріѣхалъ сюда,
Хоть во мнѣ былъ изъянецъ
Но къ одной госпожѣ,
Какъ младой иностранецъ,
Я попалъ въ протеже,
И на тепломъ мѣстечкѣ
Сколотивъ капиталъ,
Изъ паршивой овечки —
Чистымъ бариномъ сталъ».

* *
*

Разговоръ съ дружнымъ кликомъ,
Перешелъ въ шумный споръ,
И съ сіяющимъ ликомъ
Слушалъ ихъ Мухоморъ,
Слушалъ ихъ да и брякнулъ:
«Вся надежда на васъ!..»
И салонъ весь поддакнулъ:
«Ваше вашество, да-съ!
Не изъ той мы породы,
Чтобъ, тая въ сердцѣ грусть
Отъ житейской невзгоды,
Лезли въ кузовъ, какъ Груздь.
Вашу честь въ дни прогресса
Мы поддержимъ любя,
И въ дѣлахъ... интереса
Постоимъ за себя!..»

* *
*

Такъ недавно отъ скуки,
Хмуря узкіе лбы,
Объ житейской наукѣ
Разсуждали грибы.

ПРОВИНЦІАЛЪ ВЪ СТОЛИЦѢ.

Захотѣлъ здѣсь удивить я
Одного провинціала:
Что у насъ, дескать, не мало
Въ жизни есть теперь развитья
Прогрессивнаго начала.

* *
*

На каткѣ Фонтанки гладкой
Съ нимъ мы какъ-то очутились,
И смотря какъ тамъ—рѣзвились,
Я сказалъ съ улыбкой сладкой:
«Каково, братъ, мы развились!»

* *
*

Ловкость есть въ моихъ собратахъ,
Молвилъ онъ смотря медвѣдемъ:
Только мы, на смѣхъ сосѣдямъ,
На конькахъ, да самокатахъ,
Далеконько не уѣдемъ!

* *
*

Я въ театръ повелъ профана,
Шелъ тамъ «Фаустъ на изнанку»
И на эту-то приманку
Затащилъ я грубіяна,
Чтобъ забылъ онъ про Фонтанку.

* *
*

Что-жъ сказалъ онъ мнѣ?.. Далеко
Въ ходъ пошла бы ваша братья,
Если-бъ вмѣсто ногъ, и платья,
Поднимала такъ высоко
Здравый умъ свой, и понятья.

ЧАСТНЫЙ АДВОКАТЪ.

«Въ семьѣ не безъ урода».
Пословица.

Вотъ онъ всюду, въ модномъ фракѣ,
Расточая лесть,
Ищетъ, гдѣ зимуютъ раки,
Гдѣ пожива есть.
Былъ когда-то имъ прочитанъ
Цѣлый томъ статей,
И, съ тѣхъ поръ, всегда торчитъ онъ
Въ камерахъ судей.
Изучивши благородно
Плутни всѣхъ сортовъ,
На словахъ, за что угодно,
Взяться онъ готовъ,
Но на дѣлѣ, васъ, читатель,
Онъ продастъ, хоть въ адъ,—
Вотъ вамъ общій нашъ пріятель
Частный адвокатъ!
Вотъ другой—съ нахальствомъ барства,
Съ нимъ, братъ, не шутя,
Онъ всѣ степени мытарства
Могъ пройдти.
Крючкодѣйство зная туго,
Ябеды строчилъ,
Отъ секретнаго недуга
Купчиковъ лечилъ,
Въ рынки хаживалъ съ товаромъ
Плутомъ дѣловымъ,
Крысъ травилъ, служилъ швейцаромъ,
Былъ городовымъ...
И, занявъ, въ житейской тинѣ,
Совѣсть на прокатъ,

Изъ пройдохъ явился нынѣ
Частный адвокатъ!
Кстати, вотъ еще обращикъ,
Безъ особыхъ правъ,
Съ мѣста прогнанный прикащикъ,
За блудливый нравъ,
Къ пьянству съ юности привычнымъ,
Гдѣ-то на Пескахъ,
Завсегдателемъ обычнымъ
Былъ онъ въ погребкахъ.
Въ положеньи очень низкомъ
Онъ чуть не спился,
Но, случайно, по роспискамъ,
Взыскивать взялся...
Довѣрители въ накладѣ,
Но ходатай — радъ,
И кричитъ предъ всѣми: я-де
Частный адвокатъ!
Если вамъ примѣровъ мало,
Вотъ еще: — капралъ,
Въ балаганахъ, онъ, бывало,
Лемана игралъ;
А теперь, (хоть и читаетъ
Книжки по складамъ),
Онъ полезнѣе считаетъ
Шляться по судамъ...
Пусть беретъ отъ насъ излишки,
Каждый проходимъ,
Довѣрять свои дѣлишки
Мы способны имъ.
Много есть судейскихъ хватовъ,
Но, читатель... охъ!
Отъ подобныхъ адвокатовъ
Сохрани васъ Богъ!...

ДОБРЫЙ МУЖЪ.

Пожалѣйте вы о мужѣ,
Обожаемымъ женой!
Беранже.

Въ подруги жизни я избралъ
Вдову съ ея дѣтьми,
Ея богатствами снискалъ
Почетъ между людьми;
Я прижилъ съ ней своихъ дѣтей
Для счастія семьи,—
Они покорнѣй и умнѣй,
Чѣмъ пасынки мои...

Научныхъ знаній никакихъ
Я самъ не получилъ,
И воспитать дѣтей моихъ
Другимъ препоручилъ.
Чтобъ имъ внушить свой складъ идей,
Развить изящный вкусъ —
Есть нѣмецъ—дядька у дѣтей
И гувернеръ французъ.

Мои живутъ постаринѣ,
Съ почтеньемъ къ старшинству,
Питая преданность ко мнѣ
И къ моему родству.
Умѣютъ чтить мой славный родъ,
Снискать родныхъ любовь,
И доказать, что въ нихъ течетъ
Родительская кровь.

Лишь только пасынки мои
Отбилися отъ рукъ,

Они внесли въ среду семьи
Плоды своихъ наукъ.
При каждомъ словѣ, каждый разъ
Привыкли разсуждать,
Вооружая противъ насъ
Свою родную мать.

И дерзко требуя порой
Свободнаго житья,
Твердятъ, что имъ своей казной
Обязанъ вѣчно я.
Глупцы! ужель имъ не понять,
Что, по своимъ правамъ,
Успѣлъ съ богатствомъ я прибрать
И ихъ къ своимъ рукамъ...

Отъ бурь житейскихъ огражденъ
Завидный мой удѣлъ,
Большимъ героемъ я рожденъ
Для очень скромныхъ дѣлъ.
И если-бъ только, наконецъ,
Не пасынки мои,
Я былъ-бы счастливъ, какъ отецъ,
Отецъ большой семьи...

РОМАНСЪ.

Скажи, мой юный семьянинъ,
Что видимъ мы въ союзѣ брачномъ?
Что мы привыкли до сѣдинъ
Цѣнить въ житьѣ своемъ удачномъ?
Что намъ велитъ вилять хвостомъ
Въ гостяхъ у жениной роденьки?

Что держитъ насъ подъ башмакомъ?
Что?
— Разумѣется что, — деньги!

Скажи, мечтатель молодой,
Когда ты съ милою гуляешь,
О чемъ предъ юной красотой
Такъ выразительно вздыхаешь?
И развѣваясь въ этотъ мигъ,
Какъ флагъ на корабельныхъ стеньгахъ,
О чемъ, смотря на милый ликъ,
Мечтаешь ты. о чемъ?...
— О деньгахъ!

Скажи, богачъ, скажи, чудакъ,
Чего ты съ жадностью еврейской
Повсюду ищешь, какъ бѣднякъ,
Лишенный средствъ въ семьѣ житейской?
Скажи, я знаю напередъ,
Отвѣтъ твой будетъ коротенекъ:
Чего тебѣ не достаетъ.
Чего?...
— Чего?! извѣстно — денегъ!...

ПОЭТЪ.

«Биться съ тьмой предубѣжденья
Мы такъ скоро устаемъ,
И къ добру души влеченья
Холодѣютъ съ каждымъ днемъ.
Вянетъ умъ, слабѣютъ силы,
Безнадежность давитъ грудь,
Нечѣмъ будетъ у могилы

Путь пройденный помянуть.
Лучезарною побѣдой
Не блеститъ надъ тьмою свѣтъ»...
Такъ, за дружеской бесѣдой,
Говорилъ друзьямъ поэтъ,
И друзья, въ отвѣтъ поэту,
Въ тактъ качали головой,
Лишь одинъ изъ нихъ на это
Рѣчью вылился живой:
«Полно, другъ, нашъ міръ не тѣсенъ...
Вѣдь опомниться пора, —
Отъ твоихъ фальшивыхъ пѣсенъ
Намъ не видится добра.
Ты героевъ, падшихъ духомъ,
Возводилъ въ свой идеалъ,
Да за мухою съ обухомъ
Мыслью сонною леталъ.
Эти пѣсни чужды жизни,
Дай теперь иныхъ ты намъ,
И живой сатирой брызни
На позорной жизни хламъ.
Чтобы прошлое забыло
Незавидный свой удѣлъ,
Чтобъ въ дѣйствительности было
Меньше словъ, да больше дѣлъ»...
Что-жъ поэтъ?... Сказать по чести,
Понялъ словъ правдивыхъ толкъ,
И служа на хлѣбномъ мѣстѣ
Призадумался и смолкъ.

* * *

Всѣмъ примѣръ давайте,
Труженики — братья,
Свято сохраняйте

*

Свѣтлыя понятья,
Съ правдою дружитесь,
Съ честностью живите,
Съ гордостью трудитесь,
Пойте и любите!

Что намъ трудъ, тревоги,
Мы не бѣлоручки,
Развѣ мы убоги,
Развѣ умъ въ отлучкѣ?
Развѣ продавали
Честь и правду божью
Что-бъ мы духомъ пали
Передъ зломъ и ложью?...

Насъ родное дѣтство
Не свело въ могилу,
Взяли мы въ наслѣдство
Молодость и силу,
Голову да руки,—
Знай себѣ работай,
Прочь бѣги отъ скуки
Да учись съ охотой!

Пусть насъ цѣнитъ строго
Идолъ капитала,
Рукъ рабочихъ много
И труда не мало,
Жить-бы не въ раздорѣ
А въ любви — согласьи,
Если нынче горе,
Завтра будетъ счастье.

Пусть богачъ вздыхаетъ
Въ шолкѣ да въ батистѣ,
Завистью хвораетъ,

Мучится въ корысти, —
Лучше жить въ конурѣ,
Чѣмъ въ роскошномъ домѣ
Средь холопской дури
Въ лѣни да истомѣ!

НА СЕЛЬСКОМЪ КЛАДБИЩѢ.

Позади деревни,
На краю оврага,
Средь кустовъ зеленыхъ
Прячется кладбище...
Приходи бѣдняга,
Жизнью утомленный,
Отдохнуть... тамъ воздухъ
И яснѣй и чище.

Нѣтъ тамъ монументовъ,
Памятниковъ пышныхъ,
Нѣтъ титуловъ знатныхъ
На крестахъ убогихъ,
Эпитафій лишнихъ,
Модныхъ и пріятныхъ,
Для ханжей бездушныхъ,
Да педантовъ строгихъ.

Обросли могилы
Травкою, цвѣтами,
Подъ густымъ навѣсомъ
Молодой рябины;
Смѣжныя съ полями

Да съ дремучимъ лѣсомъ
Примирятъ васъ съ горемъ
Красотой картины,

И разскажутъ послѣ
Вамъ былую повѣсть
О сложившихъ кости
Воплощенныхъ силахъ,
Тамъ, гдѣ трудъ да совѣсть
На простомъ погостѣ,
Отъ нужды да горя,
Скрылися въ могилахъ!

* * *

Ты вѣришь всему своей дѣтской душею,
Ко всѣмъ ты относишься честно, любя,
Ты смѣло въ путь жизни глядишь предъ собою,
Пока еще зло не коснулось тебя.
Мнѣ жаль твоихъ добрыхъ и честныхъ стремленій,
Мнѣ больно и грустно за мысли твои,
За радость минутныхъ святыхъ увлеченій,
За чистыя думы о вѣчной любви!

Всѣ знаютъ, что ты красотою богата,
Что бѣдность съ тобою сошлась какъ злодѣй,
Что ты, моя милая, вѣришь такъ свято
Въ лукавое чувство бездушныхъ людей.
Лукавыя рѣчи тебѣ не наскучатъ,
Но ядомъ на сердце твое западутъ,
И жгучей любовью всю душу измучатъ,
Потомъ какъ игрушку тебя продадутъ!
Не вѣрь имъ! Есть въ жизни отрада другая,

Обдуманной воли — могучая власть,
Призывной любовью зовется святая,
Свободно-разумная страсть!

ИЗЪ ЗАХОЛУСТЬЯ.

Всё что у насъ не проснется —
Спитъ въ сновидѣніи сладкомъ,
Служится намъ и живется,
Славно подъ старымъ порядкомъ!

Дѣвы о мужѣ мечтаютъ,
Юношамъ снятся невѣсты,
Папеньки ихъ достигаютъ
Скоро доходнаго мѣста.

Граждане наши примѣрны,
Есть-ли еще гдѣ такіе?
Жены ревнивы, и вѣрны,
Будто часы городскіе.

Въ грамотѣ много успѣха,
Всѣми читаются святцы,
Насъ развлекаютъ до смѣха
Клоуны, шуты, паяцы.

Каждый здоровъ и спокоенъ—
Дремлютъ душа и разсудокъ,
Только бы не былъ разстроенъ
Лишнею пищей желудокъ.

Мы беззаботны какъ дѣти,
Намъ бы совсѣмъ не взгрустнулось,
Если-бы... даже на свѣтѣ
Все кверху дномъ повернулось!

ВЪ ОСТРОГѢ.

Звенитъ за стѣнами острога
Обычной полуночи бой,
И брякнулъ ружьемъ у порога
Вздремнувшій на мигъ часовой.
На зло утомленному взору
Опять сквозь рѣшетку окна
Бросаетъ въ позорную нору
Безжизненный лучъ свой луна.

* * *

На пукъ полусгнившей соломы
Припалъ я, и видится мнѣ:
Подъ кровлею отчаго дома
Живу я въ родной сторонѣ;
Я вижу: въ семьѣ раззоренной
Бывалаго счастья слѣды,
Мнѣ снится отецъ изнуренный,
Подъ игомъ нежданной бѣды.

* * *

И образъ страдалицы милый,
И горю покорная мать,
И тотъ, кто сгубилъ наши силы,
Кто могъ наше счастье отнять.
Предъ кѣмъ я, собой не владѣя,
Покончилъ о жизни вопросъ,

Въ тотъ мигъ, какъ съ ножомъ на злодѣя
Преступную руку занесъ...

* *
*

И снится, что будто встаю я
Отъ тяжкаго, долгаго сна,
Что въ очи глядитъ мнѣ ликуя
Блаженствомъ небеснымъ весна.
Но цѣпи со звукомъ упрека
Съ колѣнъ упадаютъ звеня,
И черныя думы далеко,
Далеко уносятъ меня!...

СУМАСШЕДШІЙ.

Я скоро глупость удеру
Послѣднюю, друзья,
Я просто-за-просто умру
Отъ глупаго житья.
Кто по моимъ благимъ слѣдамъ
Пойдетъ, на зло житью,
Тому въ наслѣдство я отдамъ
Всю движимость свою,—
Всѣ вещи цѣнныя мои,
Чѣмъ только былъ богатъ, —
Двѣ полки книгъ, портретъ швеи
И байковый халатъ.

—

Меня ни чей не взбѣситъ плачъ,
Спокойно слухъ замретъ
И смерть, какъ петлею палачъ,
Дыханье перерветъ.
Мнѣ не прочтетъ смиренный попъ
Мой смертный приговоръ,

Одинъ бѣднякъ на бѣдный гробъ
Прощанья броситъ взоръ;
Мнѣ жаль однихъ минувшихъ дней,
Да начатой любви
Съ подругой доброю моей,
Сосѣдкой vis-à-vis!

—

Плохія роли я игралъ
На сценѣ бытія,
И, признаюсь, всегда бывалъ
Дурнымъ актеромъ я.
Развить до тонкости свой слухъ
Я неспособенъ былъ,
Къ суфлеру былъ, какъ камень, глухъ
И масокъ не носилъ.
Судьбы извѣдавъ произволъ
Среди семьи людской,
Я, не сворачивая, шелъ
Дорогою прямой...

—

Искалъ я долго къ счастью слѣдъ,
Искалъ къ добру исходъ,
Но жизнь сказала мнѣ въ отвѣтъ:
«Смѣшонъ ты, Донъ-Кихотъ!
Идутъ же люди въ наши дни
Въ борьбу противъ вражды,
И гибнутъ въ омутѣ они
Безвыходной нужды!...»
Чего же ждать?... Курокъ взведенъ
Послушною рукой...
Я отъ забвенья отдѣленъ
Минутою одной...

—

Предъ страхомъ жизни, знаю я,
Ничтоженъ смерти страхъ!

Прости же, молодость моя!
Я умираю...
Ахъ!...
Глупецъ!... И здѣсь я промахъ далъ...
Какъ прежде — и теперь
Я слышу, будто на скандалъ,
Ко мнѣ стучатся въ дверь.
Шумятъ, кричатъ, людей зовутъ,
Чтобъ двери отпереть...
И даже... даже не дадутъ
Украдкой умереть!!!...

БЫЛОЕ.

Тревожная мечта въ предчувствіи суровомъ
Томитъ порою грудь невысказаннымъ словомъ,
Порой мнѣ кажется глухая жизнь моя
Задаткомъ свѣтлыхъ дней счастливаго житья,
Заманчивая даль, свѣтлѣетъ годъ отъ году,
И радостенъ тогда весенній жизни шумъ,
Стряхаемъ гордо мы припадокъ тяжкихъ думъ,
Встрѣчая правды свѣтъ и мирную свободу!
И вотъ мнѣ грезится: бывало ранымъ-рано,
Едва восхода лучъ, волнистые туманы
Разсѣетъ по полямъ... я изъ деревни—въ лѣсъ.
Въ величьи царственномъ сіяетъ сводъ небесъ,
Впиваетъ жадно грудь тотъ воздухъ благодатный,
Холодной свѣжестью струится вѣтерокъ,
Кругомъ—невнятный гулъ... и розовый востокъ
Сливается въ одно—съ лазурью необъятной...
И звучно на зарѣ... порой издалека
Несется тихій звукъ пастушьяго рожка,
И будитъ поселянъ уснувшихъ средь заботы,

Средь вѣчнаго труда, и вѣчной ихъ работы.
Я помню, какъ сквозь сонъ деревни нашей дальней
Соломой крытыхъ избъ убогій длинный рядъ,
И въ этой бѣдности съ суровостью печальной
Избушки сѣрыя, какъ будто говорятъ:
Что вотъ и мы давно состарѣлись съ годами,
И много грустныхъ дней давно прожито нами,
Не рѣдко знали мы и горе и бѣду,
Суровой власти гнетъ, и тяжкую нужду,
И долю горькую...
Но время насъ не ждетъ,
Дряхлѣетъ сѣдина, а молодость цвѣтетъ!
Я какъ теперь гляжу на рѣзвыхъ ребятишекъ,
Оборванныхъ, босыхъ, съ открытой головой
Съ утра до вечера на улицѣ родной...
И въ каждомъ видѣнъ былъ здоровыхъ силъ излишекъ.
Они ужь подросли... однихъ давнымъ-давно
Въ большіе города отправили, иные
Остались удобрять поля заповѣдныя,
Другіе—померли, немногимъ суждено
На службу царскую идти въ наборъ, въ солдаты.
А сколько сгибнуло?
Вотъ свѣтится окно,
Откуда каждый день нашъ пастырь бородатый
Смотрѣлъ, какъ солнышко садилось за лѣса,
И стлалась по полю волнистая роса.
Но суждено ли мнѣ увидѣться съ тобой
Деревня добрая въ твоей счастливой долѣ,
Лѣсовъ заповѣдныхъ послушать шумъ живой
И пѣсню вольную въ необозримомъ полѣ?
Подъ кровлей отческой я вспомню ли тогда
Былое: прежнихъ дней суровые года,
Туманной памяти блаженное наслѣдство—
Полузабытое, исчезнувшее дѣтство?..

ДРУЗЬЯМЪ.

Пускай, въ невѣжествѣ коснѣя,
Насъ гонитъ старая вражда,
Для насъ горятъ теперь яснѣе
Лучи познаній и труда.

Чуждаясь рабскихъ искушеній,
Цѣпей мы братству не куемъ,
И чѣмъ труднѣй года лишеній,
Тѣмъ лучше жизнь мы познаемъ.

Мы не согнемся передъ лестью,
Себя мы злу не продадимъ,
Продажной совѣсти безчестье
Позоромъ вѣчнымъ заклеймимъ.

Бездушной лжи найдемъ причину,
И съ торжествующаго зла
Сорвутъ безчестную личину
Открытой честности дѣла!

* * *

Все что было свято, все чѣмъ жизнь манила
Въ дребезги разбито злобою людской,
Молодости сила намъ не измѣнила,
Встрѣтимся же грудью съ грозною судьбой.

Здравствуй, моя доля, жданная невзгода!
Поживемъ съ тобою въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Попытаемъ силы, нѣтъ-ли гдѣ исхода
Вырваться на волю да на божій свѣтъ.

Есть исходъ, я знаю: долгое терпѣнье,
Рабская покорность, загнанная честь,
Совѣсти молчанье, да порой умѣнье
Темными путями деньги пріобрѣсть!

Будешь сытъ и веселъ! все намъ улыбнется;
Къ этому исходу время не ушло;
Посмотри, какъ людямъ весело живется,
Какъ кругомъ пируетъ вѣковое зло.

Но въ часы раздумья думается снова:
На борьбу-то силы нѣтъ у насъ друзья,
Такъ съ надеждой твердой выхода другаго
Лучше мы поищемъ молодость моя!

БОЕЦЪ.

(съ нѣмецкаго).

Съ честностью гордой и съ пылкой душою,
Выступилъ въ жизнь онъ дорогой большою,
Вѣря въ могущество свѣтлыхъ идей,
Смѣло стремящихся къ благу людей.
Въ жизни онъ встрѣтилъ иную картину, —
Понялъ, что нравственный долгъ гражданину
Биться съ людскою неправдой велитъ.
Юноша съ милой проститься спѣшитъ:
«Полно, не плачь, моя ясная радость,
Намъ не измѣнитъ разумная младость,
Буду я вѣренъ, въ борьбѣ и невзгодѣ,
Честному долгу, тебѣ и... свободѣ!»

Бросился въ бой онъ съ неправдой людскою,
Зло поражая могучей рукою,
Но... безпомощный въ родимомъ краю
Скоро погибъ онъ съ неравномъ бою.
Честность купилъ онъ своею могилой
Вѣрный свободѣ, и долгу, и... милой!

НА КЛАДБИЩѢ.

Посвящается А. А. Соколову.

Покойся *милый прахъ.*

Для ума и сердца пищу
Вы найдете безъ труда,
Стоитъ только по кладбищу
Прогуляться, господа!
Не бросайте взглядъ унылый,
Здѣсь зарытъ житейскій кладъ,
И надъ каждою могилой
Виденъ честный аттестатъ!

Вотъ лежатъ отцы семейства.
Трудъ ихъ—міромъ оцѣненъ:
Вдовы ихъ изъ казначейства
Получаютъ пенсіонъ...
Но постойте... гдѣ-же эти —
Чьи семьи въ лишеньяхъ мрутъ?
Гдѣ же тѣ? — Да тѣ на свѣтѣ,
Разумѣется, живутъ!

Вотъ и ангелы—супруги,
Съ добродѣтелью святой,
Все примѣрныя подруги,

Радость жизни трудовой.
Нѣтъ средь ихъ и на примѣтѣ
Глупыхъ, куколъ и ханжей...
Гдѣ же тѣ?.. — Да тѣ на свѣтѣ
Всѣ остались у мужей...

Вотъ могилы сильныхъ міра
Всѣхъ служившихъ правотѣ,
Жившихъ чуждыми кумира
Лжи и зла... Но гдѣ же тѣ,
Что держали умъ въ запретѣ,
Гнали правду, долгъ и честь?
Гдѣ же тѣ?.. — Да тѣхъ на свѣтѣ
Вы ищите, а не здѣсь!..

Вотъ талантовъ театральныхъ
Прахъ подъ мраморомъ лежитъ,
О трудахъ ихъ геніальныхъ
Надпись громкая гласитъ.
Гдѣ-жъ бездарность? Иль въ секретѣ
Спитъ она въ землѣ сырой?
— Нѣтъ! бездарность-то на свѣтѣ
Тѣшитъ насъ своей игрой!

Вотъ родителей отрада,
Дѣти добрыя лежатъ,
Съ жизни ихъ примѣръ бы надо
Братъ всѣмъ дѣтямъ — говорятъ.
Гдѣ-жъ безнравственныя дѣти,
Вольнодумцы, свистуны?
Гдѣ же тѣ?.. — Да тѣ на свѣтѣ
Горе мыкать вѣкъ должны!..

Вотъ — умы... по всей Европѣ
Славы ихъ блеститъ залогъ,
(Въ «Иллюстраціи» у Гоппе

Помѣщенъ ихъ некрологъ).
Гдѣ-жь глупцы, что въ самомъ цвѣтѣ
Въ разумъ нашъ вливали ядъ?
Гдѣ же тѣ? — Да тѣ на свѣтѣ
Лбами мѣдными блестятъ.

* *
*

Да, читатель! здѣсь хоть часикъ
Погулять вамъ будетъ въ прокъ,
На кладбищѣ каждый классикъ
Реалисту дастъ урокъ;
И блуждая среди гнили
Онъ вздохнувъ ироизнесетъ:
«Все прекрасное — въ могилѣ,
Все безпутное — живетъ»!

МОРАЛЬ.

Думай братъ, самъ о себѣ,
Въ жизни на честь не надѣйся,
Будь ты покоренъ судьбѣ,
Громко надъ истиной смѣйся;
Всё въ свою пользу бери, —
Выгодна всякая малость, —
Если уменъ, то хитри,
Глупъ — возбуждай къ себѣ жалость.
Съ ложью, при общей борьбѣ,
Думай, братъ, самъ о себѣ!

Громко о чести крича,
Жди воздаянія съ неба,
Но, для истца богача,
Корку послѣднюю хлѣба

Вырви отъ бѣдной семьи:
Выгодѣ личной послушенъ,
Жалость въ душѣ затаи,
Будь ко всему равнодушенъ,
Къ плачу, и тихой мольбѣ,
Думая самъ о себѣ!

Если твой другъ изъ друзей
Съ дѣвушкой честной обвѣнчанъ,
То проповѣдуй ты ей
Про независимость женщинъ, —
Ложью добейся любви;
Если-жъ узнаютъ сношенья,
Хитростью ихъ перерви,
Вмѣсто защиты, презрѣнье
Брось беззащитной рабѣ,
Думая самъ о себѣ!

Если кто волю уму
Далъ въ благороднѣйшемъ дѣлѣ,
Ногу подставь ты тому,
Чтобъ не достигнулъ онъ цѣли.
Если, какъ искра въ ночи,
Вспыхнетъ благая идея,
Въ грязь ее тайно топчи,
Явно о благѣ радѣя, —
Вѣчно покорный судьбѣ,
Думай, братъ, самъ о себѣ!

НЕПОМНЯЩІЕ РОДСТВА.

Въ фамильной родословной,
Примѣтъ особыхъ нѣтъ, —

Мы можемъ взглядъ условный
Имѣть на сей предметъ.
У насъ, безъ дальнихъ плановъ,
Добывъ себѣ права,
Не мало есть — Ивановъ,
Непомнящихъ родства!

Артистъ-ли самозванецъ
Насъ тѣшитъ, — ничего!
Стыдливости румянецъ
Мы терпимъ за него.
При нашемъ добромъ чувствѣ
Ты публика права,
Предъ гаеромъ въ искусствѣ,
Непомнящимъ родства!

По собственной причудѣ
Вліятельныхъ особъ,
Выходитъ часто въ люди
Безграмотный холопъ.
На мѣстѣ — гордымъ паномъ,
Пустая голова
Сидитъ себѣ — Иваномъ,
Непомнящимъ родства!

Посмотришь — докторъ модный,
Попавъ въ большую знать,
Профессіей доходной
Выходитъ торговать.
Ему тутъ не до блага,
Наука — трынъ-трава,
Въ наукѣ онъ бродяга,
Непомнящій родства...

Глядишь — въ литературѣ
Иной халатный князь

Шумитъ въ припадкѣ дури,
И правду топчетъ въ грязь.
Прикрывъ густымъ туманомъ
Продажныя слова,
Витійствуетъ Иваномъ,
Непомнящимъ родства!

Подъ часъ, въ иную пору,
Разжившись кое-какъ,
Идетъ спокойно въ гору
Проныра и маклакъ.
И вотъ, среди богатства,
Сталъ съ именемъ баранъ,
Весь вѣкъ родства и братства
Непомнящій Иванъ.

Мы сами какъ любимцевъ
Встрѣчаемъ за родныхъ,
Жидовскихъ проходимцевъ,
И выходцевъ иныхъ,
Что, оправдавъ карманомъ
Всѣ формы плутовства,
Живутъ себѣ — Иваномъ,
Непомнящимъ родства!

* * *

Жизнь—это размѣнная касса,
А время—безсмѣнный кассиръ,
Съ временъ незапамятныхъ въ кассѣ
Шумитъ человѣчества міръ,

Хлопочутъ, торопятся люди
Первѣйшее мѣсто занять,

Чтобъ низость, коварство и подлость
На деньги скорѣй промѣнять.

Тому кто съ такими вещами
Успѣетъ къ той кассѣ пролѣзть,
Даются хорошія деньги
За хитрость, умѣнье и лесть.

За деньги съ достоинствомъ люди
И славу, и почесть берутъ,
Но если кто съ честной душею
Приноситъ таланты и трудъ, —

За этотъ товаръ незавидный
Бросаютъ—лишь хлѣба кусокъ,
Чтобъ труженикъ смертью голодной
Въ той кассѣ погибнутъ не могъ!

ЛЮБИМЫЕ НАПѢВЫ.

На дворъ мой широкій, для промысловъ честныхъ,
Не мало заходитъ торговцевъ извѣстныхъ;
Мой добрый привратникъ, ты ихъ не гони,
Пусть крикомъ жильцамъ докучаютъ до гнѣва:
Не прочь я послушать роднаго напѣва,
Съ дней юности рѣзвой мнѣ милы они.

Зайдетъ-ли татаринъ подъ наши палаты,
Кричитъ онъ: «халаты, бухарски халаты!»
Ну, какъ мнѣ бухарскій халатъ не купить?
Въ спокойномъ халатѣ дышу я вольготно,
Съ природною лѣнью могу я охотно
Плотнѣе покушать, пріятнѣй попить.

Вотъ «стараго мѣху и стараго платья!»
Кричитъ мой любимецъ, могу-ли прогнать я
Съ пріятнымъ напѣвомъ его со двора?
Старьевщикамъ продалъ не мало я мнѣній,
Признательной дружбы, былыхъ убѣжденій,
И въ жизни не даромъ убилъ я бобра!

А слѣдомъ знакомый точильщикъ заходитъ,
«Точить ножи-ножницы!» пѣсню заводитъ.
Иди, другъ любезный, съ точиломъ своимъ,
Ножемъ, что точилъ ты такъ важно и строго,
Ошибокъ и пятенъ подскоблено много,
И совѣсти голосъ зарѣзанъ былъ имъ.

Кричитъ мой пріятель: «вотъ сита, рѣшета!»
Ученье о нищѣ безъ книгъ—Молешота,
Давно изучилъ я въ напѣвахъ его:
Предательства, ласки, сквозь сита я сѣялъ,
На почвѣ родной ихъ искусно лелѣялъ,
И жатву сбиралъ отъ труда своего.

Съ любовью я слышу: «вотъ метлы, метелки!»
Сметая со свѣта всѣ злобные толки,
Я доброй метлою свой слѣдъ заметалъ;
А новыхъ порядковъ пустыя затѣи,
Ревнивую правду, проэкты идеи —
Метлою въ три-шеи безъ устали гналъ.

Хоть старое помнить нѣтъ хуже привычки,
Но слышу я: «спички горючія, спички!»
Купить этихъ спичекъ когда-бъ я не могъ?
Я выстроилъ домикъ наживой родною,
И въ обществахъ домъ застрахованъ былъ мною,
И этими спичками домъ я поджогъ...

Вотъ «щетки, гребенки, духи и помада!»
Сюда, мой пріятель, все это намъ надо:
Мы новенькой щеткой всю грязь отряхнемъ,
Гребеночкой кудри причешемъ, пригладимъ,
На голосъ пріятный мы пѣсню наладимъ,
И торной дорожкой далеко махнемъ!...

СЛАВА БОГУ.

Если кто въ статьяхъ закона
Изъ купцевъ не очень глупъ,—
Задолжавши съ полмильона
Платитъ гривенникъ за рубль;
И оканчивая сдѣлку
Онъ съ сосѣдями остритъ:
Богъ привелъ нажить бездѣлку,
Слава Богу, говоритъ...

Ростовщикъ съ безстыжей рожей,
Въ деньги впившійся какъ клещь,
Продаетъ въ пять разъ дороже
Днемъ простроченную вещь.
Какъ паукъ, раскинувъ сѣти,
Жертвъ несчастныхъ сторожитъ,
Много есть нужды на свѣтѣ,
Слава Богу, говоритъ...

Отъ семьи—нужды и бѣдства,
За безгрѣшный долгъ отца,
Отбираютъ къ жизни средства
Въ пользу сытаго истца;

И съ улыбкою блестящей
Говоритъ богачь—истецъ:
Слава Богу, долгъ пропащій
Получаю на конецъ...

Домъ горитъ... жильцы въ тревогѣ,
Жизнь спасаютъ чрезъ окно,
Гибнетъ все... и завтра многимъ
Плакать нищими должно...
А владѣлецъ? Тотъ въ покоѣ
Тайно мыслитъ: пусть горитъ!
Застрахованъ домъ мой въ трое...
Слава Богу, говоритъ...

Всю-то жизнь барышъ стяжая,
Къ бѣднымъ братьямъ глухъ и слѣпъ,
Ждетъ торгашъ неурожая
Нагрузивъ въ амбары хлѣбъ.
И проходитъ годъ безславный,
Голодъ пахарямъ грозитъ,
И торгашъ нашъ православный
Славу Богу, говоритъ...

Впрочемъ, все, что ни воспѣто,
Намъ не очень, колетъ глазъ,
Слава Богу, видѣть это
Мы привыкли каждый часъ.
Чти-же совѣсти свободу,
Въ чемъ есть польза—все бери,
И пошлѣя годъ отъ году,
Славу Богу, говори...

ДРУЖЕСКАЯ СКАЗКА.

Другъ съ другомъ разставшись въ счастливые дни,
Чрезъ долгіе годы сошлися они:
Одинъ былъ и молодъ, здоровъ и удалъ,
Съ разумной свободой онъ счастье сыскалъ;
Другой хоть и молодъ, но дряхлый на видъ,
Подавленъ былъ жизнью и духомъ убитъ.
И бѣдный товарищъ, исполненный силъ,
Богатаго друга съ участьемъ спросилъ:
— Скажи откровенно, что сталось съ тобой,
Гдѣ юность, гдѣ сила, гдѣ взглядъ огневой?
Но другъ, не сгоняя суровость со лба,
Уныло отвѣтилъ: «судьба, братъ, судьба!...»
— Эхъ, полно, товарищъ, съ судьбою въ борьбѣ
Находимъ мы счастье и волю себѣ;
Я понялъ въ чемъ дѣло, судить не сужу,
А старую сказку тебѣ разскажу:

«Въ доброй юности, со славой
Жилъ да былъ веселый конь,
Въ жилахъ кровь струилась лавой,
А въ глазахъ горѣлъ огонь.
И въ своихъ степяхъ просторныхъ,
Безъ узды и безъ подковъ,
Онъ гулялъ средь непокорныхъ,
Чуждыхъ сбруѣ табуновъ.

Всѣхъ коней такого рода
Былъ добрѣй онъ и сильнѣй,
Но наскучила свобода
Сыну вольному степей.
Чтобъ его берегъ и холилъ
Родъ людской, онъ на бѣду

Осѣдлать себя позволилъ
И надѣть себѣ узду.

Что-жъ съ нимъ сдѣлали? повѣрьте,
Врагъ не сдѣлалъ- бы того:
Люди тѣ до полусмерти
Въ годъ заѣздили его.
А бороться съ неудачей
Силы нѣтъ, потухъ огонь...
И забитой, жалкой клячей
Сталъ обузданный нашъ конь.«

— Не такъ-ли, товарищъ? Скажу я любя:
Заѣздила пошлость людская тебя.
Свободой и счастьемъ ты также владѣлъ,
Но продалъ ты волю... свою лучшій удѣлъ;
Ты мучишься тайно, я — пѣсни пою,
Прощай-же, и помни ты сказку мою!...

* *
*

Глупой нянькой, мой ребенокъ,
Ты испугана шутя,
И горючими слезами
Плачешь, бѣдное дитя...

Чрезъ минуту — все забыто,
Пролетѣлъ напрасный страхъ,
Въ черныхъ глазкахъ вижу радость
И улыбку на устахъ.

Ты смѣешься... Если-бъ только
Этотъ смѣхъ ты поняла
И ко злу грядущей жизни
Относиться такъ могла;

Если-бъ сердцемъ ты не пала
Съ предразсудками въ борьбѣ,
Я бы могъ всегда пророчить
Счастье вѣрное тебѣ...

Но я знаю, — минутъ годы, —
Подростешь и расцвѣтешь,
По проложенной дорогѣ
За подругами пойдешь.

Первый шагъ къ труду и дѣлу,
Жизни новое житье
Испугаютъ не на шутку
Сердце робкое твое.

Злу людскому не отвѣтишь
Ты улыбкой на устахъ,
Нянька старая, какъ прежде,
Не прогонитъ ложный страхъ...

Зависть, сплетни и наряды
Развлекутъ твои мечты,
Бросивъ куклы, будешь куклой,
Модной барышнею ты!

ПОСЛѢ ПРИГОВОРА.

Кончился судъ... Со скамьи подсудимыхъ
Мнимый преступникъ оправданнымъ всталъ,
Встрѣтилъ семью, и въ объятьяхъ родимыхъ
Долго потомъ какъ ребенокъ рыдалъ...
Пали съ души роковыя сомнѣнья,
Былъ непричастенъ онъ къ грозной винѣ,

Съ думой невольною въ эти мгновенья
Время былое припомнилось мнѣ...

Сила неправды и лжи оборона,
Много на свѣтѣ ты дѣлала зла,
Мертвою буквой нѣмаго закона
Ты прикрываясь спокойно жила;
Гордо царила въ судейскихъ палатахъ,
Вѣру убила въ значенье судьи,
Бѣднымъ, измученнымъ въ тяжкихъ утратахъ
Труденъ былъ доступъ въ чертоги твои.

Правду за золото ты продавала,
Дѣлала все — для истца богача,
Можетъ безвинныхъ не разъ посылала,
Какъ душегубцевъ, подъ плеть палача....
Часто въ сознаньи своемъ горделивомъ,
Ты опиралась на связи и родъ,
И предъ тобою молчалъ терпѣливо
Нашъ безотвѣтный и добрый народъ.

Новое время и новые люди,
Намъ возвратили людскія права,
Легче дышатъ утомленныя груди,
Громче звучатъ дорогія слова...
Чувство убитое въ насъ оживилось,
Ждетъ насъ признанье въ грядущихъ годахъ...
Съ гласностью данною, правда и милость —
Царствуйте вѣчно вы въ нашихъ судахъ!...

ЗАМОЛЧАВШИМЪ.

Встрѣтивъ смѣлымъ взоромъ
Солнце изъ за тьмы,
Пѣсню дружнымъ хоромъ
Затянули мы:
Голосъ возрожденья
Средь семьи людской
Раздался въ стремленьи
Къ истинѣ святой.
Мы разсвѣтъ встрѣчали,
Но прошли — года...
Что-жъ вы замолчали?..,
Пойте господа!

Съ ложью ядовитой
Встало зло изъ тьмы,
Въ бой съ врагомъ открытымъ
Бросилися мы.
Хоть въ бою суровомъ
Былъ побѣды часъ,
И вѣнкомъ терновымъ
Увѣнчали насъ,
Но не всѣ-же пали
Въ битвѣ безъ слѣда...
Что-жъ вы замолчали?..
Пойте господа!

Лѣнь-ли одолѣла?
Иль прошла пора
Звать къ благому дѣлу
Общаго добра?

Вѣру въ — правду — бога
Каждый въ насъ носилъ,
Затаилось много
Въ насъ могучихъ силъ...
Страха нѣтъ въ началѣ
Честнаго труда...
Что-жъ вы замолчали?...
Пойте господа!

* * *

Полночный часъ... въ убѣжищахъ танцъ-классовъ
Горятъ огни; туда, туда стрѣлой
Отъ Берга мчится рыцарь удалой,
И вотъ, въ кругу несчастныхъ ловеласовъ
И жалкихъ фей, наполнивши стаканъ,
Онъ щегольнулъ своей манерой свѣтской,
И въ роль вошелъ, и съ рысью молодецкой
Бросается отплясывать канканъ...

Полночный часъ... безсонницею мучась
Героя ждетъ страдалица жена.
Не жди его! забудь въ объятьяхъ сна
Текущихъ дней измѣнчивую участь.
Теперь онъ тамъ... забывъ дѣтей и домъ
Царитъ въ часу скандальныхъ безобразій,
И для своихъ изношенныхъ Аспазій
Послѣдній грошъ имъ ставится ребромъ...

Полночный часъ... въ Тарасовскомъ пріютѣ
Лежитъ герой, какъ изнуренный звѣрь,

Съ раскаяньемъ повѣдалъ онъ теперь
Свои мечты довѣрчивой минутѣ....
И снится сонъ герою моему:
Она одна съ прощающей любовью,
Голодная, припавши къ изголовью,
За все, за все простила-бы ему!...

ЗА СТѢНОЙ.

За стѣной моей нерѣдко
Плачь и споры слышу я,
Тамъ живетъ моя сосѣдка,
Бѣдная швея.
Съ ней одно насъ только сводитъ,
Что и я знакомъ съ нуждой,—
Жизнь обычная проходитъ,
Грустной чередой...

Мужъ ея служилъ когда-то,
Прожился, и пьетъ съ тѣхъ поръ,
Сынъ по жребію въ солдаты
Улетѣлъ въ наборъ,
Дочь... но счастья не достичь ей,
Изъ семьи она ушла,
И съ красой своей дѣвичьей
Стыдъ свой продала.

Грошъ послѣдній свой къ тому же,
За долги пришлось отдать,
И съ нуждой, да съ пьянымъ мужемъ
Вѣкъ свой коротать.

Мужъ, во имя правъ законныхъ,
Все изъ дома тащитъ вонъ,
Трудъ ночей ея безсонныхъ
Пропиваетъ онъ...

Брань, упреки, безъ участья
Изъ-за хлѣба трудъ съ борьбой,
И за что же это счастье
Ей дано судьбой?
Не за то-ль, что юной страстью
Грудь ея была полна,
Что она отцовской властью
Замужъ отдана!

Не за то-ль, что силу воли
Гнетъ семьи въ ней погасилъ,
Что идти противъ недоли
Не было въ ней силъ?
Что-же, другъ, лишенья эти
Пей съ покорностью до дна;
Знай, что ты на бѣломъ свѣтѣ
Гибнешь не одна!...

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

(Посвящ фланерамъ Невскаго проспекта).

Не кори, господинъ, ты меня мужикомъ,
Не бр ни недоумкомъ, да глупымъ,
Не кичись ты кургузымъ своимъ сюртукомъ
Передъ нашимъ овчиннымъ тулупомъ.

Я—извѣстно, мужикъ, и за брань не взыщу,
Но коль тронешь,—взгляну я иначе;

Не машись кулакомъ! къ мировому стащу,
А не то, такъ и самъ я дамъ сдачи!

Лучше сядемъ рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ,
Вижу я—небольшая ты птица,
Съ вашимъ братомъ-дружкомъ я давненько знакомъ,
Гдѣ же съ вами сермягѣ сравниться?

Ты вотъ голъ, какъ соколъ, а у насъ для нужды
За душой трудовая копѣйка;
Ты вотъ бѣгаешь вѣкъ, какъ саврасъ безъ узды,
А у насъ въ деревенькѣ—семейка.

Объ насущномъ кускѣ я всю жизнь хлопочу,
Ты же времячко попусту тратишь,
За себя и семью я повинность плачу,
А вѣдь ты ничего, братъ, не платишь.

Что ты грамотенъ,—такъ; но жалѣю я, братъ:
У тебя въ тѣхъ господъ нѣту вѣры,
Что насъ учатъ уму, что объ дѣлѣ твердятъ,
Что трудами даютъ намъ примѣры.

Дармоѣдомъ вѣдь ты проживешь до сѣдинъ,
Коль не хочешь за дѣло приняться,
Если-бъ ты былъ заправскій, какъ есть господинъ,
То служить бы пошелъ, а не шляться.

Докажи-ка свой трудъ, да свой умъ напередъ,
Чѣмъ бахвалиться чванствомъ-то глупымъ,
И тогда не такой ты получишь почетъ
Передъ нашимъ овчиннымъ тулупомъ!

ВЕСНА.

Здравствуй солнце весны! Воскресаетъ земля,
Отряхаютъ свой сонъ и лѣса, и поля;
Подъ твоимъ золотымъ животворнымъ лучемъ
Закипаетъ въ груди кровь горячимъ ключемъ;
Отзывается жизнь этой чудной порѣ;
Сердце бьется силнѣй въ ясный утренній часъ;
Время къ дѣлу зоветъ...
Не будите вы насъ, —
Сладко спится весной, на зарѣ?

Подъ дыханье живой благодатной весны
Убаюкали насъ богатырскіе сны.
Спитъ одинъ, какъ мертвецъ, утомленный трудомъ;
Отъ безсилья, другой, спитъ болѣзненнымъ сномъ;
И не слышатъ они, что весна на дворѣ,
И не могутъ открыть заколдованныхъ глазъ,
И съ просонья твердятъ:
Не будите вы насъ, —
Сладко спится весной, на зарѣ!

Тотъ, въ объятьяхъ любви, къ страстной груди приникъ,
Не разбудитъ его призывающій кликъ;
Тотъ храпитъ отъ избытка здоровья и силъ, —
Въ душной мглѣ, съ юныхъ дней, онъ блаженство вкусилъ,
И витаютъ надъ нимъ сны въ волшебной игрѣ,
И на голосъ святой, просыпаясь не разъ,
Злобно шепчетъ въ бреду:
Не будите вы насъ, —
Сладко спится весной, на зарѣ?

И повсюду-то спитъ нашихъ братьевъ семья!
Спитъ она средь богатствъ и плохаго житья,
На лебяжьемъ пуху и на голыхъ доскахъ,
На свободныхъ поляхъ и въ ежовыхъ когтяхъ,
И въ богатомъ дому, и въ убогомъ шатрѣ—
Мы привыкли къ тому... намъ весна не указъ.
Не тревожьте-же сонъ,
Не будите вы насъ, —
Сладко спится весной, на зарѣ!..

ВЕСЕННІЯ МЕЛОДІИ.

Бросивъ въ жизни неразлучной
Тайну грусти неминучей,
Оставляю городъ скучный
И иду я въ лѣсъ дремучій...
Я дрожу какъ въ лихорадкѣ,
Отъ восторга чуть не таю,
И въ лирическомъ припадкѣ
Долго по лѣсу блуждаю.
Вотъ она, о, глушь лѣсная!
И до ней дошелъ лучъ свѣта!
Здѣсь все таже дичь родная,
Таже гниль заповѣдная,
Таже зелень пустоцвѣта.
Соловьи игривой трелью
Сердце юное щекочутъ,
Муравьи подъ старой елью
Въ муравейникѣ хлопочутъ;
На болотѣ, въ честь Зевеса,
Мирно квакаютъ лягушки,
И кукуютъ въ чащѣ лѣса
Безпріютныя кукушки!

Вдохновившись на свободѣ,
Пѣснь моя звучнѣй и краше,
И пою въ такомъ я родѣ:
Какъ близка къ родной природѣ
Жизнь общественная наша!
Какъ близка къ ней наша пресса,
На пути своемъ развитья!
Нашу прессу въ вѣкъ прогресса
Не могу здѣсь не сравнить я!..
Безъ особенныхъ различій
Я смотрю на дичь лѣсную,—
И у насъ не меньше дичи,
Гово ю,—и торжествую!
И она отъ сытной пищи
Жизнь ведетъ по той же нормѣ;
Только гниль у насъ почище
И подкрашена по формѣ...
Есть у насъ свои лягушки,
Мнѣ ихъ кваканье знакомо,
И элегію кукушки
У себя слыхалъ я дома.
Соловьи, д озды, синицы,
И у насъ поютъ публично,
Хоть не пѣснью вольной птицы,
Но за то—весьма прилично.
Я дрожу какъ въ лихорадкѣ,
Отъ восторга таю, таю...
И въ лирическомъ припадкѣ
Снова по лѣсу блуждаю!

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ.

Ночь нѣмая, голубая,
Неба сѣвернаго ночь!..
Князь Вяземскій.

Тихо гаснетъ ночь Іюля,
Спитъ шумливый Петроградъ,
Острова давно уснули,
Опустѣлъ Крестовскій садъ.
Смолкъ оркестръ на «Минеральныхъ»,
Хоръ пѣвицъ, свой кинулъ постъ,
И съ дежурства рядъ квартальныхъ
Маршируетъ черезъ мостъ.

Я одинъ, съ пустымъ карманомъ,
Возвращаюся домой,
И подъ утреннимъ туманомъ
Городъ всталъ передо мной...
Въ окнахъ спущены всѣ сторы,
И глаза смыкаетъ сонъ,
И отъ стѣнъ Шато-де-флера
Всѣхъ красавицъ гонятъ вонъ.

Насладясь дарами лѣта
Спитъ вся публика... порой
Запоздалая карета
Прогремитъ по мостовой.
Пледъ накинувши на плечи,
И надѣвъ на носъ пенс-не,
Жажду я отрадной встрѣчи
Въ этомъ свѣтломъ полуснѣ.

Вотъ, героевъ разудалыхъ,
Но увы... (судьба слѣпа)

Подъ прикрытіемъ хожалыхъ
Мирно шествуетъ толпа...
Намъ знакома эта сказка,
Не даютъ кутнуть намъ въ сласть...
Ахъ! зачѣмъ ихъ изъ участка
Переводятъ прямо въ часть?..

Вотъ съ подъѣзда ресторана
Дюжій дворникъ, двухъ друзей,
Нагрузившихся такъ рано,
Съ чувствомъ тащитъ отъ дверей...
О, мой Бахусъ, и Гамбринусъ!
Не прими за честь сей трудъ:
Что отъ вывѣски «на выносъ»
Ихъ на выносъ волокутъ.

Солнце раннее блистаетъ,
Озаряетъ всѣ углы,
Пыль по улицамъ взлетаетъ
Изъ подъ дворницкой метлы.
Вотъ и Невскій... будто тѣни,
Подъ блаженный свой пріютъ,
Альфонсины, Жени, Фени
Утомленныя бредутъ...

Мысли знойныя тѣснятся...
Ближе къ дому я—и вотъ
Начинаетъ мнѣ встрѣчаться
Вмѣсто публики—народъ.
Вялый, заспанный, съ очами
Прелѣнивыми, какъ волъ,
Съ инструментомъ за плечами
На работы онъ пошелъ...

Губитъ сонъ въ тебѣ—искусство!
Говорю ему я въ слѣдъ:

Знать въ тебѣ, не даромъ, чувства
Эстетическаго—нѣтъ!
Какъ ты могъ проспать такую
Удивительную ночь?..
«Ночь нѣмую, голубую,
Неба сѣвернаго дочь!!?»

СТАРЫЯ ПОГУДКИ НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

«Весна! весна! кричатъ поэты,
Какъ безъ ума:
Идетъ она въ сіяньи свѣта,
Рѣдѣетъ тьма...»
И пѣсни ихъ полны отрады...
По временамъ;
Друзья, друзья, чему вы рады,
Скажите намъ?
Пришла весна—не для разсудка,
Какой тутъ кладъ!
Все это старая погудка
На новый ладъ ..

Передъ невѣстою богатой
Клянется хлыщъ,
Въ любви, обманомъ тароватой,
Карманомъ нищъ.
Онъ говоритъ: «бѣжимъ съ тобою,
Учась, вдвоемъ,
Мы счастье новое съ борьбою
Въ трудахъ найдемъ...»
Чужую мысль, моя малютка,
Твердитъ вамъ фатъ,

Вѣдь это старая погудка
На новый ладъ...

Вотъ радикалъ, прогресса сѣмя
Онъ въ грязь топталъ;
Прошли года... и въ наше время
Не тѣмъ онъ сталъ.
Его послушать въ часъ досужный
Мы всѣ идемъ,
Ему мы хлопаемъ такъ дружно,
Но не поймемъ,
Что онъ готовъ разъ десять въ сутки
Мѣнять свой взглядъ, —
Всѣ эти старыя погудки
На новый ладъ...

Перевернувши наизнанку
Свой складъ идей,
Мужъ нанимаетъ гувернантку
Учить дѣтей.
Ихъ воспитать въ своихъ понятьяхъ
Желаетъ онъ;
Супруга—служитъ при занятьяхъ
Какъ камертонъ,
И подъ надзоромъ институтки
Изъ тѣхъ палатъ
Выходятъ старыя погудки
На новый ладъ.

Начальникъ новый-ли нагрянетъ,
Про долгъ крича,
Дѣлами съ жадностью онъ занятъ,
И съ горяча
На всѣхъ деталяхъ подходящихъ
Подкрасить гниль,

Съ проэктовъ, грудами лежащихъ,
Встряхнетъ онъ пыль.
И наигравшись въ эти шутки,
Взявъ свой окладъ,
Заводитъ старыя погудки
На новый ладъ!...

Надѣвши маску публициста
Иной Калхасъ,
Поетъ средь дружескаго свиста
И учитъ насъ.
Онъ ложь бичуетъ, и врачуетъ,
Строчитъ, кричитъ,
Но чуть противный духъ почуетъ —
Вмигъ замолчитъ...
И не стыдясь, по каждой дудкѣ
Плясать онъ радъ,
Забывъ и старыя погудки
На новый ладъ.

* *
*

Изучивши жизнь глубоко
Будь уменъ ты какъ Горацій,
Но пойдешь ты недалеко
Безъ законныхъ аттестацій.
И чтобъ жить, людей не хуже,
Вплоть до старости преклонной,
Сохраняй ты хоть снаружи
Долгъ приличій, долгъ законный...

Отъ довѣрчивой малютки
Мы любви взаимной просимъ,

И сойдясь съ ней, ради шутки,
Поостынемъ, дни бросимъ...
Съ насъ не требуетъ отчета
Міръ согражданъ благосклонный,
Лишь съ другой-бы, по разсчету
Мы вступили въ бракъ законный.

Предпріятіе-ль заводимъ
Съ прожектеромъ-обираломъ,
Вѣрнымъ пайщикомъ находимъ
Недоумка съ капиталомъ,
И втянувъ его въ ошибку
Казуистики бездонной,
Обдеремъ его какъ липку
Недоимкою законной.

Въ постъ великій, беззаконно
Слушать оперу иль драму;
Но, порою сердце склонно
Взять веселенькую даму, —
Сознавая, что намъ надо
Развлекать разсудокъ сонный, —
И помчимся въ Эльдорадо
Исполнять свой долгъ законный...

Перекупимъ-ли взысканье
На отца семьи иль брата,
Но не встрѣтя состоянья,
Огорчаетъ насъ — затрата;
Распродавъ его имѣнье,
Не внимая плачу, стону,
Въ долговое отдѣленье
Мы сажаемъ по закону.

Предавая укоризнѣ
И проклятью беззаконность,

Въ насъ видна къ законной жизни
Удивительная склонность.
Въ гнѣвѣ, въ радости, въ досадѣ,
Въ рынкахъ, въ обществахъ, на конной,
Всюду, спереди и сзади,
Мы твердимъ про долгъ законный!...

ВОПРОСЫ.

Въ темной области сгибнувшихъ лѣтъ
Проблескъ мысли какъ искра мелькаетъ,
И житейскимъ событіямъ въ слѣдъ
За вопросомъ вопросъ возникаетъ.

Отъ Адама до нынѣшнихъ дней,
Будто, мысли безплотной колоссы
Въ поколѣніи каждомъ людей
Возникаютъ вопросы, вопросы...

Каждый вѣкъ, каждый годъ вызывалъ
Безъ числа вопіющихъ вопросовъ,
Безотвѣтно объ нихъ трактовалъ
И судилъ современный философъ.

Но отвѣты—нашъ свѣтъ схороня,
Доказалъ намъ на ихъ-же могилахъ,
Что, не сладивъ съ *вопросами дня*,
Разрѣшать *вѣковыхъ*—мы не въ силахъ.

Что вопросы тѣ, людямъ внемля,
Лишь тогда разрѣшатся отчасти,
Когда рухнетъ весь міръ... и земля
Разлетится на мелкія части!

У ГРОБА.

Навѣстить тебя, добрый сосѣдъ,
Забѣжалъ я, какъ прежде, сердечно,
Но за часъ до меня бѣлый свѣтъ
Разсудилъ ты покинуть навѣчно.
Не по чину, братъ, ты на столѣ
Растянулся какъ будто ошибкой,
Съ этой думой на гордомъ челѣ,
Съ этой важной, и строгой улыбкой...
Будто хочешь сказать: «не буди
Ты меня ото сна дорогого,
Осторожнѣй ко мнѣ подходи,
И не трать предо мною ни слова...
Посмотри, я теперь ужь не тотъ,
Молчаливъ я какъ истинный баринъ,
И съ идеями истыхъ господъ
Сталъ теперь я вполнѣ солидаренъ;
Я теперь представляю собой
Классицизма премудрость святую,
Противъ жизни и мысли живой
Не краснѣя теперь протестую...»
Но я другу отвѣтилъ тотчасъ:
— Встань, сосѣдъ, побесѣдуй хоть часикъ...
Не гордись черезъ чуръ... вѣдь у насъ
Не послѣдній остался ты классикъ!..

НА НОВЫЙ 1869 г.

Говорятъ, что безъ печали,
Безъ раздумья и заботъ,

Старый годъ мы провожали,
И торжественно встрѣчали
Шестьдесятъ девятый годъ?

Говорятъ, всѣ безъ умолку,
Что дивимъ мы бѣлый свѣтъ,
Что смѣемся очень колко,
Что во многомъ мало толку
И въ дѣлахъ согласья нѣтъ!

Будто часто слышимъ вздохи,
Видимъ слезы — заурядъ;
Говорятъ, финансы плохи:
Оттого и слышимъ « охи »....
Ну, не вздоръ ли говорятъ?

Будто правдою заочной
Намъ теперь не колютъ глазъ,
Будто миръ въ Европѣ прочный,
И что самъ вопросъ восточный
Не касается до насъ?

Говорятъ, « народность » въ модѣ;
Пишутъ въ пользу бѣдняковъ,
И что пьянство въ этомъ годѣ
Уничтожится въ народѣ,
Сокращеньемъ кабаковъ?

Говорятъ, людей отсталыхъ
Мы устали почитать,
Утверждаютъ, что въ журналахъ
О родныхъ своихъ скандалахъ
Только можно и читать?

Говорятъ, что взятки гадки,
Что теперь « благодарятъ »,
Что родные безпорядки,

Всѣ сомнѣнья, и загадки,
Насъ съ собою примирятъ?

Что весна зернистой рожью,
Всѣ поля обогатитъ,
Что за свѣтъ и правду Божью
Биться съ тьмою, биться съ ложью
Долгъ и совѣсть намъ велитъ.

Что на дѣлѣ, съ упованьемъ,
Въ памятъ горя и невзгодъ,
Много добрыхъ начинаній,
Честныхъ словъ и обѣщаній,
Мы исполнимъ въ этотъ годъ?

БЕЗЪ ОБОРОТА НА МЕНЯ.

Держась прилично въ сторонѣ
Отъ современныхъ убѣжденій,
Порой пріятно вспомнить мнѣ,
Какъ избѣгалъ я заблужденій...
Свое достоинство храня,
Всѣ дрязги жизни безъ изъятья,
Умѣлъ другимъ передавать я
Безъ оборота на меня!

Бѣднякъ за моего отца
Своимъ карманомъ поручился,
Но какъ-то вексель отъ истца
Потомъ ко мнѣ переселился.
Приходитъ срокъ... Добро цѣня,
Я не хотѣлъ принять уплату

И вексель отдалъ адвокату,
Безъ оборота на меня!

Свою сосѣдку я увлекъ:
Все обѣщалъ на ней жениться;
Но вдругъ—начальникъ мой помогъ
Съ его кумой соединиться...
Сманила знатная родня!
И доброй юности подругу
Сейчасъ-же передалъ я другу
Безъ оборота на меня!

Въ солидныхъ обществахъ мудрить,
И говорить я всѣхъ храбрѣе;
Но надъ начальствомъ поострить
Я подстрекну—кто поглупѣе;
Себя отъ шутки отстраня,
Смѣюсь при всѣхъ чистосердечно,
И шутка въ ходъ пойдетъ... конечно
Безъ оборота на меня!

Зачѣмъ примѣры примѣнять,
Ихъ свѣтъ по своему разсудитъ,
Но чтобъ меня вполнѣ понять
Примѣровъ трехъ довольно будетъ.
Для личной пользы измѣня
Свои привычки и понятья,
Могу здѣсь все передавать я
Безъ оборота на меня!

БЕЗСОННАЯ НОЧЬ.

Въ темномъ небѣ отражая
Зарево огня,

Смолкнулъ городъ, забывая
Шумъ тревожный дня.
Спитъ нуждою утомленной
Мученикъ труда,
Жертва жизни обыденной,
Радость, и бѣда...

Спитъ и тотъ, чей сонъ короче
Горя и заботъ,
Но шумѣть подъ кровомъ ночи
Жизнь не устаетъ;
Тучи сѣрыя нависли
Тяжкою грядой,
И больнѣе мучатъ мысли,
Грудь мою тоской!.

Вотъ блеститъ для запоздалыхъ
Жизненныхъ отрадъ,
Въ развеселыхъ клубскихъ залахъ
Пестрый маскарадъ.
Вотъ летятъ у братьи высшей
Сотни за столомъ...
А внизу бездомный нищій
Дремлетъ за угломъ...

Вотъ разгаромъ шумныхъ оргій
Праздности кумиръ
Манитъ юные восторги
На безумный пиръ...
А по Невскому, какъ тѣни,
Шагъ вашъ сторожа,
Бродятъ Берты, Мины, Фени,
Съ холода дрожа...

Знаю я... подъ ночи дымкой,
Полная души,

Жизнь иная невидимкой
Бодрствуетъ въ тиши;
Въ далекѣ веселій шумныхъ,
Праздныхъ и пустыхъ:
Это — мысль людей разумныхъ,
Честныхъ, трудовыхъ ..

Эту жизнь лелѣютъ думы
Истины святой,
Разгоняя мракъ угрюмый
Ночи заклятой.
Упованьемъ не напраснымъ
Наполняютъ грудь,
И зовутъ съ разсвѣтомъ яснымъ
Въ обновленный путь!...

* *
*

Ходитъ вѣсточка отмѣнная,
Жди ее благой успѣхъ!..
Что повинность-то военная
Будетъ общею для всѣхъ;
Что и тотъ, кто носитъ званіе
Благородныхъ, такъ сказать,
Безъ различій состоянія,
Долженъ долгъ свой доказать.
Этой вѣсти рѣчью шумною
Всѣ откликнулись сильнѣй,
Тунеядство лишь безумное
Молча стало передъ ней.

Мой сосѣдъ, всегда въ исправности
Былъ великій либералъ,

О гражданской равноправности
Всѣхъ громчѣе онъ кричалъ;
Но теперь, когда приходится
Слово къ дѣлу примѣнить,
Онъ готовъ всему, какъ водится,
Безъ фразерства измѣнить.
Ну-ка, другъ мой, безъ ироніи
Долгъ гражданскій докажи,
И теперь, безъ церемоніи,
Ты, поди-ко, послужи!

У Ивана Дормидоныча
Чуть не десять сыновей,
Бьютъ баклуши съ утра до ночи
Да гоняютъ лошадей.
Дѣлу чужды безъ условія,
Ничему не учены,
Изъ податнаго сословія
Съ юныхъ дней исключены...
Дѣтки, чѣмъ вамъ шалопайничать
Цѣлый вѣкъ безъ головы,
Да по клубамъ-то хозяйничать,
Послужите-ка и вы!

Ну, а ты, телецъ упитанный,
Золотой капиталистъ,
Что ты мраченъ?.. и, прочитанный,
Мнешь въ рукахъ газетный листъ?
Иль при общей-то повинности
Ощущаешь въ сердцѣ страхъ?
Идеаломъ ты невинности
Былъ въ общественныхъ дѣлахъ.
Ты на все смотрѣлъ взыскательно,
Что-жъ, и службы не дичись,
Если-жъ чинъ имѣть... желательно...
Такъ учись теперь, учись!

ЖИТЕЙСКАЯ ГРАММАТИКА.

Чту я словесность, и чту математику,
Но, ограничивши знанія кругъ,
Болѣе всѣхъ первоклассныхъ наукъ
Я уважаю родную грамматику;
Ибо въ житейскомъ значеньи она
Очень практична и очень нужна.

Вотъ хоть-бы въ Думѣ... служаки есть *гласные*,
Служатъ *согласными* также они;
Тамъ-же изъ нихъ замѣняютъ одни
Буквы собою вполнѣ *полугласныя*;
Въ общемъ они составляютъ слова,
Чтобъ обсуждалъ ихъ градской голова.

Въ жизни, оцѣнку именъ *существительныхъ*
По *прилагательнымъ* дѣлаемъ мы,
Съ этимъ согласны всѣ наши умы;
Но изо всѣхъ падежей *именительныхъ*,
Тотъ я склонять изучилъ ремесло,
Гдѣ возвышается *родъ* и *число*.

Честно вращаясь до *мѣстоименія*,
Былъ я почти безпріютенъ и голъ...
«Хапать» и «брать» изучивши *глаголъ*,
Нажилъ себѣ небольшое имѣніе;
Но объ *нарѣчіи*: какъ? и когда?
Лучше теперь умолчимъ господа.

Службой, для выгоды личной, манкировать
Я находилъ постоянно *предлогъ*;
Деньги давая подъ вѣрный залогъ,

*

Весело жилъ и, наскучивъ жуировать,
Сотенку тысячъ прихлопнулъ, какъ тузъ,
Съ дамою сердца вступивши въ *союзъ*.

Эту грамматику съ пользой на свѣтѣ я
Могъ примѣнить къ коловратной судьбѣ,
Слушая толки людей о себѣ...
Слухъ мой ласкаютъ теперь *междометія*:
Ухъ, какъ онъ ловокъ-то! *Ай-да* дѣлецъ!
Вотъ ужь хапуга-то! Вотъ ужь подлецъ!..

Тотъ, кто пойметъ каждый знакъ препинанія,
Самъ для иныхъ можетъ быть *запятой*,
Въ дѣлѣ и словѣ идеи иной
Ставитъ онъ *точку* и *знакъ восклицанія!*
Но, предъ вопросомъ подобнымъ, друзья,
Ставлю всегда *многоточіе* я....

Часть остальная житейской грамматики
Въ выводахъ общихъ немножко темна,
Впрочемъ, для насъ безполезна она,
Въ высшихъ наукахъ вѣдь мы не фанатики —
Помнить должны, что для *собственныхъ* лицъ
Вредно уму выходить изъ границъ!..

ПОСЛѢ РАЗЛУКИ.

Много лѣтъ для житейской науки
Проведя на сторонкѣ чужой,
Мнѣ пришлось послѣ долгой разлуки
Посѣтить тебя, городъ родной.
Съ той поры, какъ съ тобой я простился,

За разлуку душею скорбя,
Ты во многомъ теперь измѣнился,
Какъ пришлось мнѣ взглянуть на тебя.
Узнаю тѣ мѣста, гдѣ я выросъ,
Гдѣ впервые на свѣтъ сталъ смотрѣть, —
Вотъ та церковь, куда я на клиросъ
Съ ребятишками хаживалъ пѣть;
Приношеньями добрыхъ прихожанъ
Подновленъ ея старенькій видъ,
Рядомъ съ нею для причта заложенъ
Новый домъ, и часовня стоитъ...
Тамъ, гдѣ прежде пустырь да заборы
Покрывала полночная тьма,
Ясный газъ тамъ привѣтствуетъ взоры,
И стоятъ исполины дома!

Милый городъ! съ признаньемъ глубокимъ
Шлю привѣтъ я за добрый пріемъ,
Этимъ улицамъ, шумнымъ, широкимъ
Въ самомъ центрѣ кипучемъ твоемъ.
Посреди суэты неизбѣжной,
Замѣчаешь едва-ли ты самъ,
Какъ въ волненіи жизни мятежной
Ты ростешь не по днямъ, а часамъ.
Но рѣзка и твоя перемѣна
Для отвыкшихъ отъ блеска очей...
Въ клубъ зашелъ я вчера для обмѣна
Накопившихся чувствъ и рѣчей.
Клубъ былъ также и полонъ, и свѣтелъ,
Съ первымъ шагомъ узналъ я его,
Но увы! цѣлый вечеръ не встрѣтилъ
Я изъ прежнихъ друзей никого.
Лишь попавшійся родственникъ дальній
Указалъ мнѣ на общества цвѣтъ:
Гдѣ на мѣстѣ дешевой читальни
Пріютился дешевый буфетъ.

Въ маскарадъ я заѣхалъ, въ надеждѣ
Посмотрѣть на веселый народъ,
Но и тамъ, не нашелъ я, какъ прежде,
Благородныхъ интригъ и остротъ.
Даже юности пылъ, какъ на диво,
Рвется къ цѣли завѣтной не такъ:
Замѣняетъ шампанское пивомъ
И безъ маски глотаетъ коньякъ...

. . . . . .

Насладившися пѣньемъ каскаднымъ
И потомъ посмотрѣвъ на канканъ,
Съ чувствомъ грустнымъ, но вмѣстѣ — отраднымъ
Я случайно попалъ въ ресторанъ.
Ресторанъ этотъ служитъ обновкой,
Хоть закусками плохо снабженъ,
Но... признаться, его обстановкой
Я во истину былъ пораженъ.
Здѣсь, — я думалъ, — когда-то сіяли
Представители избранныхъ сферъ,
Здѣсь красавицы свѣта блистали,
Олимпійскаго блеска примѣръ!
Въ тѣ чертоги съ таинственной жаждой
Добивались иные пути...
Ну, а нынѣ... туда можетъ каждый
На двугривенный выпить зайти.
Знать безъ вѣрнаго въ жизни оплота
Мишура обращается въ тлѣнъ,
Какъ слетаетъ теперь позолота
Съ высоты раззолоченныхъ стѣнъ...

. . . . . .

СЧАСТЛИВЦЫ... КЪ НАШЕМУ СТЫДУ.

О свѣтскій хлыщь, какъ ты хорошъ!
Извѣстной масти молодежь,
И стариковъ развратныхъ кругъ
Съ тобою дѣлитъ свой досугъ.
Твой міръ—друзей салонныхъ сбродъ
Орфеумъ, тройки и Доротъ,
Хоть за собой твоя душа
Не видитъ мѣднаго гроша.
Живешь ты знатно, на фу-фу,
Тебя я въ первую строфу
Поставлю первымъ на виду.
Ты счастливъ... къ нашему стыду.

О ты, съ нахмуреннымъ лицемъ,
Себя считающій дѣльцомъ,
Примѣрной жизни семьянинъ
И нашъ *почетный* гражданинъ,
Кладя, что могъ подъ свой обухъ,
Къ людскому чувству тупъ и глухъ;
На жизни общія дѣла
Дичась смотрѣлъ изъ-за угла,
И не подвинулъ ни на шагъ
Свой умъ, зарытый въ барышахъ.
Забывши прежнюю нужду,
Ты счастливъ... къ нашему стыду.

А ты ханжа, творишь кресты,
Твердишь про грѣхъ, блюдешь посты...
Когда-бъ страшилъ тебя твой адъ —
Казну-бы отдалъ ты назадъ,
Тому, кого безъ дальнихъ словъ
Всегда ограбить былъ готовъ,

Чтобъ не вводилъ глупцовъ въ обманъ
Набитый деньгами карманъ!
Какимъ ты есть, такимъ и будь,
Тебѣ людей не обмануть...
Но ты живешь, сбирая мзду,
Счастливцемъ... къ нашему стыду...

О, моралистъ, какъ ты хорошъ!
Бичуя зло, бичуя ложь,
Ты подкупалъ людскую честь
За средства въ жизни—пить и ѣсть.
И самъ съ просящаго лица
Бралъ взятки съ задняго крыльца,
И средь посѣянныхъ интригъ
Мѣстечка хлѣбнаго достигъ...
Смѣшна мораль твоя, повѣрь!...
На эту тэму я теперь
Счастлицевъ избранныхъ найду
Не мало, къ нашему стыду!...

ОДНОМУ ИЗЪ МНОГИХЪ.

Съ юности душу лакейскую
Спряталъ ты въ барское тѣло,
Съ юности пошлость житейскую
Гордо считаешь за дѣло.
Тихій, покорный, внимательный
Гнешься предъ знатью вліятельной,
И передъ выгодой каждой
Къ дѣлу бросаешься съ жаждой!
Съ лбомъ тупомьемъ отмѣченнымъ
Ты, отъ людей съ положеньемъ

Въ свѣтѣ вполнѣ обезпеченнымъ,
Всюду нашелъ уваженье,
Всюду нашелъ ты протекціи,
Тонкимъ чутьемъ одаренный...
Гдѣ-же ты выучилъ лекціи
Этой науки мудреной?
Или средь лести признательной,
Или средь грязи лакейской,
Или въ средѣ состоятельной
Пошлости нашей житейской?

* * *

Подъ убійственнымъ вліяньемъ
Постоянной неудачи,
Я давно горю желаньемъ
Разрѣшить *сіи* задачи:

«Отчего всѣ изучаютъ
Жизни тонкіе мотивы,
Отчего глупцы бываютъ
И богаты, и счастливы?

«Для чего нашъ Жизнодавецъ
Создалъ горе и утраты,
Отчего у женъ красавицъ
Старики мужья рогаты?

«Отчего мы лѣземъ съ жаждой
На обманъ, и такъ, что даже
Не краснѣя вѣримъ каждой
Шарлатанской распродажѣ?

«Отчего враги движенья,
И разумнаго сознанья,

Продавая убѣжденья—
Наживаютъ состоянья?»

Я-бы далъ на все отвѣты
Съ приложеньемъ доказательствъ,
Если-бъ... не было черезъ это
Непріятныхъ обстоятельствъ?

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ГЕЙНЕ.

I.

ГДѢ?

Гдѣ-же, гдѣ я успокоюсь,
Кончивъ путь въ подлунномъ мірѣ,—
Подъ палящимъ солнцемъ юга,
Или—тамъ, въ снѣгахъ Сибири?

Буду-ль чуждыми руками
Я зарытъ въ землѣ родимой,
Иль въ пескѣ на брегѣ моря,
У стихіи нелюдимой?

Всё равно мнѣ!... то-же солнце
Озаритъ мой прахъ лучами,
И свѣтить мнѣ будутъ звѣзды
Похоронными свѣчами!..

—

II.

РЕАЛЬНОМУ ПОЭТУ.

Поешь ты, какъ нѣкогда съ духомъ геройскимъ
Орфей вдохновенный пѣвалъ,

Но плохо ты публику выбралъ для пѣсенъ,
И плохо ты время избралъ.

Всѣ слушаютъ пѣсни твои съ одобреньемъ,
И каждый изъ насъ сознаетъ,
Какъ смѣло и ловко стихомъ ты владѣешь
Какъ чистъ твоей мысли полетъ;

Въ припадкѣ веселья тебѣ рукоплещутъ
И хвалятъ за каждый твой стихъ,
И даже... пропѣть покушаются громко
Одну хоть изъ пѣсенъ твоихъ...

Такъ точно невольникъ, въ шинкѣ, за стаканомъ
Свободную пѣсню поетъ...
Вѣдь это способствуетъ пищеваренью
И сладость вину придаетъ!...

—

III.

Выпускать такія книги,
Милый другъ мой, не годится,
Хочешь почестей и славы,
Такъ съумѣй—принаровиться.

Никогда не дамъ совѣта,
Чтобъ твоя звучала лира
Пѣснью громкой и свободной
Про ханжей и сильныхъ міра.

Длинны руки сильныхъ міра,
У ханжей языкъ предлинный,
Да и публика имѣетъ
Органъ слуха трехъ-аршинный!

* *
*

Въ сторонѣ родимой
Встрѣтили меня:
Бѣдныя деревни,
Тощіе поля,
Глинистыя нивы,
Сырость и туманъ,
Облаковъ летучихъ
Сѣрый караванъ,
Тѣ-же вереницы
Вольныхъ журавлей,
Улетавшихъ къ югу
Отъ родныхъ полей,
Отъ холода завялый
Трудовой посѣвъ,
Да знакомой пѣсни
Жалобный напѣвъ...

. . . . . .

Радостной надеждѣ
Снова измѣня
Грустно край родимый
Встрѣтилъ ты меня!..

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЕСЛИ-БЪ...

«Если-бъ двѣсти тысячъ *онъ* имѣлъ въ карманѣ».—
Мыслитъ куртизанка, лежа на диванѣ—
«Если-бъ содержанья больше могъ назначить—
Стоило-бы франта дольше подурачить,
А теперь, не стоитъ... бросивши мальчишку,
Я съ богатымъ старцемъ заведу интрижку...»

«Если-бъ сотню тысячъ мужъ имѣлъ въ карманѣ»,
Говоритъ купчиха, выходя изъ бани—
«Поддержать съумѣла-бъ я свою особу,
Всѣмъ-бы услаждала грѣшную утробу,
Выдала-бы дочку я за генерала,
И сама, пожалуй, барыней-бы стала!»

«Если-бъ двадцать тысячъ я имѣлъ въ карманѣ»,
Думаетъ хапуга, въ старомъ вицъ-кафтанѣ,—
«Быстро дослужившись до восьмаго классу
Бросилъ-бы я службу и открылъ-бы кассу—
Всѣмъ давалъ-бы деньги... Эта цѣль гуманна,
Для души полезна, да и для кармана».

«Если-бъ хоть сотняжку я имѣлъ въ карманѣ»,
Разсуждаетъ парень съ дѣвкой въ сарафанѣ—

«По хозяйству всѣ-бы я порядки справилъ,
За себя бы, значитъ рекрута поставилъ..
Какъ-же мнѣ жениться на тебѣ, голубкѣ,
Если все богатство въ этомъ полушубкѣ?»

«Если-бъ мы имѣли четвертакъ въ карманѣ»,
Вставши на работу говорятъ крестьяне—
«То, братъ, по косушкѣ важно-бъ мы хватили,
Силы подкрѣпили, счастливы бы были,
И чайку напившись до седьмого поту
Принялись бы дружно за свою работу..»

* * *

День прошелъ, и трудъ тяжелый
Ты окончила, другъ мой,
Беззаботной, и веселой
Ты спѣшишь теперь домой,
Но къ тебѣ, съ осанкой львиной,
Въ нетерпѣньи хмуря лобъ,
Привязался съ сладкой миной
Преуслужливый холопъ.
Отъ нахала убѣгая,
Просьбъ «отстать» не повторяй,
Низкой цѣли негодяя
Ты стыдомъ не ободряй!
Позови городоваго,
И услужливому льву
Ты назначь у мироваго
Роковое рандеву!

РЫЦАРЬ КЛУБА.

(Современная поэма).

Балъ кипитъ... ликуютъ скрипки...
Топотъ, ропотъ, шопотъ, вздохи,
Кислосладкія улыбки...
«Эхи, ухи, ахи, охи»...
Заученныя остроты,
Мины, позы, каламбуры,
Донъ-Жуаны, Донъ-Кихоты,
Доны-Анны и Лауры...
У колонны въ позѣ лорда,
Джентельменъ одинъ коварный
На толпу взираетъ гордо,
И крутитъ свой усъ шикарный;
Онъ усталъ, онъ отдыхаетъ
Послѣ танцевъ. О, минута!
Дочь купеческая таетъ
Въ это время почему-то...
Ахъ! извѣстная причина:
Много, много сладкой гили
Сей плѣнительный мужчина
Ей нашептывалъ въ кадрили,
Да и «тятинька» при этомъ
До блестящихъ франтовъ лакомъ,
Такъ по всѣмъ ея примѣтамъ
Пахнетъ бракомъ, сладкимъ бракомъ.

Конченъ балъ. Купчихѣ ловко
Франтъ кивнулъ, и взявши шляпу
Съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой,
Сжалъ онъ тятенькину лапу,
Проводивъ ихъ до коляски,

Онъ, какъ слѣдуетъ герою,
На Пески, прищуривъ глазки,
Потащился пѣхтурою ..

Дома, вынувши окурокъ
Жернаковской сигаретки,
Нашъ герой, какъ истый турокъ,
Развалился на кушеткѣ.
Развалясь онъ началъ мыслить:
«Я прельстилъ собою фею,
Надо мнѣ теперь исчислить,
Сколько денегъ взять за нею;
Надо «тятеньку» ея мнѣ
Поприжать въ приданомъ смѣло, —
Дескать, ты, сибирка, помни,
Помни, съ кѣмъ имѣешь дѣло!
Подавай-ка, борода, мнѣ
Тысячъ эдакъ полтораста,
Ожерелья перстни, камни,
Подавай и — дѣло баста!»

Борода же, дома лежа,
Видитъ дѣло съ лучшей точки,
Мыслитъ тоже: «отчего-же
Не отдать за франта дочки?
Трется, вьется этотъ ворогъ,—
Съ нимъ, того, не оплошать-бы,
Обѣщаю тысячъ сорокъ
И надую послѣ свадьбы!»

Ясный мѣсяцъ въ тѣ минуты,
Лучъ бросая перламутра,
Тихо шепчетъ: «спите, плуты,
Вплоть до радостнаго утра!»

НАДО ЖИТЬ СЪ РАСЧЕТОМЪ.

Хоть въ судахъ не всѣ мы служимъ,
Но разумной рѣчью
Мы какъ разъ обезоружимъ
Слабость человѣчью.
Заручась процентовъ на сто
Темненькимъ почетомъ,
Мы не даромъ вторимъ часто:
Надо жить съ расчетомъ!

Другъ-подрядчикъ! надувая,
Грабь своихъ рабочихъ,
И ругай ихъ припѣвая
Средь доходовъ прочихъ:
«Знаетъ цѣну, вражье племя,
Лишь своимъ работамъ,
Не пойметъ, что въ наше время
Надо жить съ расчетомъ!»

Идеалъ иной супруги
Чисто—ангелъ неба!
Онъ жалѣетъ для прислуги
Лишней корки хлѣба,
Но на тряпки, въ магазинѣ,
Тратясь крупнымъ счетомъ,
Проповѣдуетъ, что нынѣ
Надо жить съ расчетомъ!

Для глупцовъ, на балъ напрасный
Умъ нашъ сотни броситъ,
Но когда нашъ братъ несчастный
Помощи попроситъ, —

*

Мы его подъ видомъ ласки
Упрекаемъ мотомъ,
И разсказываемъ сказки:
Надо жить съ расчетомъ!

Франтъ! усчитывай копѣйки
У жены да дѣтокъ,
Прокутясь для чародѣйки
Модныхъ шансонетокъ!
И доказывай степенно,
Съ явнымъ недочетомъ,
Что теперь вамъ непремѣнно
Надо жить съ расчетомъ!

Ограничивая средства
Опытнымъ совѣтомъ,
Эту пѣсню, чуть не съ дѣтства
Пѣли намъ объ этомъ.
Заручась порою сразу
Даровымъ почетомъ,
Мы не даромъ любимъ фразу:
Надо жить съ расчетомъ!

СКРОМНЫЯ ЖЕЛАНІЯ.

Я отъ людей не требую участья.
Пусть въ жизни мнѣ не льститъ судьба сама,
Не надо мнѣ особеннаго счастья,
Не надо мнѣ талантовъ и ума,—
Я скроменъ, тихъ, какъ добрая овечка,
Я никому не сдѣлаю вреда...
О, Господи! пошли ты мнѣ мѣстечко
Секретаря Сиротскаго Суда!

Отъ общества порядочнаго мнѣнья
Я не ищу касательно себя,
Не надо мнѣ любви и упоенья,
Могу я жить, красавицъ не любя.
Хочу во всемъ стѣснять желаній волю,
Даровъ твоихъ такъ много для земли,
О, Господи! на грѣшную мнѣ долю
Хоть *въ двѣсти тысячъ* выигрышъ пошли...

Не надо мнѣ ни совѣсти спокойной,
Ни доброты въ смиреніи души,
Я не молю о памяти достойной—
Помянетъ насъ и нищій за гроши...
Пускай ко мнѣ относятся всѣ грозно,
Отъ этихъ золъ меня не береги,
Но лучше Ты, хоть рано или поздно,
Концессію достать мнѣ помоги!

Я не хочу богатаго наслѣдства
Искать и ждать отъ нищенской родни,
Могу я самъ имѣть для жизни средства,
И для меня не дороги они...
О, Господи! спокойно и открыто
Въ концѣ концовъ хочу тебя молить,
Чтобъ въ «Обществѣ Взаимнаго Кредита»
Когда нибудь *директоромъ* мнѣ быть!

СВИДАНІЕ.

Кончился день утомленный,
Сумракъ въ саду разстилается,
Юноша съ дѣвой влюбленной

Въ страстной любви объясняется.
— Милая, дай поцѣлую
Ручку твою бѣлоснѣжную,
Какъ не любить мнѣ такую
Дѣвушку добрую, нѣжную?
Пусть не даютъ мнѣ покою
Глазки твои искусители...
Сколько, скажи, за тобою
Денегъ отпустятъ родители?
Дѣва ему отвѣчаетъ
Съ видомъ любви нескрываемой:
— Сердце тебя понимаетъ,
Другъ ты мой долгожелаемый!
Ахъ, какъ любить ты умѣешь!
Прочь роковыя сомнѣнія!..
Сколько дохода имѣешь
Ты съ родоваго имѣнія?
Юноша съ дѣвой невинной
Полонъ любви и страданія,
Но... послѣ паузы длинной
Ей говоритъ: «до свиданія!..»
Дѣва вздохнула: о, Боже!
И прошептала со злобою:
«Голь, а вѣдь выглядитъ тоже
Очень влюбленной особою!..»

ХОРОШО ТАМЪ, ГДѢ НАСЪ НѢТЪ

(Посвящ. М. А. По—мареву).

Боже мой, какъ все на свѣтѣ
Измѣнилось въ наши дни!
Прежде ѣздили въ каретѣ

Люди знатные одни;
Ну, а нынѣ, въ вѣкъ нашъ вольный, —
Поглядишь, иной вахлакъ,
Отъ Гостиннаго подъ Смольный,
Можетъ ѣхать за пятакъ...
Хоть за вкладъ такой монеты
И везутъ до мѣста вплоть;
Но... отъ щапинской кареты
Сохрани меня Господь!...

Объ дѣлахъ людей полезныхъ
Я и спорить не берусь,
Всюду сѣть дорогъ желѣзныхъ
Покрываетъ нашу Русь;
Впрочемъ, въ мнительныхъ предлогахъ,
Слышалъ я... но чепуха
Будто дня на тѣхъ дорогахъ
Не проходитъ безъ грѣха!
Вѣрю я, что есть пристрастность
Празднымъ людямъ вздоръ молоть;
Но... отъ вѣры въ безопасность
Сохрани меня Господь!...

Духомъ времени, въ печати
Дышетъ каждая статья,
Много мирной благодати
Въ дѣлѣ прессы вижу я.
Наша гласность безъ уступки
Смѣло вытащитъ на свѣтъ
Современные проступки,
И грѣшки старинныхъ лѣтъ;
Безъ особыхъ исключеній
Можетъ всѣмъ глаза колоть;
Но... отъ честныхъ обличеній
Сохрани меня Господь!...

Крючкодѣйство впало въ хилость
Въ деревняхъ и въ городахъ,
И отъ нынѣ: правда, милость
Свято царствуютъ въ судахъ.
Плутни грязныя какъ прежде,
Не изчезнутъ безъ слѣда,
Лучшей доли мы въ надеждѣ
Ждать отъ гласнаго суда...
Я, при тѣхъ дарахъ родимыхъ,
Не отрѣзанный ломоть:
Но... отъ мѣста подсудимыхъ
Сохрани меня Господь!...

Просвѣщенье и науки
Ярче прежняго цвѣтутъ,
Будетъ время, наши внуки
Ихъ оцѣнятъ и поймутъ;
Для грядущей благостыни,
Воспитанье въ наши дни
Невозможно безъ латыни
И безъ греческой долбни;
Все классическое впиться
Намъ должно и въ кровь, и въ плоть:
Но чтобъ самъ я сталъ учиться...
Сохрани меня Господь!...

Объ развитіи народа
Говорятъ по всей странѣ,
Разговоръ такого рода
Поддержать пришлось и мнѣ...
Разсуждали очень тонко,
Я откликнулся на рѣчь,
И сказалъ, что мужиченка
Не мѣшаетъ и посѣчь...
Шумъ и споръ, и отговорки,

Я настаивалъ — пороть...
Но, друзья... отъ всякой порки
Сохрани меня Господь!...

ИСТРЕБИТЕЛЮ ГАДОВЪ.

Объявляя мѣсто жительства
На брегахъ залива Финскаго,
Съ дозволенія правительства
И совѣта медицинскаго
Ты явился истребителемъ
Блохъ, клоповъ и крысъ губителемъ,
Злаго зелія заводчикомъ,
Всякой дряни переводчикомъ...

И по милости даровъ такихъ
Не прошелъ ты незамѣченнымъ,—
Бытъ домашній отъ враговъ своихъ
Мы считаемъ обезпеченнымъ.
Спимъ мы, спимъ съ душой спокойною,
Благодушества достойною,
Хоть порой, сны наши сладкіе
Возмущаютъ думы гадкія:

Отчего-де не найдемъ мы средствъ,
Не найдемъ и мѣръ вещественныхъ
Противъ нашихъ обыденныхъ бѣдствъ,
Противъ тѣхъ-ли крысъ общественныхъ,
Что на сумму миліонную,
Истребляли соль казенную,

Что творятъ набѣги страстные
На карманы наши частные?

Почему еще отравы злой
  Не пришлось въ своихъ рукахъ имѣть
Противъ той-ли саранчи густой,
  Что мѣшаетъ намъ на свѣтъ смотрѣть,
Противъ тѣхъ клоповъ что нашу кровь,
Наши силы и къ труду любовь,
И стремленья постоянныя
Пьютъ какъ воду, окаянные?!

Противъ тѣхъ-ли гадовъ мстительныхъ,
  Разведенныхъ мраколюбцами,
Что на блескъ идей спасительныхъ
  Нагло смотрятъ душегубцами.
Отчего-де, какъ не думаемъ,
Никогда мы не придумаемъ
Противъ зла такого велія
Очистительнаго зелія?...

ПОПРОБУЙ!

Въ должность доходную впившись какъ клещъ,
Вслухъ разсуждаетъ богачъ-бюрократъ:
«Странное дѣло, странная вещь!
Многимъ завидно, что я такъ богатъ,—
Дерзокъ глупцовъ обо мнѣ приговоръ,
Будто я взяточникъ, будто я воръ;
Но, порицатель съ голодной утробой,
Самъ ты разжиться какъ я-то попробуй!

Рыцарь въ долгахъ неоплатныхъ погразъ,
Тысячи онъ у отца промоталъ,
Нѣжный родитель нѣсколько разъ
Съ горя объ этомъ въ газетахъ писалъ:
Проситъ довѣрья не дѣлать ему;
Дайте совѣтъ вы такому уму,
Скажетъ вамъ съ гордостью фатъ мѣднолобый,
Самъ задолжать ты на столько попробуй!

Съ дряхлой старухой живетъ фаворитъ,
Возитъ красавца старуха съ собой,
Кормитъ, ревнуетъ и деньги даритъ.
Что-жъ ему надо? онъ счастливъ судьбой,—
Совѣсть и чувства для юноши вздоръ,
Бросьте въ лице ему честный укоръ,—
Онъ вамъ отвѣтитъ: такою особой
Самъ завестися ты, милый, попробуй!

Каждый имѣетъ свой вкусъ и талантъ,
Каждый гордится заслугой своей,
Шулеръ—искуствомъ, наукой—педантъ,
Баринъ—чинами, ливреей—лакей.
Сбросить личину вы дайте совѣтъ,
Всякій изъ нихъ непремѣнно въ отвѣтъ
Къ вамъ отнесется съ презрительной злобой:
Самъ, братъ, со мною сравняться попробуй!

ФИЛОСОФУ ГАВРИЛѢ.

Зачѣмъ вѣнцами брачными
Съ тобой мы не увѣнчаны?
Зачѣмъ съ мечтами мрачными
Мы ищемъ въ мірѣ женщины?

На путь житейскій вышедши
Съ гуманными задатками,
Встрѣчали мы ихъ тысячи,
Знакомились десятками,
И не стѣсняясь рамками
Для общества условными,
Привыкли звать ихъ самками,
Да куклами любовными.
Смотря на ихъ пригожество,
Любуясь ихъ привычками,
Мы женщинъ какъ ничтожество
Даримъ такими кличками...
Какъ звѣздъ въ небесномъ куполѣ
Дано ихъ Божьей волею,
Скажите, ну не глупо-ли
Желать еще намъ болѣе?

Есть женщины ревнивыя,
Веселыя, суровыя,
Надменныя, спѣсивыя,
Дебелыя, махровыя,
Есть страстныя, эффектныя,
Миндальныя, крахмальныя,
Салонныя, конфектныя,
И даже... идеальныя!
Смѣшно-же такъ взыскательно
Искать намъ *дѣльной* женщины,
Гдѣ дѣло обязательно
Для грубой деревенщины;
Гдѣ трудъ самой природою
Дается въ назначеніе,
Кто низкою породою
Являетъ исключеніе?
Подобно вѣщимъ филинамъ,
Уста открывши дерзкія,

Всё это разъяснили намъ
Лѣсковы и Мещерскіе.
Ехидными Тюркосами
Взглянувъ на дѣло равности,
Раздѣлались съ вопросами,
О женской равноправности.
Не требуютъ кассаціи
Всѣ женскія усилія,
И въ вѣкъ эмансипаціи
Есть женщинъ въ изобиліи!
А мы съ тобой, пріятель мой,
Сознайся, ну, не дѣти-ли,
Что до сихъ поръ на смѣхъ людской
Мы женщины не встрѣтили?
Публично, безъ протекціи,
Я спорю до истерики,
Что ихъ такой коллекціи
Не сыщешь и въ Америкѣ!

ВСѢ МЫ ХОРОШИ.

...«Ахъ, у насъ примѣры рѣдки
Дѣловыхъ людей,
На умѣ всѣ шансонетки
Закулисныхъ фей;
Духъ безнравственный, постыдный
Завелся къ тому-жъ...»
Такъ ворчитъ весьма солидный
И степенный мужъ.
Дядя! брось ты пересуды,

Лучше не грѣши,
На себя взглянуть не худо —
Всѣ мы хороши!

Посмотри, какъ вашей масти
Моралистъ иной
Ищетъ нѣги въ тайной сласти,
Страсти площадной.
Какъ шампанскимъ нахлеставшись
Лакомый Тартюфъ
Фигурируетъ, забравшись
Къ «Бергу» или «Буфъ»,
И засѣвши въ темной ложѣ
Съ нимфою въ тиши,
Можетъ вамъ сказать онъ тоже:
Всѣ мы хороши!

Всё ругаетъ, осуждаетъ
Барыня ханжа,
Всѣхъ, кого лишь только знаетъ,
Рѣжетъ безъ ножа.
Тотъ—женился слишкомъ рано,
Та—какъ пень глупа,
Тотъ—живетъ не по карману,
Та—совсѣмъ скупа.
Полно, кумушка! Какъ чудо,
Свѣтъ ты не смѣши,
На себя взглянуть не худо —
Всѣ мы хороши!

Ты какимъ примѣромъ служишь
Для дѣтей своихъ?
Чѣмъ ты головы имъ кружишь,
Что даешь для нихъ?
Дрязги, сплетни, приживалки —

Гибель для ума;
Эхъ, родная, доброй палки
Стоишь ты сама.
Но молясь предъ небесами
За грѣхи души,
Вѣришь ты, что только сами —
Всѣ мы хороши!

...«Къ дѣлу общества всѣ какъ-то
Глухи господа,
Въ общемъ дѣлѣ мало такта,
Рвенія, труда...
Безучастны, безъискустны...»
Такъ поетъ одинъ
За обѣдомъ очень вкуснымъ
Дѣльный господинъ.
— Доѣдай свое, братъ, блюдо,
Да салатъ кроши,
На себя взглянуть не худо—
Всѣ мы хороши!

Хоть теперь, во имя дружбы,
Не толкуй про долгъ,
Отъ обязанностей службы
Ты бѣжишь какъ волкъ;
Ты не дашь, дружокъ, для дѣла
Мѣднаго гроша,
У тебя скорѣй изъ тѣла
Вылетитъ душа.
Лишь на выгоды мы глядя
Бойки, какъ ерши...
Не мели пустого, дядя,—
Всѣ мы хороши!

Вотъ въ кружкѣ литературномъ
Другъ—хамелеонъ,

Въ спорѣ бурномъ, нецензурномъ
Всѣхъ громчѣе онъ
Говоритъ, что въ общемъ мнѣньи
Онъ одинъ хорошъ,
Что другіе—убѣжденья,
Продаютъ за грошъ.
Не ораторствуй Іуда,
Дороги гроши,
На себя взглянуть не худо—
Всѣ мы хороши!

Завтра ты въ противной ставкѣ,
За пустой доносъ
Гонарарію прибавки
Ждешь, поднявши носъ.
Убѣжденья, какъ перчатки,
Ты мѣнять готовъ,
(Пользы видимы зачатки
Отъ такихъ скотовъ)
На своей башкѣ премудрой
Ты хоть колъ теши,
Но сознай, что въ вѣкъ нашъ мудрой—
Всѣ мы хороши!

СЪ НАТУРЫ.

Вѣчно толпами народа волнуется
Наша широкая, бойкая улица,
Вѣчно тѣснятся знакомымъ явленіемъ
Добрые люди по всѣмъ направленіямъ;
Въ полдень особенно много ихъ скопится,
Взглянешь—какъ будто куда-то торопятся,

Лица у всѣхъ такъ смѣшно озабочены., —
Будто порукой взаимною сплочены,
Будто стремятся всѣ къ цѣли таинственной,
Цѣль-же стремленій, задачей единственной,
Такъ-же какъ прежде у всѣхъ обусловлена:
Къ выгодѣ личной она приспособлена.
Выгода личная—дѣло хорошее!
Вотъ посмотрите: подъ тяжкою ношею
Лавочный мальчикъ изъ силъ выбивается,
Значитъ купчина о пользѣ старается,
Если не могъ на продажу дешевую
Тратить извощику сумму грошовую...

Вотъ и чиновникъ съ портфелемъ подъ мышкою,
Рядомъ съ нимъ тащится странница съ книжкою,
Вслѣдъ-же за ними—особа гулящая,
Пьянымъ нахаламъ статья подходящая,
Все испытавшая—розы и тернія,
Въ шелкѣ и бархатѣ жертва вечерняя...
Въ пестрой мантильѣ степная помѣщица
Смотритъ на «Думу», вздыхаетъ и крестится.
Далѣе видятся лица суровыя,
Шляпы и каски, и шапки бобровыя,
Франты кудрявые, франты плѣшивые,
Шлейфы, шиньоны и косы фальшивыя.
Дальше шныряютъ какъ будто бездомные,
Личности свѣтлыя, личности темныя,
Тутъ-же мелькаютъ гербы позлащенные,
Тутъ-же плетутся и люди крещеные,
Думая думу, ничѣмъ не притворствуя,
Въ драныхъ сермягахъ, сухіе и черствые...

Все на лицо!... лишь подъ темною дымкою
Мысли витаютъ средь нихъ невидимкою,
Да съ высоты надъ толпами бредучими

Хмурится небо весенними тучами,
И, между этимъ отрепьемъ и золотомъ,
Вѣетъ какимъ-то убійственнымъ холодомъ...

НЕПОГРѢШИМОСТЬ ПАПЫ.

«Я слышалъ, няня, будто папа
Ни въ чемъ непогрѣшимъ;
Сегодня утромъ, изъ-за шкапа
Я подсмотрѣлъ за нимъ:
Мой папа, вставши спозаранку,
Къ намъ въ дѣтскую попалъ,
И Фаню, нашу гувернантку,
Какъ маму цѣловалъ...
Вѣдь это грѣхъ? неправда-ль, няня,
Иль нынче все — не грѣхъ?..»
— Ахъ, замолчи! какой ты Ваня!
Да не болтай при всѣхъ...

«На дняхъ, опять портной нашъ къ папѣ
За долгомъ приходилъ,
Хоть папа былъ въ пальто и шляпѣ, —
Принять—не разсудилъ.
Бѣднякъ о деньгахъ все хлопочетъ,
А папа только лжетъ:
Ни счетъ подписывать не хочетъ,
Ни денегъ не даетъ,
И дома сказываться, няня,
Лакею не велѣлъ...
Вѣдь лгать грѣшно?»—Ахъ полно, Ваня,
У папы много дѣлъ.

«Ахъ, няня, вотъ и ты узнала,
Что бабушка больна,
Въ наслѣдство папѣ обѣщала
Отдать свой домъ она.
Вчера мой папа съ ней простился,
Желалъ ей долгихъ дней,
А дома чуть не въ слухъ молился,
Чтобъ умерла скорѣй...
Я знаю, бабушка хотѣла
Не умирать, а жить...»
— Ахъ, Ваня, другъ! не наше дѣло
Объ бабушкѣ тужить...

«Когда у мамы гость бываетъ,
И съ папой—говоритъ,
То папа гостя обнимаетъ,
А за глаза бранитъ...
Ахъ, няня, что-жъ это такое?
Вѣдь говорить — одно,
А дѣлать намъ совсѣмъ другое
И стыдно и грѣшно...»
— Ванюша, другъ! ты глупо судишь,
Какъ выростешь большимъ,
Ты также, какъ и папа, будешь
Ни въ чемъ непогрѣшимъ!..

ВЪ ТРАКТИРѢ.

Ликуетъ трактирное зало,
Буфетчикъ заботливъ и строгъ,
Гостей собралося не мало,

Служители сбилися съ ногъ.
Гляжу на родную картину,
Гляжу я и завтрака жду,—
(Андрей! заведи-ка машину,
Поставь намъ «*Орфея въ аду*»).

Подрядчикъ сидитъ съ экономомъ
Объ дѣлѣ они говорятъ,
У нихъ здѣсь порядкомъ знакомымъ
Сдается казенный подрядъ;
И корчатъ невинную мину,
И дѣлятъ барышъ по поламъ, —
(Андрей! заведи-ка машину,
Поставь намъ «*Робертъ* и *Бертрамъ*»).

А вотъ опекунъ съ адвокатомъ,
Ограбивъ несчастныхъ сиротъ,
Теперь о наслѣдствѣ богатомъ
Вдоемъ сочиняютъ отчетъ.
Въ опекѣ расхода причину
Выводитъ сѣдой правовѣдъ,—
(Андрей! заведи-ка машину,
Поставь изъ «*Роберта*» *дуэтъ*).

Вотъ тризну по батюшкѣ правитъ
Забитый купеческій сынъ,
Кружокъ его дружескій славитъ
За выборъ закусокъ и винъ.
Забыта былая кручина,
Раскрыты отца сундуки,—
(Андрей! заведи-ка машину,
Поставь: «*не бѣлы-то-ль снѣги!*»)

А рядомъ, за чайнымъ приборомъ,
Два юноши съ пылкой душой,
О счастьи грядущемъ, и скоромъ,

О правдѣ толкуютъ людской.
Товарищи! зло и рутину
Хранитъ произвола уставъ...
(Андрей! заведи-ка машину,
«*Лучину-лучинушку*» — ставь!)

Насытившись грязью житейской,
Пируетъ богатый старикъ,
Своей онъ натурой лакейской
Житейскаго счастья достигъ.
Достигъ онъ за гибкую спину
Скорѣй, чѣмъ мечтатели всѣ, —
(Андрей! заведи-ка машину,
Поставь намъ родное lancier).

О милое общество наше,
Къ тебѣ отношусь я любя,
Что можетъ быть лучше и краше,
Въ гражданскомъ развитьи тебя.
Свобода у насъ гражданину
Во всѣхъ проявленьяхъ дана...
(Андрей! заведи-ка машину
Да ставь намъ скорѣе *вина*).

ДРУГИМЪ НЕ МѢШАЙ!

Если ты служишь въ конторѣ такой,
Гдѣ всѣ порядки знакомы съ тобой,
Денегъ общественныхъ малую часть

Можешь съ спокойной душею украсть.
Только при этомъ, мой другъ, не плошай,
Пользуйся самъ... и другимъ не мѣшай!

Если ты дряхлъ, и безсиленъ, и сѣдъ,
Выбери жертву шестнадцати лѣтъ,
Къ жизни зовущую страстную грудь...
Старческій недугъ на время забудь,
Силы угасшія ты воскрешай,
Пользуйся самъ... и другимъ не мѣшай!

Вѣкъ не встрѣчаясь съ раздумьемъ, тоской,
Весело смѣйся надъ грязью людской,
Смѣло купайся въ житейской грязи,
Грязной рукою на правду грози,
Плодъ этой грязи съ любовью вкушай,
Пользуйся самъ... и другимъ не мѣшай!

*
* *

Жизнь — превеселое изданье,
Преуморительный журналъ,
Я самъ въ него, сверхъ ожиданья,
Въ число сотрудниковъ попалъ.

Его издателемъ — природа,
Его редакторомъ — нужда,
Однихъ лишь цензоровъ порода
Не ладитъ съ нами иногда!

Чѣмъ прихотливѣе, чѣмъ старѣй,
Тѣмъ строже быть они хотятъ,

И нашъ житейскій гонорарій
Ихъ обусловливаетъ взглядъ.

Но есть счастливцы между нами,
Они живутъ въ большой чести,
Умѣя темными путями
Свою статейку провести.

Въ душѣ съ терпимостью лакейской
Весь вѣкъ блаженствуютъ они
И тактомъ мудрости житейской
Для многихъ служатъ въ наши дни...

УСПОКОЙТЕСЬ РАДИ БОГА.

Увлеченій вы не бойтесь.
Съ языка-ль сорвется слово,
Говорятъ вамъ «успокойтесь,
Вамъ сердиться не здорово...»
Въ этомъ возгласѣ предъ свѣтомъ
Для людей значенья много...
Какъ люблю я слушать это:
« Успокойтесь, ради Бога! »

Если ты, мой другъ, бѣдненекъ, —
Не клади на полку зубы,
Ростовщикъ достанетъ денегъ
Подъ залогъ послѣдней шубы;
А просрочишь день условья,
То лишаешься залога,
И въ морозъ, безъ прекословья, —
Успокойся, ради Бога!

За казенной-ли работой
Ночь убьете вы, и поздно
Въ должность явитесь съ заботой, —
Васъ начальникъ встрѣтитъ грозно.
Свирѣпѣя въ страшной злобѣ,
Раскричится онъ такъ строго...
Говорятъ тогда особѣ:
« Успокойтесь, ради Бога! »

Объясниться-ль захотите
Съ безотвязнымъ кредиторомъ, —
То въ глаза ему глядите
Вы всегда съ спокойнымъ взоромъ.
Если-жъ онъ, въ порывѣ гнѣвномъ,
Васъ пугнетъ стѣной острога,
Вы, въ смиреніи душевномъ:
« Успокойтесь, ради Бога! »

Если миленькая дама,
Подъ башмакъ забивши мужа,
Съ нимъ разыгрываетъ драму,
Вѣрно стоитъ, — почему-же!
Но когда, порой, сурово
Мужъ прикрикнетъ хоть съ порога, —
Говорятъ: « вамъ нездорово,
Успокойтесь, ради Бога! »

Получивъ отъ мироваго
Приглашенье для отвѣта,
Вы держитеся такого
Благороднаго совѣта:
« Если къ честнымъ оправданьямъ
Не найдете вы предлога, —
Предъ законнымъ воздаяньемъ
Успокойтесь, ради Бога! »

Успокойтесь! Это слово
Утѣшительно, и мило,
Пусть глядятъ на васъ сурово,
Пусть на свѣтѣ все постыло,
Пусть грозитъ лихой бѣдою
Жизни трудная дорога,
Не горюйте, и съ нуждою
Успокойтесь, ради Бога!

ОБИДЧИВЫЙ СОСѢДЪ.

—Наконецъ-то! ну, здравствуйте, добрый сосѣдъ!
Какъ здоровы семейство, жена?
Не встрѣчалъ васъ давно, но за чтеньемъ газетъ
Видѣлъ васъ я вчера у окна...
— Нѣтъ-съ, я карты тогда разбиралъ
Для игришки одной, понимаете?
А газетъ никогда я и въ руки не бралъ...
За кого вы меня принимаете!

— Ну-съ, что новаго, другъ, поразскажете мнѣ,
Говорятъ, что извѣстный всѣмъ плутъ,
За подлоги свои и за кражи въ казнѣ,
Черезъ мѣсяцъ предстанетъ на судъ.
Впрочемъ, что-жъ намъ объ немъ толковать,
Вѣроятно его вы не знаете?...
— Я-то? что вы! да какъ мнѣ не знать!..
За кого вы меня принимаете!

— Въ развеселомъ танцъ-классѣ недавно былъ балъ,
Да такой, что мое вамъ почтенье!

Мнѣ самъ приставъ сказалъ, что подобный скандалъ
Всѣмъ скандаламъ отдастъ предпочтенье.
Разсказать вамъ объ немъ, или—нѣтъ!
Вы семейный, вы тамъ не бываете...
— Ахъ какой-же вы, право, наивный сосѣдъ!..
За кого вы меня принимаете!...

— Я читалъ вашъ проэктъ, онъ съ начала уменъ,
Только жаль въ окончаньи не складенъ,
Говорятъ, что какимъ-то пріятелемъ онъ
Отъ умершаго друга украденъ...
— Ахъ, какіе несносные вы,
Что услышите, то и болтаете,
Сочинилъ я его изъ своей головы...
За кого вы меня принимаете!...

— За кого-же тебя принимать, милый другъ,
То—не такъ, да и это—не эдакъ,
Въ разговорѣ съ тобой не раздѣлишь досугъ,
Ошалѣешь скорѣй на послѣдокъ...
— Ахъ, оставьте свои остроты,
Не по чину вы носъ поднимаете,
Какъ вы смѣли ко мнѣ обращаться на «ты»!..
За кого вы меня принимаете?!...

СЪ НАТУРЫ.

I.

Пала ночь на городъ шумный,
Полный праздничныхъ заботъ,
Въ хлопотнѣ своей безумной
Движется народъ.

Въ рынкахъ давка, споръ и толки,
Блескъ нарядовъ манитъ глазъ,
Фонари, игрушки, елки,
И ѣды—запасъ.

Все хлопочетъ, все несется,
Шумъ и крикъ со всѣхъ угловъ,
И басисто раздается
Звонъ колоколовъ.

Въ окнахъ свѣтятся лампады,
Въ небѣ сумрачномъ—окрестъ
Заблистали миріады
Полуночныхъ звѣздъ...

И пришла пора святая,
Тишиною шумъ смѣня,
Всѣ уснули, ожидая
Радостнаго дня

II.

И вотъ, сквозь мракъ рѣдѣющій,
Встряхнувъ ночную лѣнь,
Не выспавшись какъ слѣдуетъ
Проснулся божій день.

Такъ чинно, такъ торжественно
Часы его текутъ;
Къ жильцамъ за контрибуціей
Всѣ дворники идутъ.

Шатаются по улицамъ
Веселыя толпы,
Къ приходскимъ обывателямъ
Поѣхали попы.

Летаетъ съ поздравленьями
По старшимъ—молодежь,

Въ иныхъ домахъ какъ водится
Заводится кутежъ.

Сорвавшись точно съ привязи,
Прикащики купцовъ,
Въ «Пассажъ», въ «Палермо», въ «Фениксы»
Летятъ со всѣхъ концовъ.

Признанія, лобзанія,
И хохотъ, и разгулъ,
Скандалъ, и пѣсня съ пляскою,
И крики «караулъ!»...

III.

Вотъ и третьи сутки,
Все мѣняетъ видъ,
Тяжесть на желудкѣ,
На душѣ мутитъ.
Глядь,—вездѣ изъяны,
Постно—безъ поста,
Пусты всѣ карманы,
Голова пуста.
Добрые «подчаски»
Водятъ изъ частей
Для семейной ласки
По домамъ гостей.
Принимайся смѣло
За обычный трудъ,
Чортомъ смотритъ дѣло,
Переходъ такъ крутъ;
А кругомъ — веселье
Также какъ вчера,
Выпивки, похмѣлье,
И хандра-хандра!...

ПОСЛАНІЕ КЪ НЕЙ.

(Реально-классическіе отпрыски).

Добрая воля, да дума глубокая,
Васъ ни на что промѣнять не хочу!
Съ доброй сосѣдкою жизнь одинокая
Намъ горемыкамъ пришлась по плечу...

Праздничекъ скоро; толпою шумливою
Всюду хлопочетъ народъ дѣловой.
Мы же съ тобою, въ минуту счастливую,
Купимъ веселье за грошъ трудовой.

Пусть на Сѣнной дорожаетъ провизія:
Свиньи, бараны и всякая дичь;
Эти превратности—Думы ревизія
Можетъ одна въ совершенствѣ постичь.

Намъ незнакомы разсчеты всѣ темные:
Веселы мы отъ весны до зимы;
Насъ не утѣшатъ недѣли скоромныя:
Раньше съ тобой разговѣлися мы.

Взглянь, моя милая,—люди, какъ водится,
Тоже не чужды взаимныхъ заботъ:
Волей-неволей встрѣчать имъ приходится
Праздники, святки, а тамъ—Новый годъ.

Мужи солидные бредятъ наградами,
Жены подводятъ расходамъ итогъ,
Барыни въ лавки бѣгутъ за нарядами,
Въ лавкахъ прикащики сбилися съ ногъ.

Снятся подарки лакеямъ съ кухарками,
Дѣти таращатся къ елкамъ своимъ...

Мы же съ тобой не пойдемъ за подарками;
Насъ не дарятъ,—такъ и мы не даримъ.

Въ добромъ хозяйствѣ возня неминучая,
Стала на время опрятность въ чести;
Раньше какъ будто-бы не было случая
Снять паутину да соръ подмести...

Въ швейныхъ портнихи всю ночь за иголкою, —
Грудь надрывая, не могутъ прилечь...
Послѣ же праздниковъ?..
Праздничной елкою,
Многихъ-бы стоило крѣпко посѣчь...

* *
*

Трудно безъ добраго въ жизни учителя
Юношѣ пылкому выйти на свѣтъ,
Милый сыночекъ!—по долгу родителя,
Долженъ я дать тебѣ добрый совѣтъ.
Если ты спустишь мои ассигнаціи,
Мелкихъ долговъ какъ огня избѣгай;
Но для поддержки своей репутаціи
Крупными кушами смѣло должай.
Если задумаешь ты положительно
Узами брака себя съединить,
Женщинъ достоинства можешь сравнительно
Ты съ капиталами только цѣнить...
Если ты хочешь предъ знатью вліятельной
Быть на хорошемъ счету и виду,
То терпѣливо, съ улыбкой внимательной,
Долженъ ты слушать ея ерунду.
Всѣмъ проповѣдуй, что къ *вреднымъ* послѣдствіямъ
Новою жизнью указанъ намъ путь!

Холоду, голоду, всѣмъ нашимъ бѣдствіямъ—
Пьянство въ народѣ есть главная суть.
Нынче помѣшаны всѣ на развитіи;
Долженъ, во первыхъ, ты спину развить:
Въ этомъ развитіи кто даровитѣе,
Тотъ только можетъ и пользу добыть.
Въ карты играй, но не съ видомъ нахальника, —
Лучше двуличной держись простоты:
Вѣчно страшась обремизить начальника,
Лицъ подначальныхъ обыгрывай ты.
Чтобъ не прослыть нигилистомъ отчаяннымъ,
Модъ современныхъ храни ты законъ:
Въ обществѣ нашемъ нежданно-нечаянно
Въ люди выводитъ фасонъ панталонъ.
Милый сыночекъ! съ душою безропотной
Вѣруя въ это—далеко пойдешь,
Самъ себѣ въ жизни съ практичностью опытной
Лбомъ броненоснымъ дорогу пробьешь!

ОБЩЕСТВЕННОМУ ДѢЯТЕЛЮ.

Ведя коммерцію солидную,
Ты къ цѣли шелъ душой скорбя,
И наконецъ на должность видную
Въ собраньи выбрали тебя.

Ты даровитъ при общей сложности
Грѣховъ и плутней старыхъ лѣтъ,
Но все-жъ тебѣ я по возможности
Дамъ назидательный совѣтъ.

Твой мозгъ, изсохшій какъ у муміи,
Не пріучать-же къ букварю,

Такъ ты дѣла, при скудоуміи,
Вели вести секретарю.

Свое усердіе — предлогами
Съ гуманной цѣлью докажи,
И сразу новыми налогами
Своихъ собратовъ обложи.

Чтобъ поддержать свое значеніе,
Ты не носи властямъ дары,
А приглашай ихъ съ умиленіемъ
Къ себѣ на пышные пиры.

Осуществивъ надежды дальнія —
Свѣтлѣй казаться будетъ міръ,
Когда ты въ дни офиціальные
Надѣнешь вышитый мундиръ.

Добившись сути сей вещественной,
Дорогу многимъ ты пробьешь,
И будешь дѣятель общественный,
И мхомъ на мѣстѣ обростешь...

ОНЪ И ОНА.

Безъ гроша денегъ, началъ онъ
Отечеству служить,
Узналъ практически законъ,
Постигъ умѣнье жить.
При тонкой гибкости спины,
При ловкости дѣльца
Онъ бралъ награды и чины,
По милости Творца.

Уйдя искуссно отъ борьбы
На поприщѣ родномъ,
Дарами щедрыми судьбы
Осыпанъ былъ кругомъ.
Хоть говорятъ, что тѣ дары
Онъ бралъ съ законныхъ дѣлъ,
Но самъ законникъ, съ той поры,
Законностью владѣлъ.

У ней лишь дядя былъ одинъ,
И дядею она
Была, къ модисткѣ въ магазинъ,
Въ ученье отдана.
Тяжелый трудъ привелъ къ концу...
И вотъ она съ тоской
Въ объятья кинулась глупцу,
Всей страстью молодой!

Она, какъ слѣдуетъ, потомъ
Обманута была,
И въ путь, продолженный стыдомъ,
Погибшею пошла.
Сравнивъ по истинѣ, по всей,
Правдивость ихъ житья,
Рѣшить не трудно, чье честнѣй—
Его или ея?

* * *

Ничего нѣтъ глупѣе, и хуже,
Какъ въ виду безпредѣльнаго моря
Вѣчно плавать въ прибережной лужѣ,
Иль со всѣми сходиться не споря;
Какъ зимой, коченѣя на стужѣ,

Подъ покровомъ убогой шинели,
Забавляться на лирѣ досужей,
Воспѣвая морозъ и метели...

Ничего нѣтъ смѣшнѣе, и хуже,
Вдовьихъ слезъ и прискорбнаго слова
О недавно потерянномъ мужѣ,
Если можно сыскать ей другаго;
Я, пожалуй, прибавлю къ тому-же,
Признаваясь межъ нами сердечно,
Что подругу одну да и ту-же
Не возможно любить вѣковѣчно...

Ничего нѣтъ скучнѣе, и хуже,
Какъ при общихъ желаніяхъ мира,
Слышать пробные выстрѣлы ружей,
Подъ команду отца-командира;
Иль замѣтивъ геройство снаружи,
Восхищаться наружнымъ геройствомъ,
Если жизнь намъ становится туже
И тѣснитъ возмутительнымъ свойствомъ.

Ничего нѣтъ глупѣе, и хуже,
Громкихъ фразъ современной кокетки,
Если жизненный взлядъ ея уже,
И мрачнѣе «убогой газетки»;
Остановимся лучше, къ чему-же,
Рифмовать въ этомъ родѣ куплеты,
Вѣдь для многихъ останутся вчужѣ
Философскіе наши совѣты?

ЛИРИЧЕСКІЕ ВОПЛИ.

Природа мать! Душой скорбя
Такъ гласно, такъ свободно,
Безъ страха я насчетъ тебя
Пою, что мнѣ угодно.
Живя дарами бытія,
Какъ членъ житейской касты,
Перетасовываю я
Житейскіе контрасты.

О звѣзды, звѣзды! Вы въ сто разъ
Всего милѣе въ мірѣ,
Въ тотъ часъ, когда я вижу васъ
На форменномъ мундирѣ.
О мѣсяцъ, мѣсяцъ! Въ честь тебя
И пѣснь звучитъ громчѣе,
Въ тотъ мигъ, какъ жалованье я
Беру у казначея!..

О дѣва, дѣва! Предъ тобой
Запасъ всѣхъ чувствъ истраченъ,
Скажи, кому съ твоей рукой
Твой капиталъ назначенъ?
О шелестъ вѣтра! Каждый стихъ
Ловчѣй идетъ въ куплеты—
Какъ шелестятъ въ рукахъ моихъ
Кредитные билеты.

Читатель! Кто-бъ ни былъ ты,
Купецъ, чиновникъ, попъ-ли,
Переливай свои мечты
Въ лирическіе вопли.

Живи средь сладкаго житья,
Безъ горькаго раздумья,
И пой природу такъ, какъ я—
Съ любовью... до безумья!..

ЗАПОВѢДЬ КУПЦА.

Съ длинною бородкой, съ совѣстью короткой,
Какъ большой дѣлецъ,
Жилъ да былъ купчина, жилъ... и вдругъ кончину
Чувствуетъ купецъ.
Ни казна, ни черти не спасутъ отъ смерти
Грѣшной бороды,
Надо покориться, не чѣмъ откупиться
Отъ такой бѣды.
Призываетъ сына; сынъ, большой дѣтина,
Умникомъ глядитъ;
Батька поученье и нравоученье
Сыну говоритъ:
« Сынъ ты мой любезный, выслушай полезный
Отъ отца совѣтъ:
Будь семьѣ кормилецъ и всегда поилецъ
До преклонныхъ лѣтъ.
Береги здоровье, и безъ прекословья
Будь на все готовъ,
Сохраняй излишекъ, избѣгай мальчишекъ,
Слушай стариковъ.
Черезъ мѣру умныхъ, книжекъ вольнодумныхъ
Бойся, какъ огня,
Намъ ученье вредно, чтобы жить безбѣдно —
Вспоминай меня.

Ты пристроенъ къ мѣсту, такъ возьми невѣсту,
Твой чередъ насталъ:
Но всего главнѣе — ты возьми за нею
Крупный капиталъ.
Торгъ веди подольше, задолжай побольше,
Ласковъ будь, не грубъ,
И отдай съ покоромъ добрымъ кредиторамъ
Гривенникъ за рубль.
Послѣ можешь снова торговать безъ слова,
Наживать рубли,
И за ту отвагу: миръ тебѣ, и благо
Будетъ на земли!...»

ПЛЕМЯННИКЪ БОГАТАГО ДЯДИ.

Наслѣдствомъ вполнѣ обезпеченъ,
Фланерствуетъ онъ безъ раздумья,
И лобъ его бѣлый отмѣченъ
Великимъ клеймомъ тупоумья.
По клубамъ, трактирамъ, танцъ-классамъ
За знатью таскается сзади,
И смотритъ прямымъ ловеласомъ
Племянникъ богатаго дяди!

Знакомъ онъ съ камеліей каждой,
Предъ ними онъ лѣзетъ изъ кожи
И дышетъ съ особенной жаждой
Въ лакейскихъ палатахъ вельможи...
Повсюду съ собою таскаетъ
Стиховъ неприличныхъ тетради,
И ихъ за шампанскимъ читаетъ
Племянникъ богатаго дяди!

И кто-бы ему не попался,
Онъ каждому скажетъ, чтобъ вѣдалъ:
« Съ такимъ-то я княземъ катался,
« Съ такимъ-то артистомъ обѣдалъ.
« И нѣтъ меня краше на балѣ
« Въ моемъ заграничномъ нарядѣ »,
И первымъ героемъ въ скандалѣ —
Племянникъ богатаго дяди!

А дядя — купчина извѣстный,
Любившій племянника съ дѣтства,
Придумалъ финалъ интересный —
Лишить его вовсе наслѣдства...
Тогда ему плохо придется;
Пойдетъ онъ просить Христа ради,
Пойдетъ... да и съ кругу сопьется
Племянникъ богатаго дяди!...

СТРАННОСТИ.

Я, начальству доброму, радъ служить до гроба,
У меня начальникомъ — важная особа!
Изучивъ практически службу и законъ,
Мудро и отечески все рѣшаетъ онъ.
Духомъ-ли, сомнѣньемъ-ли, просто-ль возмущаюсь,
Я къ нему за разумомъ тотчасъ обращаюсь:
Какъ-молъ ваше мнѣніе, смѣю васъ спросить?
— Что-жь тутъ, скажетъ, страннаго? Очень можетъ быть!

Дѣло-ль позатянется (хватишь вдругъ не въ мѣру),
Вѣдь другой испортилъ-бы всю мою карьеру...

Я къ нему съ повинною: такъ и такъ, скажу,
Вашей я законностью очень дорожу,
Врагъ попуталъ бѣдностью, грѣхъ такой случился,
Какъ къ отцу родимому, къ вамъ я обратился,
Дѣло это старое, могъ и позабыть...
— Что-жь тутъ, молвитъ, страннаго? Очень можетъ быть!

Въ обществѣ строителей, разъ, изъ за раздѣла,
Съ тяжбой завязалося грязненькое дѣло.
Тутъ, сказать по совѣсти, смыслъ совсѣмъ иной:
Долго билась истина съ ложью подкупной;
Но, содравши съ истины кровныя копѣйки,
Дѣло это кончили въ пользу лжи—злодѣйки.
Мнѣнье отъ начальника я хотѣлъ добыть...
— Что-жь тутъ, молвилъ, страннаго? Очень можетъ быть!

Странно! Сослуживецъ мой былъ бѣднякъ неважный,
Но на дняхъ онъ выстроилъ домъ пятиэтажный;
Впрочемъ, слухи разные ходятъ стороной,
Будто все имѣніе взялъ онъ за женой,
Будто.... Но сомнѣніемъ духъ мой возмутился:
Я, за объясненіемъ, тотчасъ обратился:
Какъ-молъ ваше мнѣніе, смѣю васъ спросить?
— Что-жь, сказалъ онъ, страннаго? Очень можетъ быть!

А порой случается, среди дѣлъ приказныхъ,
Вмѣстѣ мы бесѣдуемъ о матерьяхъ разныхъ;
Сколько въ немъ покоится умственныхъ-то силъ!
Напримѣръ, по глупости я его спросилъ:
Правду-ли разсказывалъ кумъ мой регистраторъ,
Будто съ южнымъ полюсомъ сблизился экваторъ?
Какъ же-бы, вы думали, смогъ онъ разсудить?
— Что-жь тутъ, молвилъ, страннаго? Очень можетъ быть!...

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ЗЕМЛЯКАМЪ.

Примите привѣтъ мой, любезные братцы,
Не даромъ я ваше житье наблюдалъ,—
Я долженъ предъ вами по чести признаться,
Что лучшаго въ мірѣ житья—не видалъ;
Ужь истинно молвить—аркадское царство,
Живи, да и баста! Не только хворать,
Не только пускаться въ обманъ да въ мытарства,
Но даже ненадо совсѣмъ умирать...
Живете вы мирно, разсудокъ спокоенъ,
Имѣете право дурить и глупить,
Лишь не былъ-бы только желудокъ разстроенъ,
Да можно-бы было поѣсть да попить.
Путь жизни предъ вами раскинулся гладко,
Въ обычаяхъ милыхъ родной стороны,
И жизнь коротая вамъ дремлется сладко,
И васъ не тревожатъ лукавые сны.
Услышите-ль новость, которую смѣло
Повсюду разноситъ людская молва:
До общаго дѣла какое вамъ дѣло!
Лишь вамъ-бы жилося спустя рукава.
Прогрессъ-ли заводитъ людскіе порядки,
И вы какъ на чорта глядите на нихъ,
И старымъ хапугамъ готовите взятки,
Чтобъ спать, какъ и прежде, въ трущобахъ своихъ.
Ничто не взволнуетъ нашъ умъ закоснѣлый,
Откупитесь вы отъ нашествій всѣхъ бѣдъ,
А тамъ... провались хоть сквозь землю міръ цѣлый,
Вамъ дѣла, родные, до этого нѣтъ!

ЧѢМЪ Я НЕ ВАЖНЫЙ БАРИНЪ?

На *парѣ собственной* я всюду разъѣзжаю,
Со мной въ разсчетъ не входятъ кучера;
Какъ смеркнется—я свѣчку зажигаю:
Чтобъ и у насъ бывали *вечера*.

Порой съ умомъ живу не безъ разлада,
Порой хандрю, нельзя-же безъ того,
И въ дверь мою безъ громкаго доклада
Мой вѣрный песъ не впуститъ никого.

Приличнымъ именемъ я также не обиженъ,
Имѣю крестъ, хоть не имѣю звѣздъ,
Къ двору хозяйскому квартирою приближенъ,
Къ нему всегда мнѣ разрѣшенъ пріѣздъ.

Въ театрахъ я таланты одобряю,
И въ первомъ ярусѣ сижу... отъ потолка,
Я съ высоты на публику взираю:
Въ глазахъ моихъ вся публика мелка.

Шампанское мнѣ вредно... но порою
На счетъ другихъ его безвредно пью,
И для себя, друзья мои, не скрою,
Имѣю я Жанеточку мою...

Земли родной участокъ въ три аршина
Могу занять на вѣчные года.
Для свѣтскихъ дамъ, какъ вѣжливый мужчина,
Не безъ пріятности бываю, иногда.

Любя вояжъ, бываю за-границей
Уѣзда нашего... недалѣе, къ чему-жъ?...
Въ дни лѣтніе прощаясь со столицей
Я дачникомъ гуляю близъ Чекушъ.

Купцамъ въ долгахъ я не даю поблажки,
Росписки всѣмъ съ процентами пишу,
Свои труды мѣняю на бумажки
И воздухомъ безпошлинно дышу.

Имѣю гербъ на собственномъ паспортѣ,
И каждый графъ мнѣ по Адаму—братъ;
Теперь, друзья, со мною вы не спорьте:
Предъ вами я совсѣмъ аристократъ!

ШТРАФЪ.

(Признаніе благонамѣреннаго гражданина).

Могу сказать, одна лишь голь
Боится штрафа, какъ чумы.
Извѣстныхъ лицъ играя роль,
Должны-ль бояться шрафа мы?
Пускай, взысканіемъ грозя,
Мечтаетъ судъ смирить мой нравъ,
Мнѣ укротить его нельзя,
Мнѣ во сто разъ пріятнѣй штрафъ!

Всю зиму, лѣстницъ я въ домахъ
Не освѣщалъ; что за разгулъ!
И что-же? - Съ лѣстницы въ потьмахъ
На дняхъ кого-то чортъ столкнулъ.
Кто виноватъ? (я отъ души-бъ
Переписалъ весь нашъ уставъ,)
Жилецъ башку себѣ прошибъ,
А я за это отдалъ штрафъ!

Однажды, родственницъ-дѣвицъ
Привелъ для шутки въ клубъ на балъ

И въ ходъ пустивъ тьму небылицъ,
Подвелъ ихъ ловко подъ скандалъ..
И чѣмъ-же кончилося?..—Смѣхъ!
Усталъ я право, хохотавъ;
Изъ клуба вывели ихъ всѣхъ;
А я за это отдалъ штрафъ!

Лакея, какъ-то сгоряча,
За дерзкій взглядъ побить я могъ;
А тотъ прошенье настроча
Вздурилъ и чѣмъ-то занемогъ
Но я суда не избѣжалъ,
И судъ по совѣсти былъ правъ:
Глупецъ въ больницѣ полежалъ;
А я за это отдалъ штрафъ!

Собратъ по службѣ предо мной
Гордиться сталъ своимъ умомъ,
Но я, запасшись клеветой,
Махнулъ къ начальнику съ письмомъ.
И что-жъ потомъ?.. съ того-же дня
Отца семьи, не разобравъ,
Прогнали съ мѣста, а съ меня
За клевету содрали штрафъ!

Передъ судомъ мы всѣ равны,
Не равенъ только нашъ карманъ.
Въ своихъ поступкахъ мы должны
Имѣть свой взглядъ, имѣть свой планъ.
Пускай иной идетъ въ тюрьму!
Положимъ, я не князь, не графъ,
Но я богатъ, и потому
Мнѣ во сто разъ пріятнѣй штрафъ!

ЭПИТАФІЯ.

Какъ жаль, что въ самомъ цвѣтѣ
Богъ дни его пресѣкъ! —
Не даромъ жилъ на свѣтѣ
Хорошій человѣкъ!

Идя съ нуждой бокъ о бокъ
Разжиться онъ умѣлъ, —
На честь былъ очень робокъ,
На подлость очень смѣлъ.

Для дѣла, и для шутокъ
Имѣлъ онъ странный слухъ,
Былъ къ пользѣ личной чутокъ,
Но къ общей пользѣ глухъ.

Однимъ какъ ядъ былъ вреденъ,
Другимъ былъ сущій кладъ,
Съ богатыми былъ бѣденъ,
А съ бѣдными богатъ.

Гдѣ нужно – былъ онъ скроменъ,
Гдѣ можно — тамъ блудливъ,
Какъ циникъ былъ скороменъ,
Какъ юноша стыдливъ.

Имѣлъ онъ чувствъ избытокъ,
Владѣлъ онъ и перомъ,
Въ рѣчахъ былъ очень прытокъ,
Но въ дѣлѣ очень хромъ...

Терпя безъ отговорокъ
Превратности судебъ,

Въ шпіонствѣ былъ онъ тонокъ,
Въ благихъ стремленьяхъ слѣпъ.

На зло бывалъ онъ дерзокъ,
Хоть зло и не громилъ,
Съ друзьями былъ онъ мерзокъ,
Съ начальствомъ очень милъ.

Какъ жаль, что въ самомъ цвѣтѣ,
Богъ дни его пресѣкъ!
Не лишнимъ былъ на свѣтѣ
Хорошій человѣкъ!

* * *

Есть у насъ благія мнѣнія.
Много есть проэктовъ, смѣтъ,
Только лицъ для исполненія
Очень мало... или нѣтъ.

Есть съ наставниками строгими
Много школъ—учитесь всласть,
Только съ средствами убогими
Очень трудно въ нихъ попасть.

Много есть у насъ сценическихъ,
Распрекрасныхъ Клеопатръ,
И для дѣйствій есть комическихъ
Драматическій театръ.

Есть въ немъ ложи (не массонскія),
Въ немъ кипитъ артистовъ рать,
Есть и Нильскіе, и Пронскіе,
Только некому играть.

Есть при общей безтолковости
Крикуны на цѣлый свѣтъ,
Есть у насъ газета «Новости»,
Только новостей въ ней нѣтъ.

Есть у каждаго желанія
Веселиться за двоихъ,
Есть и клубы, и гулянія,
Только нѣтъ веселья въ нихъ.

Есть у насъ дома обширные,
Филантроповъ—цѣлый міръ,
Только цѣны-то квартирныя
Выживаютъ изъ квартиръ.

Отъ гражданскаго усердія
Богадѣльни видятъ сборъ,
Только все-жъ безъ милосердія
Гонятъ нищихъ подъ заборъ.

Много зримъ въ семьѣ отеческой
Мы гробовыхъ мастеровъ,
Только къ пользѣ человѣческой
Очень мало докторовъ.

Есть возможность намъ при случаѣ
Заявлять свои права,
Есть у насъ лѣса дремучіе,
Только дороги дрова.

Впрочемъ, все, что ни посѣется,
Можетъ во время поспѣть...
Что у насъ, друзья, имѣется —
Дай Богъ всякому имѣть!

ВСТРѢЧА У „ИЗЛЕРА".

(Фантастическій разсказъ въ потьмахъ и при свѣтѣ.)

На вечерній неба сводъ
Яркій мѣсяцъ всходитъ,
Звѣздъ блестящихъ хороводъ
За собой выводитъ;
Сквозь рѣдѣющій туманъ
Звѣзды вальсируютъ,
Соблазнительный канканъ
Съ мѣсяцемъ танцуютъ,
И подмигиваютъ всѣ
Съ высоты небесной,
Приглашая на lansièr
Съ звѣздочкой прелестной!

Мнѣ завиденъ вашъ удѣлъ,
Звѣздочки ночныя,
Непремѣнно-бъ полетѣлъ
Къ вамъ, мои родныя!
Но я долженъ разсказать
Про свое безсилье:
Мнѣ теперь не развязать
Связанныя крылья.
У меня звѣзда своя
Въ пышномъ кринолинѣ,
Съ ней законнымъ бракомъ я
Сочетался нынѣ.

Мѣсяцъ молвилъ мнѣ въ отвѣтъ,
Заглянувъ въ окошко:
«Я считалъ тебя, поэтъ,
Поумнѣй немножко.

Брось безплодныя мечты,
Будь повеселѣе,
Поѣзжай-ка лучше ты
Къ «Излеру» скорѣе...
Склонность къ вольному житью
Есть въ твоемъ удѣлѣ,
Независимость свою
Докажи на дѣлѣ!»

Мысли радостью полны,
Грудь томитъ истома,
Къ счастью, не было жены
Въ этотъ вечеръ дома;
Ахъ, она къ своей роднѣ
Ѣздила на дачу,
Что-жъ и я въ своей семьѣ
Что нибудь да значу!
Рѣшено! — и, какъ въ чаду,
Отъ восторга таю
И у «Излера» въ саду
Черезъ часъ гуляю...

Дремлетъ садъ прекрасныхъ водъ
Въ сладостномъ туманѣ,
Я вздыхалъ какъ пароходъ
Невскаго Тайвани.
Предъ очами возстаютъ
Милыя картины:
Вотъ онъ, вотъ любви пріютъ!
Кустики, куртины,
Рядъ знакомыхъ галлерей,
Дѣвы, снобсы, франты,
Блескъ бумажныхъ фонарей,
Шпоры, эксельбанты...

Шелестъ юбокъ, рюмокъ звонъ,
Слухъ и зрѣнье тѣша,
И красавицъ — Геликонъ
Предъ оркестромъ Реша.
Первымъ долгомъ вдохновясь
Коньякомъ въ буфетѣ,
Я гулялъ какъ свѣтлый князь
Въ мрачномъ полусвѣтѣ;
Но роскошной ночи мгла,
Любящихъ отрада,
Незамѣтно увлекла
Въ часть глухую сада.

Шелъ я, милые друзья,
По аллеѣ темной,
Шелъ, и вдругъ встрѣчаюсь я
Съ дамочкою томной...
Граціозный, стройный станъ,
Маленькая ножка...
Изъ какихъ чудесныхъ странъ
Ты явилась, крошка,
И зачѣмъ твои черты
Скрыты подъ вуалемъ?
Здѣсь, къ брегамъ златой мечты,
Мы съ тобой причалимъ.

Говорю ей, наклонясь,
Сладенькую штучку
И беру, воспламенясь,
Грацію подъ ручку.
Въ дымку легкую свою
Ликъ свой прячетъ мѣсяцъ;
Съ дѣвой сѣлъ я на скамью,
Подъ густой навѣсецъ.

Ручки нѣжной, пуховой
Чувствую пожатье...
Ахъ! я призракъ роковой
Заключилъ въ объятья!...

Въ освѣщенный выйдя залъ,
Съ юношескимъ жаромъ
Я взглянулъ и... задрожалъ,
Пораженъ ударомъ...
Боже! призракъ неземной,
Взрогнувшій съ испуга,
Былъ теперь никто иной,
Какъ моя супруга...
Будто змій моя звѣзда
Мнѣ впилася въ очи —
Не забыть мнѣ никогда
Этой страшной ночи!

Рокъ судилъ мнѣ испытать
Рядъ великихъ бѣдствій;
Не могу пересказать
Горестныхъ послѣдствій.
Возвращаяся домой,
Этой ночью звѣздной,
Все казалось предо мной
Сумрачною бездной.
Долго былъ я самъ не свой...
А на небѣ чистомъ
Заливался мѣсяцъ злой
Смѣхомъ серебристымъ.

ХОРОШАЯ КАРЬЕРА.

Безъ собственныхъ желаній,
Для тягости земли,
Меня сверхъ ожиданій
На свѣтъ произвели.
Мнѣ люди дали службу,
Природа — чуткій носъ,
Ко всѣмъ полѣзъ я въ дружбу,
Гдѣ могъ — строчилъ доносъ.

Мнѣ счастье стало близко,
Жуировать я сталъ,
Завелъ себѣ модистку,
Потомъ ее прогналъ.
Но что-бъ не быть въ убыткѣ,
Отъ денежныхъ растратъ,
Я былъ на фавориткѣ
Начальника женатъ.

Доносами на мѣстѣ,
Убавивъ штатъ другей,
Я могъ добиться чести
Отъ графовъ и князей;
Но врагъ меня, бѣднягу,
Преслѣдовалъ и тутъ:
За ложную присягу
Я отданъ былъ подъ судъ.

Меня въ судейскомъ залѣ
Взялися защищать,
И тотчасъ приказали
Въ отставку подавать.

*

Сейчасъ-же, безъ сомнѣній,
Я кончилъ службы путь,
Отъ жизненныхъ волненій
Пора и отдохнуть...

Пора другимъ дать мѣсто,
Достойныхъ я люблю,
Безъ всякаго протеста
Имъ мѣсто уступлю.
Блестящія карьеры
Даетъ отцовскій трудъ,
И что-жъ?—пускай примѣры
Съ насъ дѣточки берутъ!

ПОТЕРИ.

Мы поемъ какъ канарейки,
Безъ сарказмовъ ядовитыхъ,
Объ потерянной копѣйкѣ
Бѣдняковъ, нуждой забитыхъ,
Объ собратѣ, гордо павшемъ
На прямой къ добру дорогѣ,
Объ пальто своемъ, пропавшемъ
У Карповича въ залогѣ...
Но громчѣе раздается
Пѣсня нашего баяна,
Если что-нибудь коснется
Сердцу близкаго кармана.

Ахъ, тебя въ твоихъ утратахъ
Узнаю, среда родная!
Поглядишь, въ иныхъ палатахъ,
Современница иная,
Забирая въ долгъ наряды,
И обсчитывая прачку,
Сто рублей даетъ награды
За пропавшую собачку...
Вотъ дѣлецъ... по крайней мѣрѣ
Совѣсть онъ терялъ разъ двѣсти,
Онъ не тужитъ о потери
Уваженія и чести,
Но за счетомъ ассигнацій
Шепчетъ: экая обида!
Я покупку важныхъ акцій
Потерялъ совсѣмъ изъ вида.
Жизни-ль добрая подруга,
Въ знакъ супружескаго зелья,
Женскій стыдъ и вѣрность къ другу
Потерявши отъ бездѣлья,
Броситъ мужа, и предъ властью
О правахъ своихъ хлопочетъ,
Но вернуть съ *законной частью*
Стыдъ потерянный не хочетъ.

Безъ признаній нѣтъ собратства,
Безъ наживы нѣтъ потери,
Съ неба-ль падаетъ богатство,
Иль нужда стучится въ двери —
Мы съ собою примиряемъ
Дней своихъ былую повѣсть,
И съ достоинствомъ теряемъ
Не краснѣя честь и совѣсть.
Тамъ, глядишь, толкуютъ міру

Объ потерянномъ кредитѣ,
Здѣсь ворчатъ, бѣснуясь съ жиру,
Объ пропавшемъ аппетитѣ;
Но громчѣе раздается
Пѣсня нашего баяна,
Если что-нибудь коснется
Сердцу близкаго кармана.

СИЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ.

Хоть зависитъ, господа,
Все отъ обстоятельствъ,
Много значитъ иногда
Сила доказательствъ.
Вотъ иной богатымъ сталъ,
Нажилъ состоянье,
Знаютъ всѣ, что капиталъ
Плутнямъ воздаянье;
А возстань-ко противъ лжи —
Скажутъ тотчасъ: докажи!
Доказать не трудно;
Но спокоенъ толстый плутъ,
Сила значитъ въ деньгахъ тутъ
Съ ложью — обоюдно...

Средь заботы, и труда,
На дорогѣ тѣсной,
Пусть гнететъ тебя нужда,
Горемыка честный!
Пусть подчасъ трудомъ твоимъ

Сильные владѣютъ,
Пусть предъ казусомъ такимъ
Робкіе нѣмѣютъ...
А возстань-ко противъ лжи—
Скажутъ тотчасъ: докажи!
Доказалъ, и баста!
Сталъ всѣмъ лишнимъ, какъ злодѣй.
Въ жизни мы такихъ людей
Видимъ очень часто...

Ты, на малыя дѣла,
Мужъ вельми великій!
Шопотъ твой, противу зла,
Заглушаютъ клики!
Мѣстомъ ты своимъ счастливъ,
Феноменъ почетный,
Тупоуменъ и трусливъ,
Гадишь безотчетно...
А возстань-ко противъ лжи—
Скажутъ тотчасъ: докажи—
Низость вымогательствъ;
А попробуй—и капутъ;
Значитъ: сила—силы тутъ,
Но не доказательствъ!...

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Съ манерой изысканной,
Духами весь опрысканный,
Средь насъ живетъ одинъ:

Завитый, напомаженный,
Подтянутый, приглаженный,
Портными въ долгъ наряженный,
Почетный гражданинъ!

Живя подъ отчей кровлею,
Ни службой, ни торговлею,
Ни честнымъ ремесломъ,
Ни мирною наукою,
Съ заботой неразлукою,
Ни авторскою скукою—
Незанятъ нашъ бель-омъ.

Жуировать, баклушничать,
Скандальничать, наушничать,
Вотъ долгъ его прямой.
Съ грядущими наслѣдствами,
Гордясь друзей привѣтствами,
Живетъ, пока, онъ средствами
Красавицы одной...

Онъ въ клубѣ эту куколку
Обыгрывая въ стуколку,
Сердечно полюбилъ;
И обобравши бѣдную,
Головушку побѣдную
Съ одной копѣйкой мѣдною,
Онъ по миру пустилъ.

Зовутъ его всѣ графчикомъ,
И таютъ предъ красавчикомъ
Всѣ дамы на балахъ... .
А свахи-то гоняются,
За франта распинаются,

Женить его стараются,
На деньгахъ и домахъ.

Среди житья завиднаго,
По званію солиднаго,
Онъ счастливъ безъ конца...
И ждетъ съ душой безпечною,
Какъ съ радостью сердечною,
Прихлопнетъ смертью вѣчною
Старинушку—отца!

И все въ немъ это съ гордостью,
Съ особенною твердостью,
Впилося въ кровь и плоть...
Нѣтъ, отъ такого льготнаго,
Роднаго, безотчетнаго,
Отъ гражданства почетнаго,
Избави насъ Господь!

Въ родимомъ общежитіи
Гражданскаго развитія
Примѣръ есть не одинъ...
Цари-же средь купечества,
Для славы человѣчества,
Любезнаго отечества,
Почетный гражданинъ!

ЛИШНІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Міръ болтуновъ его позоритъ,
Его чуждаются друзья,

За то, что съ ними онъ не споритъ,
И ихъ не слушаетъ вранья;
Что, дорожа разумнымъ мнѣньемъ,
Онъ не поетъ съ глупцами въ тонъ,
И не мѣняетъ убѣжденій,
По мѣрѣ надобности, онъ.

Его супруга доѣдаетъ,
За то, что онъ, вступивши въ бракъ,
На прихоть деньги не кидаетъ,
И не попалъ къ ней подъ башмакъ;
Что воля мужа для услуги
Ей не всегда подчинена,
Что на обязанность супруги
Не такъ онъ смотритъ, какъ она.

Ему родные очень чужды,
За то, что онъ не лѣзетъ въ знать,
Что не имѣлъ особой нужды
У нихъ пороги обивать;
Что онъ не ждетъ отъ нихъ наслѣдства,
Что, не нуждаясь въ наши дни,
Онъ къ безупречной жизни средства
Нашелъ безъ помощи родни.

Прекрасный полъ его дичится;
За то, что будто имъ въ укоръ
Онъ проповѣдуетъ – учиться,
А не болтать салонный вздоръ;
Что онъ живетъ не въ бельэтажѣ,
А по сосѣдству съ чердакомъ,
Не ѣздитъ въ модномъ экипажѣ,
А ходитъ попросту пѣшкомъ.

Его начальство ненавидитъ,
За то, что съ гоноромъ своимъ
Онъ въ сладкой лести низость видитъ,
И служитъ дѣлу, а не имъ;
Что все старанье прилагая
Не понимаетъ онъ, увы!
Какая польза есть благая
Отъ нагибанья головы...

Еще одно, со словъ молвы, я
Могу сказать, что, заурядъ,
Объ немъ и люди дѣловые
Порою дѣльно говорятъ:
Что юныхъ дней убивши силу
Онъ будетъ чуждымъ въ этотъ вѣкъ,
И преждевременно въ могилу
Сойдетъ, какъ лишній человѣкъ.

БЛАЖЕНЪ ТОТЪ, КТО И Т. Д.

Блаженъ,—кто могъ во время оно,
Разжиться плутнями въ свой вѣкъ,
И капиталами законно
Владѣть, какъ честный человѣкъ;

Кто могъ не класть на полку зубы,
Твердя объ долгѣ и правахъ,
Не щеголять зимой безъ шубы,
И на казенныхъ жить дровахъ.

Блаженъ,—кому въ годину бѣдства
Родные—смертью помогли,
Кого за ложныя наслѣдства
Въ окружный судъ не привели...

Кто могъ желѣзныя дороги
Для пользы общей проводить,
И шеи собственной, въ итогѣ,
По нимъ катаясь, не сломить.

Кто въ нашихъ обществахъ отчеты
Рукою опытной сводилъ,
И цифръ почтенныхъ недочеты
Въ своемъ карманѣ находилъ.

Кто жилъ барономъ въ бель-этажѣ,
Чердакъ считая за миражъ,
Всю жизнь катался въ экипажѣ,
И не попалъ подъ экипажъ...

Кто лишнимъ знаніемъ разсудокъ
Въ духовной тьмѣ не освѣщалъ,
И постной пищею желудокъ
На зло врачамъ не отягчалъ.

Блаженъ,—кто въ бойняхъ франко-прусскихъ
Не пачкалъ кровью свой мундиръ,
И чистымъ нѣмцемъ среди русскихъ
Жилъ какъ Седанскій командиръ!..

* * *

Какъ-то прошлою зимой,
Я за бѣдненькой швеей

Разсудилъ приволочиться —
И казалось полюбилъ...
— А потомъ?
Потомъ жениться
На богатой разсудилъ.

—

У меня былъ добрый другъ,
Много дѣлалъ мнѣ услугъ,
Все дѣлилъ со мной какъ съ братомъ,
Въ дружбѣ вѣчной мы клялись...
— А потомъ?
Я сталъ богатымъ,
Онъ же бѣденъ—разошлись...

—

Съ либеральностью идей
Втерся я въ кружокъ друзей,
Съ простодушіемъ любезнымъ
Говорилъ про долгъ и честь...
— А потомъ?
Нашелъ полезнымъ —
На пріятелей донесть!

—

Эгоиста—богача
Презиралъ, какъ палача;
Слабыхъ, бѣдныхъ не тѣснилъ я;
Уважалъ разумный трудъ...
— А потомъ?
Потомъ открылъ я,
Не стѣсняясь, «кассу ссудъ».

—

Было время, я хотѣлъ
Сдѣлать много добрыхъ дѣлъ,

Биться съ ложью... и мечтами
Вѣрилъ въ счастье юныхъ дней...
— А потомъ?
Потомъ съ лѣтами
Мы становимся умнѣй!..

ЖАЛОБА.

За чьи грѣхи меня казнитъ
Теперь всевидящее око?
Не думалъ я, чтобъ мой кредитъ
Могъ подорваться такъ жестоко;

Не думалъ я, чтобъ мой доходъ
Могъ прекратиться съ деревенекъ!
Пуская деньги въ оборотъ —
Я не могу дышать безъ денегъ!

Изъ за подобныхъ пустяковъ,
Нельзя же мнѣ терпя убытки,
Лишиться пары рысаковъ
И дружбы милой фаворитки!

Не ожидалъ я отъ отца
Такого глупаго наслѣдства...
Во мнѣ онъ видѣлъ не глупца,
Чтобъ я искалъ для жизни средства.

Вращаясь средь салонныхъ сферъ,
Я изучилъ всѣ руководства,

Для симпатичности манеръ
И для поддержки благородства.

Глупцы толкуютъ о трудѣ...
Нельзя же мнѣ на самомъ дѣлѣ
Служить чортъ знаетъ съ кѣмъ и гдѣ,
И не гранить весь день панели!

О, неужели средь борьбы
Теперь на столько ослабѣю,
Чтобъ пасть подъ игомъ злой судьбы,
Подобно жалкому плебею?...

Въ балетѣ завтра бенефисъ,
Подарокъ нуженъ для артистки.—
Спущу фамильный свой сервизъ,
Чтобы участвовать въ подпискѣ...

А тамъ,—что будетъ! не грущу!—
Моя судьба въ единомъ штрихѣ:
Себѣ я пулю въ лобъ пущу,
Или женюся на купчихѣ!

БЛАГОРОДНАЯ МЕСТЬ.

Въ дни, когда любовью страстной
Сердце юное страдало,
И порой, съ тоской напрасной
Друга милаго искало,
Я попалъ съ душой невинной
Въ сѣти миленькой дѣвченки,

И въ три года съ половиной,
Всѣ спустилъ свои деньжонки!

Позабывъ свою злодѣйку,
Горе мыкая годами,
Я успѣлъ еще копѣйку
Сколотить себѣ трудами...
И копѣйку эту снова,
Оказать чтобы услугу,
Я на искреннее слово
Ввѣрилъ искреннему другу...

Но, любезнѣйшій читатель,
Неизбѣжной волей рока,
За услугу мой пріятель
Поднадулъ меня жестоко.
На благое учрежденье
Я, пожертвовавъ крупицей,
Ожидалъ, что Провидѣнье
Наградитъ меня сторицей.

Но награду Провидѣнье
Знать другому присудило,
И за жертвоприношенье
Горькой долей отплатило!
Но не палъ я юнымъ духомъ,
Сталъ я мстить судьбы проказамъ,
Въ ходъ пошелъ я съ тонкимъ слухомъ,
Съ чуткимъ носомъ, съ вѣрнымъ глазомъ,

Съ крѣпкимъ лбомъ, съ спиною гибкой,
Терпѣливо безъ нахальства,
Такъ пошелъ я... что улыбкой
Поощренъ былъ отъ начальства;
Сталъ логичнѣе, умнѣе,

Жизнь повелъ совсѣмъ иначе,
Гдѣ лишь можно—не краснѣя
Въ долгъ беру я безъ отдачи.

Самъ ловить я научился
Въ сѣти глупенькихъ созданій,
И на службѣ поразжился
Отъ безгрѣшныхъ подаяній...
Я теперь нуждой не связанъ,
И всегда скажу по чести:
Какъ я счастіемъ обязанъ
Благородной этой мести!

СОВѢТЪ.

Могу-ль не имѣть я къ начальникамъ вѣру,
Могу-ль защищать убѣжденья свои,
Готовясь на службѣ составить карьеру
И въ жизни быть мужемъ... законной семьи!

—

Нашъ добрый начальникъ служака старинный,
Однажды за книгой меня увидалъ,
Нахмурилъ онъ брови, и рѣчью предлинной
При всѣхъ мнѣ такую мораль прочиталъ:

—

«Напрасно, любезный, къ сему развлеченью
Стремишься и портишь свой образъ идей,—
Къ вреду, къ вольнодумству приводитъ ученье
И нравственность портитъ служащихъ людей.

—

«Не мудрствуй напрасно—не глупъ и не старъ ты,
Вѣдь есть развлеченья иныя у насъ

Къ услугамъ готовы: бильярды и карты,
Трактиры и клубы, и каждый танцъ-классъ».

—

Я понялъ всю мудрость отеческой власти,
Съ очей моихъ палъ заблужденья туманъ,
Съ тѣхъ поръ, преисполнясь таинственной страсти,
Пляшу я повсюду веселый канканъ!

ВЗЯТКА.

(Невѣроятное произшествіе),

Въ сторонѣ Гиперборейской,
За сто лѣтъ до нашихъ дней,
Жилъ хапуга полицейскій,
Закоснѣлый крючкодѣй.
Мѣдный лобъ жреца Ѳемиды,
Осѣненный шишакомъ,
Былъ заступникомъ обиды
И судьей, и божествомъ.
Онъ имѣлъ приличный чину
Тучный видъ, и сизый носъ;
Съ просьбой кляузной купчину,
Какъ то, чертъ къ нему занесъ...

Говоритъ истцу хапуга:
«Ты законы знаешь туго,
Но и я—битка давно,
Что даешь за это дѣло?
Вмигъ рѣшу его умно:
Что черно, то будетъ бѣло,
А что бѣло, то—черно,

Закипитъ все дѣло варомъ...»
А купецъ—поклонъ ему:
— Денегъ нѣтъ-съ! клянусь недаромъ...
«Денегъ нѣтъ?... Неси товаромъ,
И товаромъ я приму!...»

Дѣло приняло рѣшенье,
Въ силу избранныхъ статей;
За рѣшенье приношенья
Ожидаетъ крючкодѣй.
День проходитъ, ждетъ хапуга
Даръ обѣщанный отъ друга,
Ждетъ, и хмуритъ узкій лобъ,
Вдругъ, онъ смотритъ—что за чудо!?
Прямо въ двери самосуда
Челобитчикъ тащитъ—гробъ...
«Это что? Ахъ ты безбожникъ!
Ахъ аршинникъ! ахъ острожникъ!
Аль ты Каинъ,—бунтовщикъ?...»
Тотъ—въ отвѣтъ:—условнымъ даромъ
Бью челомъ своимъ товаромъ,
Я-съ пріѣзжій... гробовщикъ...
«Въ кандалы его, сутягу...»
Но сутяга задалъ тягу:
Насъ-де бранью не порочь...
Сталъ судья глупѣе пѣшки,
И не вытерпѣвъ насмѣшки
Удавился въ ту-же ночь,

ОНИ СОШЛИСЬ.

...волна и камень;
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не такъ различны межъ собой...
А. Пушкинъ.

Однажды къ доброму сосѣду
Друзья собрались на бесѣду, —
Сосѣдъ любилъ обмѣнъ идей,
Любилъ въ сужденьяхъ подзадорить,
Любилъ и выпить, и поспорить
О просвѣщеніи людей.
Извѣстно вамъ, что эти сходки
Не обходилися безъ водки,
Какъ прежде, такъ и въ наши дни,
И тамъ-то въ спорѣ голосистомъ
Сразился классикъ съ реалистомъ;
Предолго спорили они.
Хоть для реальныхъ начинаній
Всю суть класическихъ познаній
Упрямый классикъ приводилъ,
(Имъ самъ Катковъ руководилъ);
Но реалистъ, мудрецъ практичный,
Хвативши краснаго винца,
Его оспаривалъ отлично,
И спору не было конца.
Дойдя въ сужденьяхъ до окраинъ,
Исчерпавъ доводы до дна,
Кипѣлъ ихъ споръ...тогда хозяинъ
Велѣлъ подать еще вина...
И сей божественный напитокъ,
Призвавъ послѣднихъ силъ избытокъ,

Привелъ къ концу горячій споръ,
И охладивъ бойцовъ задоръ
Ихъ осѣнилъ своимъ туманомъ,
И съ реализмомъ классицизмъ,
Объ рюмку чекнувшись стаканомъ,
Забывъ вражду и эгоизмъ,
Сошлись вполнѣ, въ бесѣдѣ пылкой,
Склонясь надъ общею бутылкой...

МОЯ ЛЮБОВЬ.

Люблю, когда ханжа сѣдой,
Грѣховъ не сбросивъ ноши,
Клянетъ весь міръ за грѣхъ людской
Подъ маскою святоши.
На первомъ планѣ у него
И постъ, и воздержанье,
Хоть слышно въ голосѣ его
Грѣховное дрожанье...

Люблю, какъ мирный патріотъ,
Встрѣчать въ часы бездѣлья,
Средь нашихъ ухарскихъ господъ,
Наклонности къ веселью.
Хотя иной, — спустивши въ ночь
Деньжонки по танцъ-классамъ,—
Держать семью свою не прочь
На черствомъ хлѣбѣ съ квасомъ.

Люблю я теплыя мѣста
Служителей Ѳемиды,

Хоть нынѣ жизнь не такъ проста,
Но мы видали виды.
И нынѣ тонкій оборотъ,
Да темныя дѣлишки, —
Даютъ сверхъ жалованья въ годъ
Изрядные излишки.

Люблю, когда боецъ иной,
Воюя на бумагѣ,
Съ своей статьею подкупной
Кричитъ объ общемъ благѣ;
А честь зарывши въ барыши
Вздыхаетъ о подпискѣ,
И чувства темненькой души
Такъ грязны и такъ низки...

Люблю, когда нашъ новый судъ
Дѣла приводитъ въ ясность, —
Невинный правъ, наказанъ плутъ,
И торжествуетъ гласность!
Гляжу съ восторгомъ завсегда
На новые порядки;
Но самъ отъ всякаго суда
Бѣгу я безъ оглядки.

Люблю я вещи покупать
Въ дешевой распродажѣ,
И плута знатнаго встрѣчать
Въ кикарномъ экипажѣ.
Хоть иногда за ту любовь
Терплю мученья ада,
И часто мнѣ волнуетъ кровь
Безсильная досада.

ПОСЫЛЬНЫЙ.

Примирившійся съ судьбою
Хлопотунъ — старикъ,
Жизни суетность собою
Какъ мудрецъ постигъ:
Шапку съ надписью «посыльный»
Гордо онъ надѣлъ
И въ своей хламидѣ пыльной
Всюду полетѣлъ...

Легокъ, свѣжъ, какъ вѣтеръ вольный,
Веселъ, какъ дитя,
Изъ подъ Гавани подъ Смольный
Пролетитъ шутя.
Захолустьемъ пробираясь,
Не дрожитъ бѣднякъ,
На знакомство полагаясь
Уличныхъ собакъ.

Вотъ онъ – въ сумерки — забытый
Стоя на углу,
Что-то хмурится сердито
На туманъ и мглу.
— Здравствуй, дядя! чай, сегодня,
Поработалъ впрокъ?..
«Да-съ, по милости Господней,
Задался денекъ...

«Утромъ какъ-то на Садовой
Купчикъ изъ кутилъ

Далъ мнѣ адресъ безтолковый, —
Ужъ ходилъ, ходилъ,
Что весь городъ, какъ несчастный,
Не жалѣя ногъ,
Изгранилъ я понапрасну
Вдоль и поперегъ.

«Вслѣдъ, какой-то прощалыга
Далъ пакетъ снести;
Взялъ — гляжу — какъ будто книга,
Отдалъ по пути...
Развернули тамъ посылку...
Что-же? на поклонъ
Чуть меня не по затылку
Вытурили вонъ.

«Я-ль виной грѣху такому?
Если-бъ зналъ что бралъ,
Самъ стащилъ-бы къ мировому
Шута за скандалъ!...
Къ госпожѣ одной не близко
Я ходилъ къ тому-жъ,
Ждалъ отвѣта на записку —
Подвернулся мужъ.

«Ну, ужь было тутъ тревоги,
Былъ переполохъ,
Да такой, что только ноги
Подавай мнѣ Богъ!
Все такія неудачи
Задались на зло,
Что теперь мнѣ хуже клячи
Ноги подвело.

«Вздоромъ долго-ли. извѣстно,
Голову вскружить,

А велятъ еще намъ честно
Обществу служить!
Вотъ ужь праздныхъ-то, повѣсъ-то
Здѣсь, по всѣмъ правамъ,
На мое поставить мѣсто
Не мѣшало-бъ вамъ!...»

— Дѣльно, дядя, не мѣшало-бъ
Дать имъ этотъ трудъ,
Да въ разсчетъ, братъ, нашихъ жалобъ
Люди не берутъ.
Съ ложью, съ наглостью, съ фиглярствомъ
Примирись на вѣкъ,
И ходи по всѣмъ мытарствамъ
Грѣшный человѣкъ!

ТРИ ПРИЗНАНІЯ.

I.

Ахъ, только она мимо оконъ пройдетъ,
Тотчасъ мое сердце тревогу забьетъ,
И будто при звукѣ военной трубы,
Взовьюсь я какъ конь на дыбы!

Тряхнувъ мишурою своихъ эполетъ,
За ней рикошетомъ бросаюсь во слѣдъ,
И только завижу ее предъ собой...
Забьетъ мое сердце отбой...

На приступъ идти, иль этаку вести,
Иль мину въ тотъ мигъ подъ нее подвести—

Въ маневрахъ своихъ измѣняя маршрутъ
Я долженъ обдумать все тутъ.

Позицію выбравъ, свой огненный взглядъ
Пускаю въ нее, я какъ добрый зарядъ—
Завяжутся рѣчи, въ рѣчахъ интервалъ,
И дѣлаемъ съ ней мы привалъ...

И что-же?—измѣна! Волнуется кровь,
Я съ ней начинаю баталію вновь,
И въ крѣпости сердца смиривши мятежъ
Какъ разъ пробиваю я брешь.

Побѣда и сдача для рыцаря—тлѣнъ,
Но чтобъ не попасться красавицѣ въ плѣнъ,
Тотчасъ ретируюсь... а завтра чуть свѣтъ
Готовъ я для новыхъ побѣдъ!..

II.

Сребристый звукъ невинной рѣчи
Чистъ, какъ богемское стекло,
Ея фарфоровыя плечи,
Ея лилейное чело,
Ея кудрей златыхъ небрежность,
Пурпурныхъ устъ кораллъ живой,
Очей алмазныхъ безмятежность,
Все дышетъ страстью огневой.
За ней приданаго сто тысячъ,
Все вмѣстѣ взятое любя,
За этотъ даръ охотно высѣчь
Я ей позволилъ-бы себя!

III.

На линіи Суровской
Сидѣльцемъ я служу,
И въ клубъ нашъ молодцовскій
По праздникамъ хожу...
Ахъ, тамъ модистка—крошка
Могла плѣнить мой взоръ...
Влюбленъ въ нее какъ кошка
Младой гостинодворъ!

Но знаетъ «наша братья»,
Себя, какъ молодца,
Съумѣю показать я
Съ казоваго конца:
Когда съ ней носомъ къ носу
Сойдясь скажу: люблю!
То сердце безъ запросу,
Съ убыткомъ уступлю.

Хозяйничать въ складчину
Мы будемъ съ ней, потомъ
Открою для почину
Я свой торговый домъ,
И въ клубскомъ комитетѣ
Засяду средь старшинъ,
Да здравствуютъ на свѣтѣ —
Иголка и аршинъ!..

ПОСЛАНІЕ КЪ И. А-ВУ.

Веди знакомство съ выборомъ,
На счетъ друзей покушивай,—
Гдѣ польза есть—посматривай!
Гдѣ выгода—послушивай!

Во всемъ начальству мудрому
Не мудрствуя поддакивай,
Въ глухой ночи—доносъ строчи,
Черти перомъ, помакивай!

Займись торговлей совѣсти
Не розничной, а оптовой,
Гдѣ можно, тамъ помалчивай,
Гдѣ нужно, тамъ подшоптывай!

Потомъ, статьи доходныя
Съ любовью перелистывай;
Махни рукой на стыдъ людской,
Живи себѣ—посвистывай!..

ДУМА.

Всѣ мы сойдемъ подъ вѣчны своды,
И чей нибудь ужь близокъ часъ...
А. Пушкинъ.

Встаю-ли утромъ я съ постели,
Иль въ полночь отхожу ко сну,

Граню-ль по Невскому панели,
Все думу думаю одну...

И чѣмъ бы только не былъ занятъ,
Все объ одномъ теперь твержу:
Гдѣ смертный часъ меня застанетъ?
Какъ буйну голову сложу?

Быть можетъ, пароходъ Тайвани
Меня опуститъ въ лоно водъ,
Или рысачникъ въ шарабанѣ
На перекресткѣ пришибетъ?..

На взрытой улицѣ въ траншею
Я нынче лѣтомъ попаду?
Иль паровозъ мнѣ сломитъ шею,
Слетѣвши съ рельсъ на всемъ ходу?

Или за кровныя копѣйки,
Средь нашей милой мостовой,
Упавъ съ извощичьей линейки,
Прощусь я съ бѣдной головой?

Собакъ-ли бѣшенная свора
Меня уложитъ въ ранній гробъ?
Иль ночью, объ фонарь Шандора
Мнѣ суждено разбить свой лобъ?

Или въ кухмистерской у грека,
Вкусивши супа иль котлетъ,
Невинной жертвой — человѣка
Увяну я во цвѣтѣ лѣтъ?

И хоть судьбой заповѣдною
Всѣмъ суждено въ могилѣ тлѣть,
Но мнѣ хотѣлось бы... иною,
Приличной смертью умереть.

БЛАГОРОДНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Я ношу бѣлье Флорана,
Одѣваюсь у Сара̀,
Завтракъ мнѣ всегда готовятъ
Отъ Бореля повара.

Службой я совсѣмъ не занятъ,
Мой принципъ совсѣмъ не тотъ:
Для трудовъ сама природа
Создала иной народъ.

Говорю я по французски,
Ѣзжу въ оперу, въ балетъ,
Въ маскарадахъ интригую
Куртизанокъ модный свѣтъ.

Я веду свое знакомство
Съ княземъ Зетъ, съ барономъ Иксъ,
И нѣмецкихъ дипломатовъ
Приглашаю на joure-fixe.

Я балетной фигуранткѣ
Нанимаю бель-этажъ,
И по модѣ ежегодно
Свой мѣняю экипажъ.

Съ тактомъ дѣлаю визиты,
И умно вхожу въ долги,
На меня въ салонахъ смотрятъ
Съ тайной завистью враги...

Я могу—такую знатность
Сохраняя до сѣдинъ—
Доказать, что значитъ истый,
Благородный господинъ!..

ВСТРѢЧА.

Вчерашній день мнѣ не былъ свѣтелъ...
Какой скандалъ!
Чрезъ десять лѣтъ ее я встрѣтилъ
И тягу далъ...
Была пора... искалъ я встрѣчи,
Любви взаимной слушалъ рѣчи
И млѣлъ до тла...
Она прикащицею бойкой
Въ табачной лавочкѣ за стойкой
Тогда была...

Я разрѣшалъ ей всѣ вопросы,
Какъ либералъ,
И въ долгъ съ любовью папиросы
Я забиралъ...
Кормя ее духовной пищей,
Я не жалѣлъ бумаги писчей
И воспѣвалъ:
Въ стихахъ язвительныхъ, и въ прозѣ,
И въ жгучій зной, и на морозѣ,
Мой идеалъ!

Теперь... увы! прошла пора та...
Она не та!

Она груба, она богата,
Она... толста.
Отцы твердили намъ нарочно,
Что все прекрасное непрочно...
Плохой завѣтъ!
Знать, ихъ судьба не заставляла,
Встрѣчать въ подругахъ идеала,
Чрезъ десять лѣтъ!...

ЖЕЛАНІЕ.

Холодна моя квартира,
Голодъ свелъ меня въ дугу,
Ахъ, зачѣмъ счастливцамъ міра
Задолжать я не могу?

Мнѣ теперь разсчетъ толковый
Свѣтлый геній указалъ:
Я бы вексель за цѣлковый
Въ сто цѣлковыхъ написалъ.

Богачи безъ замедленья,
Барыши свои храня,
Въ долговое отдѣленье
Посадили-бы меня!

Нашимъ братьямъ горемыкамъ,
Не торгуясь тамъ даютъ
При безденежьи великомъ
Благодѣтельный пріютъ!

Тамъ банкротамъ - наслажденье,
Тамъ при деньгахъ—все проси,—
Жаль, что эти учрежденья
Закрываютъ на Руси!

*
* *

ПОЭТЪ.

Не смотря на невзгоды житья,
Не смотря на недолю свою,
Я для васъ, дорогіе друзья,
Развеселую пѣсню спою:
«Намъ безцѣнною младостью данъ
Пѣсень даръ и отвага въ крови,
Такъ, содвинувъ съ стаканомъ стаканъ,
Будемъ пить мы за радость любви!...»

ДРУЗЬЯ.

Полно, другъ! Въ наши дни, по плечу
Это пить одному богачу,
А для насъ сладкой жизни дары
Провалились всѣ въ тартарары!

ПОЭТЪ.

Что-жъ, друзья, или мы не хотимъ
Отозваться душой бѣдняку?
Звучной пѣснью всегда облегчимъ
Накипѣвшую въ сердцѣ тоску.
Перестанемъ мы вздоръ распѣвать,
И теперь ужь, куда ни пошло,
Будемъ въ пѣсняхъ своихъ бичевать
Мраколюбіе, глупость и зло...

ДРУЗЬЯ.

Пой, братъ, пой, только насъ не тревожь,
Знаемъ мы—хорошо ты поешь;
Но, врачуя публичный недугъ...
Гдѣ-то сядешь, любезный нашъ другъ?

ОБѢДЫ.

Если кто разъ изъ писакъ-буквоѣдовъ,
Взоромъ практичнымъ смотрящій впередъ,
Былъ средь торжественныхъ нашихъ обѣдовъ,
Тотъ ихъ значенье вполнѣ сознаетъ.
Новый начальникъ въ нашъ край былъ назначенъ,
Къ встрѣчѣ сошлись мы чуть-свѣтъ,
Чувствъ и привѣтствій запасъ былъ истраченъ,
Послѣ чего—данъ обѣдъ...

* * *

Вѣсти отъ насъ очень рѣдко доходятъ,
Заняты мы, все дѣла да дѣла,
Въ край нашъ далекій чугунку проводятъ,
Мѣсяцъ назадъ и закладка была,
Къ мѣсту явились мы чинны, и строги,
Былъ и молебенъ пропѣтъ,
Такъ совершилась закладка дороги,
Послѣ чего—данъ обѣдъ.

* * *

Школу у насъ открывали недавно:
Въ пользу науки окончивъ вопросъ,
Самъ попечитель торжественно, плавно,
Съ чувствомъ и съ толкомъ намъ рѣчь произнесъ:
Какъ мы отъ дальнаго Юга до Колы
Льемъ просвѣщенія свѣтъ,

Такъ совершилось открытіе школы,
  Послѣ чего—данъ обѣдъ.

* *
*

Земство, въ виду городскаго дохода,
Въ городѣ нашемъ назначило съѣздъ,
Долго кричали о благѣ народа,
Глупыхъ мѣщанъ заглушая протестъ.
Но предсѣдатель нашъ высказалъ ясно
  Взглядъ свой на этотъ предметъ,
Всѣ согласилися съ нимъ одногласно,
  Послѣ чего—данъ обѣдъ.

* *
*

Что ни откроется, что ни случится,—
Любо покушать отчизны сынамъ,
Пусть говорятъ, что работать, учиться
Времени нѣтъ за обѣдами намъ...
Я-же въ иномъ убѣжденъ несомнѣнно,
  Опытомъ старческихъ лѣтъ:
Будетъ *въ томъ* пользы и прокъ непремѣнно,
  Послѣ чего - данъ обѣдъ...

ГЕРОЙ МИНУТЫ.

Въ часъ, когда ему начальство
Задаетъ головомойку,
Какъ охотничья собака
Онъ выдерживаетъ стойку;
Передъ дичью лжеморальной
Головою онъ поникнетъ,
И дыханье затаивши
Не мигнетъ онъ и не пикнетъ.

*

Въ часъ, когда герой нашъ дома
Показать свой хочетъ норовъ,
Онъ бушуетъ, и воюетъ,
И оретъ какъ жирный боровъ;
Такъ оретъ, что у сосѣдей
Подеретъ морозомъ кожу,
И супругѣ, и прислугѣ,
Такъ и лѣзетъ прямо въ рожу.

Въ часъ, когда въ его карманѣ
Не бываетъ ни копѣйки,
Онъ поетъ передъ друзьями
Слаще всякой канарейки;
Съ удивительнымъ искусствомъ,
Съ чувствомъ, такъ или иначе,
Онъ выманиваетъ деньги,
Въ долгъ, конечно, безъ отдачи.

Въ часъ, когда съ особой знатной
Удостоенъ разговоромъ,
На поклонъ простыхъ знакомцевъ
Онъ отвѣтитъ грознымъ взоромъ,
Дастъ понять плебею — другу,
Что знакомство съ нимъ могло-бы
Въ этотъ мигъ его значенье
Уронить въ глазахъ особы.

Въ часъ, когда его судили
Обвиненнаго въ подлогѣ,
Онъ у всѣхъ невиннымъ агнцемъ
Цѣловать готовъ былъ ноги;
Но когда онъ былъ оправданъ,
То въ величьи горделивомъ
На толпу взглянулъ онъ грозно,
Пораженную тѣмъ дивомъ!

Въ часъ, когда онъ въ Божьемъ храмѣ
Предъ иконой ставитъ свѣчку,
Онъ похожъ съ улыбкой кроткой
На смиренную овечку;
Но средь жизни обыденной,
Я могу сказать вамъ смѣло:
Не сравнитъ его и съ чертомъ,
Кто хоть разъ имѣлъ съ нимъ дѣло.

Въ часъ... но, впрочемъ, не довольно-ль
Толковать объ немъ и мыслить,
Въ битый часъ его достоинствъ
Не возможно перечислить.
Будемъ ждать, что-бъ этотъ витязь,
Подведя дѣламъ итоги,
Въ добрый часъ, для общей пользы,
Протянулъ скорѣе ноги...

ДОБРЫЕ СОВѢТЫ.

Если милъ тебѣ свѣтъ, если жизнь дорога,
Если самъ ты въ себѣ не встрѣчаешь врага,
Если пользу находишь отъ ногъ и отъ рукъ, —
По желѣзнымъ дорогамъ не ѣзди, мой другъ.

Если ты, отъ растратъ сберегая карманъ,
Не желаешь попасть добровольно въ обманъ,
Иль обобраннымъ быть среди бѣлаго дня —
Распродажи дешевой бѣги, какъ огня..

Если самъ ты себѣ не желаешь вредить,
Если въ рубищѣ ты не намѣренъ ходить,

То при первой нуждѣ свой оплаченный трудъ
Не тащи подъ залогъ въ «кассу гласную ссудъ».

Если думаешь жить въ мірѣ сладостныхъ сновъ,
Не касайся всю жизнь до житейскихъ основъ,
Знай—служи, не тужи, распѣвай, не мечтай,
Въ руки книгъ не бери и газетъ не читай!

Если-бъ ты иногда, хоть шутя пожелалъ,
Что-бъ тебя кто-нибудь не добромъ поминалъ,
То затрать капиталъ на покупку домовъ,
И съ надеждой святой набавляй на жильцовъ...

Если будешь когда при нуждѣ нездоровъ,
Не ищи безвозмездныхъ господъ докторовъ,
А безъ дальнихъ хлопотъ полежи, похворай!...
И съ спокойной душою безъ нихъ умирай!...

ЖЕНА, СУПРУГА. БАРЫНЯ.

Кто по любви вступаетъ въ бракъ —
Беретъ *жену*, беретъ *подругу*;
Кто въ бракъ вступаетъ просто—*такъ*,
Тотъ для себя беретъ *супругу*;
Но кто отъ брака выгодъ ждетъ,
Тотъ просто *барыню* беретъ.

Жена насъ любитъ, и всегда
Въ семьѣ родной хранитъ порядки;
Супруга можетъ иногда
Простить супругу недостатки;

Но *барыни*, безъ дальнихъ словъ,
Мужей сѣдлаютъ, какъ ословъ.

Храня небесный даръ страстей,
Жену мы для себя имѣемъ;
Супругу—больше для... гостей...
И часто спорить съ ней не смѣемъ;
Но для протекцій намъ одна
Супруга—*барыня* дана.

Жена всѣ тягости нужды
Охотно съ мужемъ раздѣляетъ;
Супруга—деньги... а труды
Главѣ семьи предоставляетъ;
Но *барыня* главѣ семьи
Велитъ дѣлить долги свои...

Жена хозяйствомъ занята,
Супруга—собственнымъ бездѣльемъ,
У *барыни* мечта не та:
Ей нуженъ свѣтъ, съ его весельемъ,
Салоны избранныхъ палатъ,
Балы, театръ и маскарадъ.

Нагрянетъ горе иль бѣда,—
Жена въ несчастьи утѣшаетъ,
Супруга изъ дома тогда
Къ своимъ роднымъ переѣзжаетъ,
А *барыня*, бросая васъ,
Развода требуетъ тотчасъ.

Придетъ пора... и смертный часъ
Сердца на вѣки разлучаетъ,
Жена оплакиваетъ насъ,
Супруга попросту скучаетъ,

А *барыня* даетъ подрядъ —
Готовить траурный нарядъ.

Жена могильный холмъ, въ слезахъ,
Украситъ надписью простою;
Супруга нашъ бездушный прахъ
Придавитъ мраморной плитою;
Но *барыня*, надъ другомъ дней,
Становитъ пышный мавзолей.

Жена останется весь вѣкъ
Вдовой оплакивать - разлуку;
Супругъ — милый человѣкъ,
Чрезъ годъ иль два, предложитъ руку;
А *барыня* — на первый балъ
Летитъ плѣнять свой идеалъ.

И такъ, у каждаго свой вкусъ,
Во вкусахъ спорить не годится:
Кто не лишенъ законныхъ узъ,
Тотъ съ нами втайнѣ согласится.
Отъ общихъ выводовъ, друзья,
Теперь воздерживаюсь я...

ЧУДАКЪ.

Сегодня хоронили
Сосѣда моего,
За дѣло, знать, бранили
Знакомые его;

Онъ былъ престранныхъ правилъ,—
Женился на швеѣ,
И гроша не оставилъ
Покинутой семьѣ.

Бредя по волѣ рока
Всю жизнь свою шажкомъ,
Онъ жилъ весьма высоко...
Въ сосѣдствѣ съ чердакомъ.
Ходилъ играть въ картишки
По праздникамъ къ роднѣ,
И въ стуколку рублишки
Проигрывалъ... женѣ.

Въ скандалахъ былъ героемъ
Онъ какъ-то... невзначай,
И пилъ всегда запоемъ
Съ пріятелями... чай...
Сойдясь съ нуждой—злодѣйкой,
Разсчета не знавалъ,
Послѣднею копѣйкой
Друзьямъ онъ помогалъ.

Питая зло къ нахальству,
Какъ страшный либералъ,
Онъ разъ кулакъ начальству
Въ карманѣ показалъ;
Хоть послѣ отъ боязни,
Дрожалъ онъ, точно листъ,
И ждалъ достойной казни,
Несчастный нигилистъ!

Съ руки раздѣлку съ жаромъ
Въ сердцахъ творилъ любя,

И по лбу въ гнѣвѣ яромъ
Колачивалъ... себя.
Съ нужды былъ радъ повѣсить
Себя наединѣ,
Но хапнуть тысячъ десять
Пришлось ему... во снѣ.

Бѣднягѣ сонъ ужасный
Могъ голову вскружить,
И онъ съ надеждой ясной
Рѣшился снова жить.
Но тутъ-то, какъ нарочно,
Богъ дни его пресѣкъ,
И доказалъ, что точно
Онъ честный человѣкъ!

ПРИЗНАНІЕ ОДНОЙ ОСОБЫ.

(романсъ)

Пѣвица: *Мнѣ это лестно, лестно, лестно,*
Какъ не бывало никогда...
Публика: *Браво!!...* Bis!!

Пускай на насъ летятъ нападки,
Что тошенъ намъ благій прогрессъ,
Что нашей гордости остатки
Идутъ гуманности въ разрѣзъ,
Что мы оплачиваемъ скупо
Плоды полезнаго труда...

Все это глупо, глупо, глупо,
Какъ не бывало никогда!...

Иные, право, въ смѣхъ приводятъ,
Твердятъ, какъ умные, про честь,
А съ этой честью сами ходятъ
Чуть не въ закусочную ѣсть,
Гдѣ имъ дается вмѣсто супа
Съ экстрактомъ Либиха вода...

Все это глупо, глупо, глупо,
Какъ не бывало никогда!...

На-дняхъ, до праздника дня за три,
Я ѣздилъ въ клинику, и тамъ,
Въ анатомическомъ театрѣ,
Среди студентовъ видѣлъ дамъ;
Съ ученой книжкою, у трупа
Сидятъ безъ всякаго стыда...

Все это глупо, глупо, глупо,
Какъ не бывало никогда!...

Бывало, типы исполиновъ,
Портреты витязей, и насъ,
Въ окнѣ эстампныхъ магазиновъ
Одни являлись на показъ...
И что-жь?... Писакъ, артистовъ группы
Теперь попали и туда...

Все это глупо, глупо, глупо,
Какъ не бывало никогда!...

Вездѣ толкуютъ про ученье,
Носъ поднимаетъ молодежь,
И даже въ клубахъ развлеченья,
Какъ прежде было не найдешь...

Лишь драматическая труппа
Насъ тѣшитъ чушью безъ вреда;

Но это глупо, глупо, глупо,
Какъ не бывало никогда!...

Пусть будетъ такъ, или иначе,
Но я пойду своей тропой
Рѣшать житейскія задачи,
И спорить съ глупою толпой.
Пусть говорятъ, что очень тупо
Я разсуждаю иногда...

Все это глупо, глупо, глупо,
Какъ не бывало никогда!...

ПЛОХО ЖИТЬ.

«Плохо жить, совсѣмъ нѣтъ денегъ,
Говоритъ салонный мотъ:
Съ родословныхъ деревенекъ
Прекратился мой доходъ.
А бывало, только сроки
Съ платежами подойдутъ,—
Свиснешь только, и оброки
Отъ крестьянъ съ поклономъ шлютъ.
Все намъ радостью сіяло,
А теперь — изволь служить....
Эхъ! того, что миновало,
Никогда не воротить!»...

«Плохо жить, твердятъ кокотки, —
Измельчала молодежь:
Ни съ кого на папильотки
Ста рублей ты не сорвешь!
Ужь не тѣ купцы и бары,
Наше время стало — фарсъ,
Депозиткою сигары
Не закуритъ юный Марсъ;
Не зальютъ шампанскимъ зало,
И зеркалъ не станутъ бить....
Ахъ! того, что миновало,
Никогда не воротить!...»

«Плохо жить, ворчитъ купчина:
Барышей совсѣмъ не жди,
До обѣда безъ почина
Будто каторжный сиди:
Ни обвѣсить, ни обмѣрить,
Контрабанду — позабудь,
И въ долги не стали вѣрить,
И трудненько поднадуть.
Отъ банкротства капиталы
Остается наживать,
А того, что миновало,
Никогда намъ не видать!»

«Плохо жить, гдѣ наше право?
Самодуръ рычитъ какъ звѣрь:
Ужь кулачная расправа
Сказкой сдѣлалась теперь.
Было время: въ сердцѣ вспышка, —
Въ щель забьется цѣлый дворъ,
А теперь ужь и мальчишки
Ты не схватишь за вихоръ.
Къ мировому — генерала

Можетъ каждый притянуть...
Ахъ! того, что миновало,
Никогда намъ не вернуть!...

«Плохо жить, твердятъ сосѣду,
Отъ безсилія дрожа,
За домашнею бесѣдой
Съ приживалкою ханжа:
Люди новые стыдятся
Всѣхъ понятій родовыхъ,
И нисколько не боятся
Ни чертей, ни домовыхъ.
Въ антихриста вѣрятъ мало
И постовъ не стали чтить....
Охъ! того, что миновало,
Никогда не воротить!...»

«Плохо жить, порой не смѣло
Мыслитъ матушкинъ сынокъ:
И до насъ доходитъ дѣло,
Не пойдетъ богатство въ прокъ.
Жди теперь ты часъ отъ часа,
Что измѣнится житье,
Что случайно изъ танцъ-класса
Попадешь ты подъ ружье...
Вѣдь, пожалуй, у капрала
Подъ началомъ надо быть,
Эхъ! того, что миновало,
Никогда не воротить!...»

ДВА ВЗГЛЯДА.

(Посвящается учредителямъ «Орфеума»).

Чтобъ узнать всю суть значеній
Юныхъ развлеченій,
Разъ зашли въ одинъ танцъ-классикъ
Реалистъ и классикъ.
Вечеръ былъ въ большомъ разгарѣ,
Въ сладостномъ угарѣ —
Безъ особыхъ въ жизни цѣлей,
Средь лихихъ камелій,
Не жалѣя ногъ и груди,
Бѣсновались люди...
— Здѣсь нашъ свѣтъ не очень свѣтелъ,
Реалистъ замѣтилъ:
Въ общемъ выводѣ итоги
Слишкомъ будутъ строги...

* * *

«Будь внимателенъ хоть часикъ,
Отвѣчаетъ классикъ:
Погрузившись въ умозрѣнья,
Съ лучшей точки зрѣнья,
Ты взгляни, какъ этотъ франтикъ,
Поправляя бантикъ,
Средь такого совершенства
Ставъ на край блаженства,
Вновь прибывшей Ригольбоши
Хлопаетъ въ ладоши!
Вотъ—ханжа, сѣдой купчина,
Гдѣ-жъ его личина?
Онъ красавицъ съ видомъ Ханскимъ
Подчуетъ шампанскимъ,

И вкушаетъ сладкій нектаръ
Нравственности лекторъ.
А направо, у буфета,
Рыцарь полусвѣта,
Вдохновляясь изъ стакана,
Требуетъ канкана.
Вѣдь имѣть иному лорду
Этакую морду,
Было очень-бы логично,
И вполнѣ прилично...
Впрочемъ, онъ условно честенъ,
Ибо всѣмъ извѣстенъ
По дѣламъ бракоразводнымъ
Адвокатомъ моднымъ...
Вотъ и сынъ милліонера,
Здѣсь его карьера
Началась въ чаду разгулья,
Поломавъ всѣ стулья;
И по милости наслѣдства,
Къ честной жизни средства
Сей герой на здѣшнихъ куколъ
Съ гордостью простукалъ.
Вотъ и прапорщикъ безъ сабли —
При такомъ ансамблѣ,
Отъ антракта, до антракта
Не сбиваясь съ такта —
Вальсируетъ всѣмъ на-диво
Бойко и красиво...

. . . . . .

Что-жъ ты, другъ, такъ смотришь грубо,
Иль тебѣ не любо,
Какъ вливая въ сердце сладость
Веселится младость?»

— Да, промолвилъ другъ реальный:
Съ точки идеальной
На плоды родимой почвы
Посмотрѣть не прочь вы.
Свой привѣтъ, смотря сквозь призму,
Шлю я классицизму,—
Убѣдясь при общемъ нравѣ,
Что теперь мы въ правѣ
Отъ классическихъ наитій
Ждать такихъ развитій...
Не царили-бъ вы, еще-бы!
Средь такой трущобы...
Развиваютъ въ васъ таланты
Мудрые педанты,
Лишь въ реальные вопросы
Вы не суйтесь съ носомъ,
Утѣшаясь, что, не споря,
Безъ нужды и горя,
Можно жить подъ ихъ опекой
Нравственнымъ калѣкой...

* *
*

Я любовался молчаливо,
Ея античной красотой,
И вотъ, красавицей стыдливой
Она явилась предо мной.

Съ восторгомъ ждалъ я этой встрѣчи!
Текли блаженные часы,

И жаждалъ я услышать рѣчи
Изъ дивныхъ устъ моей красы,

Храня порывъ нетерпѣливый,
Разсудокъ съ сердцемъ я мирилъ...
И, наконецъ, о мигъ счастливый
Я съ ней сидѣлъ... и говорилъ...

И столько сладкой, милой чуши,
Сказали мнѣ ея слова,
Что въ мигъ мои завяли уши
И закружилась голова.

Съ тѣхъ поръ, предметъ любви унылой
Царитъ тогда въ моихъ мечтахъ,
Когда лежитъ у дѣвы милой
Печать молчанья на устахъ.

ОШИБКА.

Я въ обществѣ имѣю значеніе и вѣсъ,
Таланты поощряю и вѣрую въ прогрессъ,
Житейскою дорогой я опытно иду,
Но разъ въ одномъ мальчишкѣ ошибся на бѣду!
Случилось это просто: бѣднякъ безо всего
Отлично велъ дѣлишки, я полюбилъ его,
Потомъ въ свое семейство какъ гостя принималъ,—
Вѣдь я его, по взгляду, за умнаго считалъ!

Судьба мнѣ много дочекъ послала за грѣхи,
Признаться... я и мѣтилъ мальчишку въ женихи;

Но разъ въ своемъ семействѣ, не помню отчего,
Я вздумалъ посмѣяться надъ бѣдностью его...
И что-же? онъ навѣрно сконфузился? О, нѣтъ!
Предерзостный на это изволилъ дать отвѣтъ,
И даже извиниться не думаетъ нахалъ,—
А я его, нахала, за умнаго считалъ!

Кредитъ ему открыли, какъ важному лицу,
И всё безъ документовъ повѣрили глупцу,
Другой-бы могъ навѣрно деньжонки пріобрѣсть,
А онъ—всё отдалъ честно, какъ будто это честь?
«Я буду вишь трудиться!» Трудись, моя душа!
За трудъ твой безкорыстный не будетъ ни гроша.
Признаться... я подумалъ, что малый оплошалъ,—
Я всё еще мальчишку за умнаго считалъ!

Но вскорѣ убѣдился, что онъ какъ неучъ грубъ,
Что онъ въ практичной жизни фундаментально глупъ,
Не знаетъ гдѣ прикрикнуть, не знаетъ гдѣ смолчать,
И старшаго отъ младшихъ не хочетъ отличать.
Съ визитами не ѣздилъ,—вишь, одолѣла лѣнь,
Все глупыя книжонки читаетъ цѣлый день,
Добыть не хочетъ, видно, и вѣсъ и капиталъ...
А я его, мальчишку, за умнаго считалъ!

НАПРАСНО БЕЗПОКОИТЕСЬ!

Другъ юный! въ неизвѣстности
Теперь вы обрѣтаетесь,
Къ чему-жь во имя честности
Предъ ложью распинаетесь?

*

Придетъ тропой обычною
Пора та неминучая,
Предъ выгодой практичною
Остынетъ кровь кипучая;
Займете мѣсто видное,
Съ доходами освоитесь,—
Карьера презавидная!
Напрасно безпокоитесь!

Купецъ! толику-малую
Нажить вамъ не приходится...
Ведя торговлю вялую,
Конецъ съ концомъ не сходится;
Давно вы суть торговую
Узнали, въ люди вышедши,
Откройте лавку новую
И задолжайте тысячи;
А тамъ, товары спрячете,
Потомъ и сами скроетесь...
О чемъ же вы такъ плачете?
Напрасно безпокоитесь!

Дѣлецъ! хотя съ злодѣйскою
Вы совѣстью раскланялись,
Но, предъ грозой судейскою
Вы какъ-то отуманились...
У васъ иная линія,
Къ чему тутъ разсужденія!
Всѣ знаютъ, что уныніе
Достойно снисхожденія.
Ну что-жь! съ годокъ помаетесь,
Передъ судомъ умоетесь,
И... сразу оправдаетесь,—
Напрасно безпокоитесь!

О вы, бойцы журнальные,
Вы жизнью не скучаете,
Строча статьи недальнія,
Добру насъ поучаете;
Съ порывомъ молодечества,
Хоть съ разныхъ точекъ зрѣнія,
О благѣ человѣчества
Печатаете мнѣнія.
Сочувственнаго ропота
Вы врядъ-ли удостоитесь...
Къ чему всѣ ваши хлопоты?
Напрасно безпокоитесь!...

ОБЩАЯ ЗНАКОМКА.

Съ вами мы давно знакомы,
Съ вами часто мы встрѣчались
Въ маскарадахъ, въ клубахъ, дома,
Говорили, объяснялись...
Но зачѣмъ, толкуя косо
О превратномъ мнѣньи свѣта,
Задаете мнѣ вопросы:
«Что вы скажете на это?...»

Я сказалъ-бы... но, ей Богу,
Я боюсь васъ разобидѣть,
То что знаемъ мы,—немного,
Свѣтъ не можетъ много видѣть.
Вы прекрасны, вы и глупы,
Щедры вы на прихоть свѣта,

Но на дѣло очень скупы...
«Что вы скажете на это?»

Знаю я, какъ вы въ объятьяхъ,
Къ муженьку прижавшись страстно,
Говорите: въ прежнихъ платьяхъ
Выѣзжать мнѣ безобразно...
А дѣтей водить такъ грязно,
Какъ водили ихъ все лѣто,
Развѣ вамъ не безобразно?
«Что вы скажете на это?»

Денегъ въ долгъ просить вы стали
Для поправки обстоятельствъ,
Люди добрые вамъ дали
Безъ особыхъ обязательствъ.
Въ клубъ помчались вы для «мушки»,
Гдѣ, засѣвши до разсвѣта,
Ихъ спустили до полушки...
«Что вы скажете на это?»

За костюмъ вы свой стыдились,
Заходя къ намъ мимоходомъ,
А теперь вы разрядились,
Милый другъ, не по доходамъ.
Вы грѣшите... это видно,
Есть у васъ на то примѣта...
Впрочемъ, вамъ грѣшить не стыдно...
«Что вы скажете на это?»

Праздность васъ не возмущаетъ,
А стращаетъ ваши взгляды,
Что супругъ вамъ запрещаетъ
Тратить сотни на наряды.
А обсчитывать прислугу

Вамъ пріятно безъ запрета?
Ну, сознавайтесь мнѣ, какъ другу—
«Что вы скажете на это?»

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

Страсть у него рисоваться,
Сплетничать, хвастать и лгать,
Съ носомъ повсюду соваться,
Всюду знакомства искать.
Споромъ займутся хоть двое,
Онъ ихъ тотчасъ перебьетъ,
Вставитъ словечко—другое
И... непремѣнно совретъ.

Службой гордиться нашъ баринъ
Можетъ вполнѣ по уму:
— Буду-съ я вамъ благодаренъ,
Молвитъ проситель ему.
Честной исполнившись роли,
Сразу его онъ пугнетъ:
«Взяточникъ, крикнетъ, я, что-ли?»
И... непремѣнно возьметъ.

При воспитаньи гуманномъ,
Въ страхѣ держащій дѣтей,
Держится онъ постоянно
Самыхъ высокихъ идей.
Чуть кто шалить возмечтаетъ,
Съ лаской къ себѣ позоветъ,

Съ лаской мораль прочитаетъ,
И... непремѣнно прибьетъ.

Любитъ герой нашъ съ похмѣлья
Знатной среды молодежь,—
Юношей склонныхъ къ веселью
Самъ созоветъ на кутежъ.
Пьетъ онъ за всѣхъ... но какъ будетъ
Близиться къ дѣлу расчетъ,
Деньги отдать онъ забудетъ,
И... непремѣнно уйдетъ.

Чтеніе онъ поощряетъ,
И поощряетъ умно,
Съ нимъ онъ невѣждъ примиряетъ,
Ибо полезно оно.
Самъ онъ, порою, умишку
Отдыхъ минутный даетъ,
Сядетъ за умную книжку,
И... непремѣнно уснетъ!

НЕЗНАКОМКА КЛУБА.

(скандальное, но истинное происшествіе).

«Дементьевна, посвѣти»!..
изъ эпилога комедіи.

I.

Ахъ, зачѣмъ нежданный случай
Первый шагъ любви кипучей
Такъ коварно обманулъ?...

Разскажу вамъ сущность факта:
Въ клубъ прикащицкій я какъ-то
Отъ бездѣлья заглянулъ;

Окунувшись въ этотъ хаосъ,
Шею вытянувъ какъ страусъ,
Я бродилъ, какъ Вѣчный Жидъ,
Ибо вѣровалъ глубоко,
Что старшинъ и членовъ око
Каждый шагъ мой сторожитъ.

Пробираясь чинно, тихо,
Вижу я — сидитъ купчиха
Одиноко у стола,
Въ куафюрѣ дамы модной,
Въ позѣ милой и свободной,
Соблазнительно мила...

Пламенѣя страстнымъ взглядомъ,
Я съ красавицею рядомъ
Сѣлъ, и встрѣтилъ нѣжный взоръ;
Поощренный симъ привѣтомъ,
Я тотчасъ съ моимъ предметомъ
Начинаю разговоръ.

— Гдѣ вашъ мужъ? — «Играетъ въ ка́рты»..
Я взъерошилъ бакенбарды.
— Боже мой! и вы — одна!
Вотъ онъ, вотъ онъ, вашъ хранитель!
Кстати... выпить не хотите-ль,
Лимонада, иль вина?...

Согласилась, и въ столовой,
Угостившись на цѣлковый,
Прошептала: «Милый мой!

Мы столкнулись въ мигъ счастливый,
Въ этомъ клубѣ мужъ ревнивый
Не отыщетъ насъ съ тобой»...

—Пусть онъ ищетъ, но напрасно;
Говорю я: вы прекрасны,
О, повѣрьте, я не лгу;
Вамъ царить-бы у Дорота...
Адресъ вашъ?... «2-я рота,
Что въ Измайловскомъ полку».

Ахъ, въ припадкѣ страстной жажды
Я взмолился: — хоть однажды
Васъ позвольте проводить?
И въ отвѣтъ моя блондинка,
Наступивъ мнѣ на ботинку,
Отвѣчала: «такъ и быть!...»

II.

Полночь. Съ дамой авантажной
Въ нѣкій домъ шести-этажный
Приволокъ насъ экипажъ,
И по лѣстницѣ надворной
Съ незнакомкою покорной
Лѣзу я въ шестой этажъ.

Двери замкнутыя глухо
Подозрительно старуха
Отпираетъ намъ съ огнемъ,
И потомъ, чрезъ мигъ единый
Въ комфортабельной гостиной
Очутились мы вдвоемъ.

Не могу вамъ разсказать я,
Какъ я палъ въ ея объятья
Полныхъ дивнаго огня,

Но... очнувшись отъ восторга,
Слышу я, она безъ торга
Деньги требуетъ съ меня...

— О mon-ange! къ чему насмѣшка?
«Гдѣ насмѣшка? иль ты пѣшка,
Иль ты, по-просту, нахалъ,
Вотъ ужь я не ожидала!...»
— Ахъ, подобнаго скандала
Я и самъ не ожидалъ!

Я — въ тупикъ; «не дуй, братъ, въ усъ-то»,
Я въ карманъ — въ карманѣ пусто.
Мнѣ въ отвѣтъ: — «ахъ ты свинья!
Денегъ нѣтъ, такъ мы, братъ, вздуемъ,
Потому что поцѣлуемъ
Не дѣлюсь безплатно я».

Вслѣдъ за сценою такою,
Вдругъ я слышу за стѣною
Споръ басистыхъ голосовъ,
И... забывъ любви трофеи,
Я бѣжалъ отъ этой феи
Безъ пальто и безъ часовъ.

СЛАДКІЙ ВОПРОСЪ.

Что ты все блуждаешь,
Вѣшаешь такъ носъ,
Иль ты обсуждаешь
Сахарный вопросъ?

Бѣдный мой философъ,
Примирись съ судьбой, —
Жить намъ въ вѣкъ вопросовъ
Суждено съ тобой!...

Много многоточій,
Вѣкъ намъ преподнесъ,
Былъ вопросъ рабочій,
Женскій былъ вопросъ;
Въ жизни нашей мирной
Былъ вопросъ иной, —
Былъ вопросъ квартирный,
Былъ и дровяной...

Ихъ могли такъ строго
Обсуждать умы...
Охъ, вопросовъ много
Пережили мы!..
Лишь вопросъ живучій
Мертвыхъ языковъ,
Разрѣшилъ могучій,
Мудрый нашъ Катковъ.

Вдругъ теперь нагрянулъ
Сахарный вопросъ,
Я умомъ воспрянулъ
И душой возросъ!..
До сластей мы падки,
Падки какъ дитя,
Такъ вопросъ тотъ сладкій
Разъяснимъ шутя.

Для родной отчизны
Накричимся всласть,

Какъ дороговизны
Отвести напасть?
Будетъ все воспѣто
На столбцахъ газетъ,
Только дастъ на это...
Нашъ карманъ отвѣтъ!

УМНЫЙ РЕБЕНОКЪ.

(Фантазія).

Назови, Лаура, то очарованье,
Что насильно сердцу сердце отдаетъ!...
(Изъ Шиллера).

Милый мой папаша, объясни ту штуку,
Что такъ сильно пошлость къ пошлости влечетъ?
Что къ карману брата тянетъ брата руку,
Что людскую совѣсть нагло продаетъ?

Что могло-бъ заставить глупаго холопа
Подводить подкопы честному уму?
Или, прикрываясь маской филантропа,
Втихомолку грабить нищаго суму?

Отчего надутымъ гордостью педантамъ
При мѣстахъ полезныхъ теплый данъ пріютъ?
Отчего любимымъ и прямымъ талантамъ
Злые мраколюбцы хода не даютъ?

Отчего впередъ намъ шагъ нельзя удвоить?
Почему, взглянувши на пройденный путь,

Не на чемъ страдальцу взглядъ свой успокоить,
И разбитымъ сердцемъ негдѣ отдохнуть?

Отчего такъ люди скупы для пріема
Лучезарныхъ мыслей и благихъ идей?...
Вѣдь тебѣ все это родственно-знакомо,
Милый мой папаша, объясни скорѣй?...

* * *

Скучно, другъ!
«Сама не знаешь,
Отчего скучаешь ты?
— Ты вздыхаешь и зѣваешь
Отъ сердечной пустоты.

«У тебя, мой другъ, не такъ-ли,
Развлеченій цѣлый рядъ:
Ты вчера была въ спектаклѣ,
Завтра ѣдешь въ маскарадъ.

«Будешь въ оперѣ въ Субботу...
Отдохни, моя краса,
Хоть шутя возьми работу
И займись на полчаса.

«Чѣмъ сидѣть сложивши руки,
Развлеки свою мечту...
Хочешь, я тебѣ отъ скуки
Книжку умную прочту?...»

— Другъ, оставьте эти шутки,
Тошно мнѣ безъ вашыхъ книгъ...
Ахъ, теперь по первопуткѣ
На пикникъ-бы... на пикникъ!..

ПѢСНЯ СТАРИКА.

Эхъ, когда-бы возвратились
Годы юные мои,
Снова сердце-бы забилось
Жаждой дѣла и любви...
При своихъ могучихъ нервахъ
Ходъ иной-бы дѣлу далъ,—
Я-бы, кажется, во первыхъ,
Всѣхъ мальчишекъ обуздалъ,
Всѣхъ-бы этихъ вольнодумцевъ,
И противныхъ свистуновъ,
Какъ отъявленныхъ безумцевъ,
Сталъ-бы бить я, какъ Бревновъ;
Уничтожилъ-бы я, словомъ
Весь реальный элементъ,
И Леонтьеву съ Катковымъ
Сочинилъ-бы монументъ.
Но увы, слабѣютъ силы,
Плохо вяжутся слова,
Руки слабы, ноги хилы
И трясется голова.
Отчего-жъ подобный случай
Данъ судьбой для стариковъ?...
Объясни ты намъ могучій,
Всеобъемлющій Катковъ!...

ДѢЛЕЦЪ.

Въ сорокъ лѣтъ, никакъ не болѣ,
Обучась въ житейской школѣ,
Я живу какъ надо,
Не тоскуя, не горюя,
На людей всегда смотрю я,
Какъ пастухъ на стадо.

За дѣла принявшись смѣло,
Понялъ я, что значитъ дѣло,
Зналъ, что значитъ «деньга» —
Судъ сиротскій, въ оны вѣки,
Мнѣ доходныя опеки
Вваливалъ частенько.

Безъ особыхъ преимуществъ,
Я при описяхъ имуществъ
Былъ всегда экспертомъ,
На торгахъ за мной безъ ряды
Оставались всѣ подряды
За глухимъ конвертомъ...

При поставкахъ экономы
Были раньше мнѣ знакомы,
Все сходило—чисто;
Каждый день, на каждомъ мѣстѣ,
Объ своей кричалъ я чести
Смѣло и рѣчисто.

Барышамъ сводилъ итоги,
Въ долгъ давалъ ихъ подъ залоги,
Дѣлалъ и отсрочки...

Неустойкой, безъ процентовъ,
Обирать своихъ кліентовъ
Могъ я до сорочки.

Въ разсужденьяхъ—никакого,
Но особенно людскаго
Не терпѣлъ протеста;
Въ дѣлѣ требуя отчета,
Я прислугу безъ расчета
Увольнялъ отъ мѣста.

Я такою былъ биткою,
Что съ вліятельной рукою
Въ дружбѣ былъ интимной,
И себѣ на удивленье
Сталъ директоромъ правленья
«Выгоды взаимной».

Проживая, какъ угодно,
Наживаю ежегодно
Тысячъ полтораста;
Разыгравъ такую рольку,
Мнѣ концессію-бы только
Получить... и баста!

ЭНТУЗІАСТЪ.

На-дняхъ, у жениной родни
Мы цѣлый вечеръ проболтали
О томъ, какъ люди въ наши дни

Къ самоубійствамъ склонны стали.
Какъ можно пулю въ лобъ пустить,
Что-бъ душу къ праотцамъ отправить?
Какъ можно сумасшедшимъ быть?
Я не могу себѣ представить!

И гибнутъ люди, а за что?
За что страдаетъ родъ людской-то?
Отъ меланхоліи, а то
Отъ ипохондріи какой-то...
Друзья, давно-бы насъ пора
Отъ этихъ недуговъ поправить.
Какъ плохи наши доктора,
Я не могу себѣ представить!

Разъ десять слышалъ я о томъ,
Что будто... впрочемъ, я не спорю,
Для должниковъ, Тарасовъ домъ
Закроютъ, къ общему ихъ горю.
Квартиру, столъ имъ тамъ даютъ,
Чтобъ платежей потомъ избавить,
И чтобъ закрыть такой пріютъ...
Я не могу себѣ представить!

Въ газетахъ нашихъ пустота:
Ахъ, еслибъ былъ я публицистомъ,
Была-бы музыка не та;
Я былъ-бы славнымъ юмористомъ,
Мальчишекъ дерзостныхъ казня,
Умѣлъ-бы ихъ на путь наставить,
И чтобы вышло изъ меня...
Я не могу себѣ представить!

Вступить со мной рѣшился въ споръ
Студентъ какой-то блѣднолицый,

О томъ, какъ ходъ прогресса скоръ
Въ странѣ родной и заграницей.
Съ прогрессомъ нашимъ я знакомъ,—
Готовъ я край родимый славить;
Но иностранца русакомъ
Я не могу себѣ представить!

Я былъ въ Италіи, давно,
Я видѣлъ самъ какъ лазарони
Ѣстъ макароны, пьетъ вино,
И дремлетъ на прибрежномъ склонѣ.
Покой нарушить для труда
Его никто-бъ не могъ заставить;
Ахъ какъ онъ счастливъ, господа!
Я не могу себѣ представить!

А нашъ мужикъ — прямой уродъ!—
Брюзжитъ съ нуждою всѣмъ знакомой,
И ѣстъ быть можетъ круглый годъ
Кору древесную съ соломой,
И даже лѣтомъ свой тулупъ
Не хочетъ онъ носить оставить.
Ахъ какъ онъ грубъ! Ахъ какъ онъ глупъ!
Я не могу себѣ представить!

Къ моимъ разумнымъ словесамъ
Всѣ отнеслись безъ разногласья, —
Молчали всѣ; я знаю самъ,
Что молчаливость знакъ согласья.
Я былъ вниманіемъ почтенъ,
Я не хочу теперь лукавить:
Въ то время былъ я такъ уменъ,
Что не могу себѣ представить!

МУЧЕНИКЪ ЛѢТА.

Черствый какъ пергаментъ,
Мрачный какъ хандра,
Въ душный департаментъ
Онъ идетъ съ утра.
Чинъ имѣя низкій,
Для грядущихъ благъ
Занятъ перепиской
Форменныхъ бумагъ...

Солнце золотое
Жаритъ и палитъ,
И въ потокахъ зноя
Льется на гранитъ.
Въ жаркую погоду
Тяготитъ всѣхъ — лѣнь,
Дѣло какъ колоду
Валятъ черезъ пень...

Что-жъ, и онъ не пробка,
Онъ канцеляристъ!
Дописавши робко
Свой послѣдній листъ,
Порасправилъ руки,
Сдѣлалъ два скачка,
И домой, отъ скуки,
Задаетъ стрѣчька.

Безъ жаркихъ и суповъ
Справивши обѣдъ,
Въ садъ идетъ Юсуповъ

Поглядѣть на свѣтъ.
И пройдясь такъ знатно
Сквозь досужій людъ,
Онъ полетъ обратно
Въ грѣшный свой пріютъ.

Наглотавшись пыли
Легъ онъ отдохнуть, —
Блохи-ли, клопы-ли
Не даютъ уснуть.
Спи на жесткомъ ложѣ,
Спи, братъ, до утра,
Завтра будетъ тоже,
Тоже, что вчера!..

ИСПОВѢДЬ.

Я, по Божьей милости, человѣкомъ сталъ,
Маленькими средствами нажилъ капиталъ,
И пустилъ, умѣючи, я въ честной народъ
Капиталецъ темненькій прямо въ оборотъ.
Я, съ людскою помощью бариномъ одѣтъ,
Выучась немногому, вышелъ скоро въ свѣтъ.
И къ чему ученіе? Смѣю вамъ сказать!
Лишь-бы могъ фамилію только подписать.

Я, по Божьей милости, пріобрѣлъ жену,
Съ деньгами не малыми вдовушку одну,
Но со мной красавица только годъ жила,
Все о чемъ-то думала, да и померла.

Отъ ея родителей оттягалъ я домъ,
Дѣло это грязное пахнуло судомъ,
Но процессъ запутанный я не проигралъ,
И имѣнье женино все къ рукамъ прибралъ.

Я умишкомъ маленькимъ многихъ окрестилъ, (*)
Многихъ я пріятелей по міру пустилъ,
Но въ родной коммерціи это нипочемъ,
Вѣдь нельзя безъ этого быть и богачемъ.
Жизни относительно не бывалъ я глупъ,
И платилъ кредиторамъ гривенникъ за рубль,
Но, храня рачительно эти барыши,
Въ монастырь ихъ жертвую на поминъ души.

НАДО ПОВТОРИТЬ.

Помню я, въ родимой школѣ,
Притаясь какъ мышь,
До грудной бывало боли
«Кюнера» зубришь.
Какъ бывало, чтобъ научный
Духъ мой поощрить,
Говорилъ мнѣ менторъ скучный:
Надо повторить!...

Повторить! о, это слово
Радъ я былъ проклясть,
Но долбишь бывало снова
Горькую напасть.

*) *Окрестить*, на купеческомъ языкѣ, значитъ: *надуть*.

Сердце злилось, мысль дичала,
Тошно мнѣ зубрить,
А въ ушахъ моихъ звучало:
Надо повторить!

Помню я, еще былъ мальчикъ,
Бросивъ душный классъ,
Средь друзей винца бокальчикъ
Выпилъ въ первый разъ...
Подъ отеческимъ надзоромъ
Я не могъ дурить;
Но друзья кричали хоромъ:
Надо повторить!...

Повторилъ, и смыслъ глубокій
Въ этомъ я нашелъ,
И къ сосѣдкѣ черноокой
Отъ друзей зашелъ...
Въ первый мигъ любви смущенье
Трудно покорить,
Я созналъ, что посѣщенье
Надо повторить!

Полюбилъ я эту фразу,
Убѣдясь вполнѣ,
Что дѣла всѣ дѣлать сразу
Невозможно мнѣ.
Какъ-бы жизнь не начинала
Надо мной мудрить, —
Нѣтъ удачи, такъ сначала
Надо повторить!

Я служилъ... и мнѣ пришлось-бы
Маяться съ нуждой,

Но давалъ всегда на просьбы
Я отвѣтъ такой:
«Что-жь для насъ дисциплинарность?
Можно и схитрить;
Только... только благодарность
Надо повторить!»

Никогда я не забуду,
Какъ пришло на умъ
Для себя устроить ссуду
Изъ казенныхъ суммъ.
Но, кой-что любви предмету
Вздумавъ подарить,
Я рѣшилъ, что ссуду эту
Надо повторить!

Вдругъ ревизія случилась,
Я подъ судъ попалъ,
Мнѣ судьба послала милость,
Случай — оправдалъ.
Но въ двусмысленностяхъ странныхъ
Стали говорить:
Что мой судъ при новыхъ данныхъ
Надо повторить!

Повторить! клянусь Всевышнимъ,
Это для меня
Совершенно будетъ лишнимъ,
Въ томъ увѣренъ я...
Но, чтобъ съ радостью былаго
Горе примирить,
Научите, что мнѣ снова
Надо повторить?...

ОНА ПРИШЛА!

Я съ нею въ клубѣ въ рамсъ игралъ
Я ей проигрывалъ не разъ,
Ея взаимности искалъ,
И получалъ всегда отказъ.

Но вотъ сбылись мои мечты,
Она ко мнѣ пришла сама,
Во всемъ сіяньи красоты,
Во всемъ затмѣніи ума.

И что-жъ! любви моей порывъ,
Рукою сильной отстраня,
Она уста свои раскрывъ,
Спросила денегъ у меня!

Въ избыткѣ чувствъ мѣняя видъ,
Припавъ къ челу я слезъ не лилъ,
Что-бъ съ этихъ дѣвственныхъ ланитъ
Не смыть румянца и бѣлилъ...

ПРАЗДНИЧНОЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ.

О прогрессѣ нашемъ пусть въ различномъ родѣ
Говорятъ и спорятъ во честномъ народѣ,
Вѣдь молва людская,—что въ моряхъ волна:
Чуть подуетъ вѣтеръ... и шумитъ она.

Строго соблюдая времени порядки,
Мы съ прогрессомъ нашимъ мчимся безъ оглядки,
Первый зимній праздникъ встрѣтивъ съ Покрова
Быстро долетѣли мы до Рождества.
Снова передъ нами фонари и елки,
Праздничныя лица, праздничные толки,
Хлопоты въ хозяйствѣ, шумъ со всѣхъ сторонъ,
И церквей высокихъ колокольный звонъ.
Слѣдомъ, не увидишь, какъ наступятъ Святки,
На права торговли новыя раскладки,
Отъ веселья къ скукѣ новый переходъ,
И со старымъ счастьемъ встрѣтимъ «Новый годъ...»
Прежніе визиты, новые мундиры,
Съ новою надбавкой плата за квартиры,
Вечера и свадьбы, траты на нарядъ,
Пикники, и тройки, и скандаловъ рядъ!
А въ концѣ сезона, съ выпивкой, съ закуской
Отпируемъ праздникъ масляницы русской,
И на мигъ веселью подожмемъ мы хвостъ,
Встрѣтивши уныло нашъ Великій постъ.
Но, читатель, это не бери въ примѣръ ты,
Къ намъ потомъ нагрянутъ разные концерты,
Фокусники, мимы и зимы сезонъ
Промелькнетъ, какъ милый и волшебный сонъ.
А потомъ увидимъ мы передъ очами
Крашеныя яйца, пасхи съ куличами,
На проспектѣ Невскомъ праздничный бомондъ,
Съ выставкою модной галуновъ и блондъ.
Опустѣютъ залы, опустѣютъ клубы.
Подъ залогъ, какъ прежде, мы потащимъ шубы,
И природу нашу, отряхнувъ отъ сна,
Къ намъ опять заглянетъ ясная весна,
А къ веснѣ и лѣто будетъ на придачу,
Снова мы поѣдемъ отдохнуть на дачу,
Или за границу... если нашъ карманъ

Да разсчетъ злодѣйскій не введутъ въ обманъ...
Пусть-же борзописцы въ безпокойной прессѣ
Говорятъ и спорятъ о родномъ прогрессѣ,
При такомъ движеньи, каждый долженъ знать:
Никому на свѣтѣ насъ не перегнать!...

ПОСЛАНІЕ

МОЕЙ ЕДИНСТВЕННОЙ.

Владычица души моей!
Не мучь меня своей любовью,
Не припаду я къ изголовью
Подушки дѣвственной твоей.
Пусть за тобой сомкнувшись тѣсно
Идетъ вздыхателей толпа,
Повѣрь, на сколько ты прелестна,
На столько вздорна и глупа...
Предложь N. N. свои услуги,
Я отъ души всегда желалъ:
Что бъ вмѣсто ангела-супруги
Капризный чортъ ему попалъ!...

БЕСѢДА.

Бери, братъ, стулъ, садись со мной,
Чѣмъ попусту зѣвать;

Позволь мнѣ искренно съ тобой
Хоть разъ потолковать.
Ты озабоченъ какъ дѣлецъ,
А празденъ такъ, что вонъ изъ рукъ..
Вѣдь это низко, наконецъ,
Пойми, мой другъ!

Ты могъ-бы, милый человѣкъ,
Безъ пользы не служить
И, благодушествуя, вѣкъ
Обломовымъ прожить.
Въ наслѣдство далъ тебѣ отецъ
Свои права, богатствъ сундукъ,—
Глупить всѣмъ этимъ, наконецъ,
Безчестно, другъ!

Оставь служить и не глупи,
Нахальничать любя;
Свою ты должность уступи
Способнѣйшимъ—тебя.
Тебя подкупитъ каждый льстецъ
Цѣною преданныхъ услугъ...
Логично-ль это, наконецъ,
Скажи, мой другъ?

Геройство бѣшеной ѣзды
По жертвамъ ты цѣнилъ,
И милыхъ шалостей слѣды
Съ друзьями хоронилъ.
Живя, какъ нравственный скопецъ,
Любя друзей развратныхъ кругъ,
Къ чему стремиться, наконецъ,
Ты, можешь, другъ?

Ты, какъ амуръ, красивъ собой,
Ты знатности достигъ,
Но гадокъ такъ, что предъ тобой
Становятся въ тупикъ.
Ты въ тьмѣ невѣжества боецъ,
Какъ врагъ познаній и наукъ, —
Вѣдь это пошло, наконецъ,
Сознайся, другъ!

Ни думъ, ни горя и ни бѣдъ
Ты въ жизни не имѣлъ,
Лишь разъ, кончая свой обѣдъ,
Объѣвшись, заболѣлъ...
Грозилъ бѣдой тебѣ Творецъ,
Но ты... ты выздоровѣлъ вдругъ, —
Вѣдь это глупо, наконецъ,
Пойми, мой другъ!

NOCTURNO.

Фантастически роскошенъ,
Милой Фанни будуаръ!
На кушеткѣ, рядомъ съ нею,
Отставной сидитъ гусаръ,
И къ плечу ея приникнувъ
Грустно шепчетъ: «отчего
Охладѣлъ ко мнѣ, о Фанни,
Пламень сердца твоего?...»

Фанни тихо отвѣчаетъ:
«Оттого, моя душа,

Что теперь въ твоемъ карманѣ
Нѣту денегъ ни гроша:
Что съ крестьянъ твоихъ оброки
Не приходятъ въ мой карманъ.
И что скоро ты заложишь
Свой послѣдній доломанъ!..»

* * *

Иные — женятся для славы
Иные — просто для дѣтей,
Чтобъ дѣти ихъ имѣли право
Считаться тоже за людей.

Иной начальнику въ угоду
Бросаетъ жребій роковой,
И въ воду, не спросившись броду,
Суется бѣдной головой.

Иной, для явныхъ доказательствъ
Какъ можно вѣкъ чужой заѣсть
Иль для поправки обстоятельствъ,
Съ женою деньги пріобрѣсть.

Иной, по силѣ грозной власти,
За то, что раньше — былъ знакомъ,
Иной, во имя нѣжной страсти
Быть у жены подъ башмакомъ.

Но для чего должны жениться?
Чѣмъ долженъ быть нашъ гражданинъ?
Едва-ли съ нами примирится
Примѣръ изъ тысячи одинъ.

СТРАННАЯ ЛЮБОВЬ.

Я знаю двухъ влюбленныхъ
Въ дни юности пріятной,
Какъ въ пыткѣ истомленныхъ
Любовью непонятной:
Въ разлукѣ - такъ томятся,
Но если и сойдутся,
Тотчасъ-же разбранятся
И чуть не подерутся.
Предавшись-же покою
Они погасятъ свѣчи,
И съ страстною тоскою
Молчатъ до новой встрѣчи!

ЭТО МЕНЯ УДИВЛЯЕТЪ!

1.

Молодость прежде бывало брала
Съ насъ, какъ съ начальства, примѣры:
Думать безъ спроса она не могла,
Чтила разумныя мѣры.
Нынче-же... въ мудрыхъ дѣлахъ молодежь
Насъ стариковъ вразумляетъ.
Думаешь — сказки! а видишь — не ложь...
Это меня удивляетъ!

2.

Нашей торговли священны права!
Прошлой морозной зимою

День ото дня дорожали дрова;
Нынче мы видимъ другое:
Самъ дровяникъ, свою пользу храня,
Цѣны съ товара сбавляетъ.
Пусть нѣтъ морозовъ... но это меня...
Это меня удивляетъ!

3.

Утромъ по праздникамъ всѣ кабаки,
Всѣ полпивныя закрыты,
Чтобъ до полудня глупцы-мужики
Были и трезвы, и сыты...
Глядь... по проспектамъ, — ни свѣтъ, ни заря, —
Пьяный за пьянымъ гуляетъ...
Странно, друзья! Отъ души говоря,
Это меня удивляетъ!

4.

Какъ-то я бывшей дворовой швеѣ
Далъ для поддержки — работу,
Деньги платилъ я... но вздумалось мнѣ
Скидочку сдѣлать со счета;
Слышать не хочетъ о скидкѣ она,
Искъ на меня предъявляетъ, —
Долженъ я былъ заплатить ей сполна...
Это меня удивляетъ!

5.

Радъ и не радъ-бы, а вѣрить подъ-часъ
Разнымъ приходиться слухамъ:
Пишутъ въ газетахъ, что будто у насъ
Новымъ повѣяло духомъ;
Будто-о-чемъ я помыслить боюсь,
Каждый о томъ размышляетъ...
Трудно сознаться, но я сознаюсь —
Это меня удивляетъ!

НЕДОВѢРЧИВОМУ ДРУГУ.

Милый другъ, ты недовѣрчивъ!
Погрузившись весь въ рутину,
Нашимъ искреннимъ стремленьямъ
Вѣришь ты на половину.

Уважая въ жизни нашей
Золотую середину,
По себѣ судя о чести,
Вѣришь ты на половину...

Людъ рабочій — ради хлѣба
День и ночь сгибаетъ спину,
Ты, смѣясь труду такому,
Вѣришь только въ половину...

О, мой другъ! ты самъ довѣрья
Не имѣлъ бы на полтину,
Если-бъ могъ не вѣрить людямъ
Въ ихъ трудахъ на половину.

Если люди скажутъ прямо,
Что похожъ ты на скотину...
Я съ тобой всегда согласенъ
Вѣрить имъ на половину...

* * *

Богатству завидуя тайно,
Не мало я видѣлъ чудеснаго,

Попавъ совершенно случайно
Въ чертогъ милліонера извѣстнаго.

Въ чертогѣ, сіяющемъ златомъ,
Мелькали въ глазахъ ассигнаціи,
Вся роскошь востока была тамъ,
Вся прелесть искусства и граціи.

Отвѣдалъ я роскоши сладость,
И сталъ я завистливѣй Каина;
Одну лишь замѣтилъ тамъ гадость,—
Сказать-ли какую?.. хозяина!

ОТРЫЖКА СТАРАГО ВРЕМЕНИ.

Баринъ нашъ весьма встревоженъ,
Ходитъ пасмуренъ и мраченъ,
Будто кѣмъ-то уничтоженъ,
Будто чѣмъ-то озадаченъ.

Кто-же, кто для генерала
Могъ создать такую муку?
Ахъ! надъ нимъ судьба сыграла
Удивительную штуку.

Знайте-жъ вы, что съ чиномъ важнымъ,
Предъ судейскимъ строгимъ взглядомъ,
Засѣдателемъ присяжнымъ
Съ мужикомъ сидѣлъ онъ рядомъ!

РОМАНСЪ.

Глаза твои лучше брилліантовъ,
Чего-жъ тебѣ больше желать?
(Гейне).

Всю жизнь отъ веселья къ веселью
Ты бабочкой можешь летать,
Глупѣть и тупѣть отъ бездѣлья...
Чего-жъ тебѣ больше желать?

Твоей красотою доходной
Супругу легко торговать,
Онъ счастливъ съ тобой безъ разводной...
Чего-жъ тебѣ больше желать?

Дѣтей, если будутъ... ты можешь
Во вкусѣ своемъ воспитать,
И куклами свѣтъ нашъ умножить...
Чего-жъ тебѣ больше желать?

Я знаю, что въ блескѣ — почета
Ты въ обществахъ можешь блистать,
И деньги мотать безъ разсчета...
Чего-жъ тебѣ больше желать?

Убьетъ въ тебѣ юную силу
Разврата мишурная знать,
Зачахнешь, и сляжешь въ могилу...
Чего-жъ тебѣ больше желать?

Читать надъ могилою станутъ:
«Супруга и добрая мать»,

И добрымъ словечкомъ помянутъ...
Чего-жъ тебѣ больше желать?

* * *

Не прибѣгая къ укоризнѣ
Мужей двуличнаго житья,
Въ аркадскій миръ семейной жизни,
Признаться, плохо вѣрю я...

Куда не взглянешь — зной и стужа
Въ одинъ хомутъ запряжены:
То подъ ярмомъ жена у мужа,
То мужъ подъ башмакомъ жены...

Тогда лишь только въ мирномъ духѣ
Цвѣсть будетъ каждая семья,
Когда всѣ жены будутъ глухи,
И слѣпы станутъ всѣ мужья!..

* * *

Ты одна моя богиня,
Яркій лучъ въ моей судьбѣ,
За любовь плачу я нынѣ
Откровенностью тебѣ.

Я любилъ другую фею...
Сердце билось... время шло...

Послѣ встрѣчъ завѣтныхъ съ нею
Было какъ-то тяжело.

Свелъ насъ пылъ иныхъ желаній...
Но за то тебя я чту,
Что ты въ сердцѣ и карманѣ
Оставляешь пустоту...

* *
*

Мой сосѣдъ—большой философъ,
Что ни слово—то совѣтъ,
И на каждую остроту
Дастъ острѣйшій вамъ отвѣтъ.

Я спросилъ его однажды:
— Для нужды иль для красы
На груди, подъ самымъ сердцемъ,
Носятъ женщины часы?

И съ улыбкой ядовитой
Былъ такой отвѣтъ его:
«Пусть хоть что нибудь да бьется,
Гдѣ не бьется ничего!»

* *
*

Сегодня случайно попалъ я въ кружокъ
Обманутыхъ жизнью людей,

Гдѣ каждый изъ нихъ отъ души сожалѣлъ
О счастьѣ утраченныхъ дней.

—

Увядшая дѣва, въ припадкѣ тоски,
Вздохнула, кончая разсказъ:
«Ахъ, еслибъ я юность могла воротить,
Пошла-бы я замужъ сейчасъ!..»

—

«А я-бы», сказалъ промотавшійся франтъ,
«Фортуны толкнувъ колесо,
Поѣхалъ-бы вмѣстѣ съ Пахитой своей
Кутить къ господину Дюссо...»

—

— Въ несчастіяхъ нашихъ виною — прогрессъ,
Писатель беззубый сказалъ,—
О, еслибъ не онъ, то творенья мои
До нынѣ весь міръ-бы читалъ...

—

«Да, юность дѣйствительно очень глупа, —
Заштатный сказалъ бюрократъ—
Когда-бы я зналъ, то поболѣе кралъ,
И былъ-бы навѣрно богатъ!»

ДОМАШНІЙ ДРУГЪ.

Потому онъ такъ любовно
Всей душой къ тебѣ привязанъ,
Что тебѣ онъ безусловно
Вѣчно деньгами обязанъ...

Потому въ твои палаты
Ходитъ онъ гостить и кушать,
Что не просишь ты уплаты
И объ ней не хочешь слушать...

Онъ не сталъ съ женой твоею
За роялемъ распѣвать-бы,
Еслибъ въ двѣ руки онъ съ нею
Не игралъ еще до свадьбы.

Измѣнивъ въ житьѣ свой методъ,
Ты не знался-бъ съ знатнымъ кругомъ,
Если бъ не былъ витязь этотъ
У тебя домашнимъ другомъ...

ПЕТРУША ДУРАКОВЪ.

(Послѣдній изъ Могиканъ)

Эхъ вы, модные хлыщи,
Шелопаи полусвѣта,
Вашей славы не ищи,
Ваша слава не воспѣта!
Я шепну вамъ на ушко,
Не сказавъ худаго слова:
Далеко вамъ, далеко
До Петруши Дуракова!...

Хоть заброшенъ онъ судьбой
Въ міръ степенный, въ міръ торговый,
Но затмитъ, затмитъ собой
Весь вашъ свѣтъ пустоголовый.

Онъ, какъ магъ и чародѣй,
Въ даръ отцу—милліонеру,
Безъ протекціи людей
Сдѣлалъ самъ себѣ карьеру;
Самъ собою развился,
Капиталъ спустилъ, не ахнулъ,
Лавку по боку шарахнулъ,
И съ женою развелся...

Вотъ онъ юный Адонисъ,
Сладко всѣмъ смотрящій въ очи,
Возлѣ Берговскихъ кулисъ
Вьется, трется до полночи...
Но замолкнули смычки,
Взявъ послѣдней пьесы ноту,
Дуракова рысаки
На пикникъ несутъ къ Дороту.
Двери настежь до утра,
Пей, гуляй! герой не тужитъ;
Денегъ нѣтъ—кредитъ послужитъ...
Нынче, завтра, какъ вчера
Жизнь слетитъ лихимъ угаромъ,
Хоть любви его предметъ
Франта водитъ за носъ даромъ,
Съ отставнымъ однимъ гусаромъ
Раздѣляя tete-à-tete...
Эхъ, вы франты! на ушко
Я скажу прямое слово:
Далеко вамъ, далеко
До Петруши Дуракова.

АКСІОМА.

Въ жизни ложь, въ наукахъ тупость,
Умъ, зарытый въ барыши,
Безпробудный сонъ души,
Лесть, двуличность, скупость, глупость, —
Ужь куда вы хороши!..

Съ вами будешь вѣкъ спокоенъ,
Въ мнѣньи вѣка чистъ какъ воскъ,
Обрѣтешь и вѣсъ и лоскъ,
Только не былъ-бы разстроенъ
Нашъ желудокъ... а не мозгъ.

Ну, а если намъ придется
Умъ свой честностью вскружить,
Лучше послѣ не тужить:
Послѣ такъ все отзовется,
Что придется плохо жить!

БОРОДА.

Даромъ божьимъ ты явилась,
Перешла ты грань вѣковъ,
И до нынѣ сохранилась
Въ бытѣ русскихъ мужиковъ,
Не расчесанной, косматой,
Въ трудовой своей пыли,

Этой роскошью богатой
Нашей матушки земли.
Про тебя и пѣсню пѣла—
Запропащая нужда—
Что безъ времени сѣдѣла
Въ горькой долѣ борода.

Эхъ, бородушка родная,
Ты сѣдѣла не одна,
Тяжесть дней переживая
Въ золотыя времена.
Много, много думъ печальныхъ
Принесла съ собою въ даръ
Ты отъ нашихъ предковъ дальнихъ,
Отъ славянъ и отъ татаръ.
Я всегда тобой горжуся
И любуюся всегда,
И гляжу не нагляжуся
На тебя-ли, борода!

Съ прародительскихъ уставовъ
Здѣсь тебя носили всѣ,
Въ первобытномъ видѣ нравовъ,
Въ нерасчесанной красѣ.
Бородой цѣнился разумъ;
Хоть иной молокососъ
И смотрѣлъ разумнымъ глазомъ,
Да бородкой не обросъ,
То не смѣлъ возвысить голосъ
Даже въ крайности бѣды,
Если былъ предъ нимъ хоть волосъ
Православной бороды.

Послѣ подвиговъ Стрѣлецкихъ
На тебя нагрянулъ вдругъ

Отъ сосѣднихъ странъ нѣмецкихъ
Окончательный недугъ.
Вотъ пошли съ упрямствомъ битвы,
Чтобъ тебя во все житье
Не касалось острой бритвы
Роковое лезвіе.
Но крѣпка привычки сила,
И въ Петровскіе года
За себя оброкъ платила
Ежегодно борода!

Много вынесла ты горя,
Много думъ пережила,
И съ нуждою вѣчно споря
Не расчесанной была.
Хоть не разъ, въ часы невзгодья
Бороденьку мужика
Расправляла—благородья
Шаловливая рука.
Но всё это, въ честь народу,
Будто въ сказкахъ, безъ слѣда,
Миновало, и свободу
Получила борода!...

НАПРАСЛИНА.

Пускай остритъ иной повѣса,
Что тихо мы идемъ впередъ,
Отъ свѣта нашего прогресса
Весь нашъ beau-monde и наша пресса
Какъ тѣнь на шагъ не отстаетъ.
Имѣя свѣтъ всегда въ предметѣ
Къ нему стремимся съ юныхъ лѣтъ,

Мы засыпаемъ на разсвѣтѣ,
И на ночь выѣзжаемъ въ свѣтъ!..

* * *

Не доводя на свѣтѣ этомъ
Иныхъ чудесъ до знаменателя,
Съ процентнымъ займовымъ билетомъ
Сравнить мы можемъ жизнь писателя.

Кормя другихъ дарами—ренты
Онъ такъ-же трется въ обращеніи,
И обрѣзаются проценты
Сугубой жертвой очищенія.

Онъ не клянетъ судьбы измѣну,
Онъ глухъ и къ брани и къ ласкательствамъ,
И курсъ ему мѣняетъ цѣну,
Смотря по нашимъ обстоятельствамъ.

Хоть жребій выигрыша слаще
Ему рисуютъ—искушенія,
Но вмѣсто выигрыша чаще
Въ тиражъ, идетъ онъ, погашенія

* * *

Сидѣлецъ Ванюшка задумалъ рискнуть:
Изъ кассы хозяйской деньжонки стянуть.
Попуталъ лукавый!.. Но что всего гаже —
Попался Ванюшка хозяину въ кражѣ...
Торгашъ, учинивши расправу и судъ,

Сказалъ, между прочимъ: «какой-же ты плутъ,
«Что, съ дѣтства торгуя съ хозяиномъ вмѣстѣ,
«Не знаешь до нынѣ ни правды, ни чести!..»
А тотъ, не спуская съ хозяина глазъ,
Ему простодушно отвѣтилъ тотчасъ:
«Напрасно меня вы могли разобидѣть,
«Ну гдѣ-же я честь-то и правду могъ видѣть:
«Вѣдь съ самаго дѣтства я жилъ все у васъ!..»

ДРУГУ МОРАЛИСТУ.

О долгѣ и чести умно разсуждая,
Ты вѣкъ не прощаешь людскихъ прегрѣшеній,
И бѣдныхъ собратовъ труды заѣдая,
Бичуешь повсюду пороки лишеній.
Ты выглядишь очень безгрѣшной особой,
Награбивъ богатство чрезъ темныя связи;
Чѣмъ бѣдность порочить, ты лучше попробуй,
Почище умыться отъ собственной грязи...

* * *

Салонный хлыщъ! твоя краса
Приводитъ насъ въ нѣмой восторгъ,
О, сколько вздоховъ роковыхъ
Изъ груди женской ты исторгъ!..
Ужь не сказалъ-бы мудрый Кантъ:
Что «пустоты въ природѣ нѣтъ»,
Когда-бъ имѣлъ онъ предъ собой
Твой вдохновительный портретъ!

НЕВСКІЙ КУПИДОНЪ.

Не любуйтесь вы имъ, не смотрите на то,
Что камчатскимъ бобромъ онъ украсилъ пальто,
Что по Невскому — онъ, съ сигарой въ зубахъ,
Разъѣзжаетъ теперь на лихихъ рысакахъ...
Что съ полгода назадъ, этотъ франтъ, этотъ лордъ,
Христа ради просилъ пять рублей на паспортъ,
Что съ своей красотой онъ какъ нищій не палъ,
А къ старушкѣ одной въ фавориты попалъ.
Что теперь онъ – не тотъ... что ему ни почемъ
Тунеядствуя жить и дурить богачемъ,
Что прекрасный нашъ полъ на такого туза
Съ тайной завистью могъ просмотрѣть всѣ глаза.
Онъ счастливо живетъ, онъ гордится собой,
Онъ въ критическій мигъ осчастливенъ судьбой!
Не смотря, что ему золотая судьба
Ничего не дала, кромѣ мѣднаго лба!

МУЖУ, ЖАЖДУЩЕМУ ИЗВѢСТНОСТИ.

Зачѣмъ ты быть извѣстнымъ хочешь,
Вертишься точно егоза,
И объ извѣстности хлопочешь,
Бросаясь каждому въ глаза?
Чѣмъ рыскать вѣкъ шальнымъ скитальцемъ,
Я дамъ тебѣ такой совѣтъ,
Что на тебя укажетъ пальцемъ
Весь петербургскій полусвѣтъ.

У насъ въ нарядахъ вкусъ свободный,
Такъ ты являяся въ народъ,
Носи костюмъ твой новомодный,
Надѣвши задомъ на передъ...

ВѢРА ВЪ ЧЕЛОВѢКА.

Говорятъ, утратилъ онъ
Вѣру въ человѣка;
Вздоръ! уменъ онъ какъ Ньютонъ,
Мудръ онъ какъ Сенека.

Я его еще вчера
Видѣлъ въ ресторанѣ,
Какъ онъ кушалъ осетра
И битокъ въ сметанѣ.

Какъ потомъ, у панталонъ
Поослабивъ пряжку,
Для разсчета бросилъ онъ
Въ сто рублей бумажку.

Онъ хоть смыслъ и понималъ
Денежной задачи,
Но спокойно задремалъ,
Ожидая сдачи.

Не качай-же головой,
Юный скептикъ вѣка,
Предъ тобой примѣръ живой
Вѣры въ человѣка!..

ПѢВЦУ.

Полно пѣть ты горделиво
Міръ возвышенныхъ идей,—
Жизни грустные мотивы
Ненавистны для людей.

Правды міръ для насъ чудесенъ,
Къ намъ его ты не зови;
Дай ты намъ веселыхъ пѣсенъ,
Пѣсенъ счастья... и любви.

До страданій падшихъ братій
Намъ, счастливцамъ, дѣла нѣтъ;
Честный взглядъ твоихъ понятій
Не признаетъ гордый свѣтъ.

Сыты мы, въ желаньяхъ вольны...
Нашу низость пой, любя,
И тогда самодовольно
Мы послушаемъ тебѣ!

СЦЕНЫ И НАБРОСКИ.

РИМСКІЯ БАНИ.

(Театръ представляетъ «Tepidarium» или передбанникъ, съ умѣренно-теплою температурою, предохраняющій отъ опасности скорыхъ переходовъ изъ холодной бани въ жаркую; на лѣво—«Spoliatarium», по нашему сторожка, гдѣ раздѣваются, и «Anctuarium», гдѣ натираются ароматами. Прямо — «Balneum», т. е. бассейнъ теплой воды. Сквозь отверстіе въ потолкѣ падаетъ лучъ свѣта. *Пановскій* носитъ воду, устилаетъ полъ душистыми травами, зажигаетъ курильницы, разстилаетъ простыни и т. п. Парильщики-реалисты съ вѣниками въ рукахъ стоятъ въ отдаленіи).

Пановскій.

Вотъ классическія бани,
Что за чудный, славный паръ,
Голова совсѣмъ въ туманѣ
И въ мозгахъ такой угаръ!
Пусть хохочутъ реалисты
На Пановскаго труды,—
Ну, пускай ихъ публицисты
Обойдутся безъ воды;
Я воды здѣсь не жалѣю,
И безумцевъ хоръ младой
Пусть сравнитъ ее съ моею
Фельетонною водой;
Для гостей моихъ желанныхъ
Я ее давно нагрѣлъ,

*

И отъ травъ благоуханныхъ
Угорѣлъ я, угорѣлъ...

(Садится въ изнеможеніи на мраморную скамью).

Хоръ парильщиковъ.

Мы въ грязь не ударимъ
Услугой своей,
Помоемъ, попаримъ
Желанныхъ гостей;
Помылимъ вольготно
Мы головы имъ,
И жару охотно
Мы имъ поддадимъ!...

(Входятъ Катковъ и Леонтьевъ, соединенные вмѣстѣ неисповѣдимою волею судебъ. Пановскій развинчиваетъ ихъ).

Катковъ *(грозно).*

Есть-ли кто здѣсь посѣтители,
Или только мы втроемъ?..

Пановскій.

Просвѣщенія ревнители,
Вамъ давно готовъ пріемъ.
Зрите вы меня вполнѣ въ умѣ,
Но, покаюсь, господа:
Какъ на грѣхъ, въ моемъ «Balneum'ѣ»
Взбаламутилась вода.
Впрочемъ, въ ономъ никого еще,
Кромѣ Писемскаго, нѣтъ,
Только онъ въ мое сокровище
Безъ меня залѣзъ чуть-свѣтъ.
И ныряя, какъ измученный,
Въ романическомъ трудѣ,
Что-то ловитъ въ взбаламученной
Сверху до низу водѣ!..

Катковъ.

Но кто-же будетъ мыть меня?

Пановскій.

Повѣрьте, вымоютъ васъ чисто:
Есть два здоровыхъ реалиста,
За нихъ вполнѣ ручаюсь я,—
Вотъ Стасюлевичъ и... Буренинъ.

Катковъ.

Вамъ Богъ разсудокъ здравый далъ,
И выборъ вашъ весьма отмѣненъ.
Благодарю, не ожидалъ!.. (*парильщикамъ*)
Рабы, достаточно-ли жару?

Парильщики.

Не безпокойтеся, милордъ,
Коль мало—поддадимъ мы пару,
И будетъ баня—первый сортъ!..
(*Уводятъ его на полокъ*).

Невидимый хоръ.

Хвала, хвала тебѣ, Катковъ,
Воспрянь главой до облаковъ,
Строчи, ворчи, и будь таковъ
До окончанія вѣковъ!

(*Входитъ Краевскій*).

Краевскій.

Кому-то при гимнѣ
Хвалу здѣсь кричатъ,
Ударилъ въ мозги мнѣ
Удушливый чадъ.
Какъ душно тутъ... Боже,
Какой фиміамъ!..
Но, впрочемъ, вѣдь что-же

До этого намъ?
Ни *клики* журнальной
Восторги и брань,
Ни воздухъ реальный
Копѣечныхъ бань,
Ни запахъ античный
Классическихъ розъ,—
Ничто въ мой привычный
Не бросится носъ!

(осматриваясь кругомъ).

И эта нѣга, и туманъ,
И этотъ жаръ—къ покою манятъ.
Помыть меня, эй! кто не занятъ?

Пановскій *(подбѣгая).*

Для васъ, почтенный ветеранъ,
Какъ для Парнасскаго питомца,
Рекомендую—«незнакомца»...

(Входитъ Трубниковъ.)

Трубниковъ.

Кто отъ восторга не ахнетъ
Здѣсь съ распростертыми дланями?
Боже мой, чѣмъ это пахнетъ?...

Пановскій.

Банями-съ, Римскими банями.
Здѣсь ароматъ классицизма
Тонкой струей разливается...

Трубниковъ.

Духъ-же простой реализма
Развѣ не тѣмъ отзывается?..

Пановскій.

Что вы! Вѣдь классикъ вы тоже?

Трубниковъ.

Классикъ и плотью и мыслію,
Только, признаться построже,
Въ этомъ ни чорта не смыслю я.
Времени духъ такъ отлично
Смѣло трактуете всяко вы,
Но... для меня безразлично
Запахи всѣ одинаковы!...

Пановскій.

Мой другъ, понять нетрудно васъ,
Вы точно старая майорша,
А съ виду — какъ бояринъ Орша.
Но такъ и быть, на этотъ разъ
Даю вамъ въ парильщики—Корша.

(Трубникова уводятъ).
(Входитъ Комаровъ въ сопровожденіи Стебницкаго и Комп).

Комаровъ *(любуясь собою).*

Какъ я статенъ, будто вылитъ
Въ формѣ творчества античной!
Кто мнѣ голову намылитъ?
Кто мой парильщикъ приличный?
Что-бъ меня и въ жаръ и въ холодъ
Могъ бы бросить въ часъ разъ двѣсти...

Пановскій.

Ты еще, голубчикъ, молодъ,
Что-бъ добиться этой чести.
Въ здѣшней сѣверной Пальмирѣ.
Органъ твой весьма безцвѣтенъ;
«Русскій Міръ» твой, въ русскомъ мірѣ,

Совершенно незамѣтенъ:
Васъ убьютъ въ журнальныхъ браняхъ
Жизни здравыя понятья...
У меня-же въ этихъ баняхъ
Есть бассейнъ для вашей братьи.
Самолюбіемъ санскритскимъ
Здѣсь вы насъ не удивите,
И въ компаньи со Стебницкимъ
Сами мойтесь, какъ хотите!...

Хоръ изъ бассейна.

Милости просимъ
Къ намъ, господа,
Мы не забросимъ
Васъ безъ слѣда!
Живы мы будемъ
Здѣсь, и вездѣ,
Рыбы наудимъ
Въ мутной водѣ!

(Комаровъ и К° не раздѣваясь бросаются въ «Balneum».)

(Торжественная минута. Парильщики приступаютъ къ дѣлу. Пановскій окачивается водою. Музыка играетъ Греческій маршъ).

Стасюлевичъ.

О, милордъ, да ваше тѣло
Чорство, сухо, какъ сухарь...

Катковъ.

Принимайся, братъ, за дѣло,—
Парь, парь, парь!..

Буренинъ.

Съ васъ классическую тину
Не отмоешь до зари...

Леонтьевъ.

Не жалѣй чужую спину,
Три, три, три!..

Незнакомецъ.

Что-то ежится отъ чистки
Мой кліентъ передовой...

Краевскій.

Время близится къ подпискѣ,
Мой, мой, мой!

Коршъ.

Ну, а съ васъ, мой милый скоро
Можно смыть всю эту пыль?..

Трубинковъ.

Потихоньку, безъ задора
Мыль, мыль, мыль!..

Краевскій.

Перестаньте-же, довольно!
Голова и такъ слаба,
Охъ, не трите очень больно
Лба, лба, лба...(*сердито*)
Завтра въ «Голосѣ», ей Богу,
Напечатаю протестъ,
У меня больныхъ премного
Мѣстъ, мѣстъ, мѣстъ!..

Стасюлевичъ.

Ничѣмъ, мой товарищъ,
Его не проймешь:
Помоешь, попаришь,
Да прочь отойдешь.

Буренинъ.

За грѣхъ знать отцовскій
Дано намъ судьбой,
Съ натурой Катковской
Возиться съ тобой!..

Незнакомецъ.

Вотъ кожа моего патрона
Такъ положительно не та,
На ней, какъ у Хамелеона,
Перемѣняются цвѣта.
Глядишь — на прежнюю похожа,
А поналяжешь посильнѣй —
Сойдетъ классическая кожа,
И вмигъ — реальная подъ ней!
Сильнѣй и эту трешь до пота,
Потрешь — и эта вся сошла,
И видишь кожу патріота...
Чудны, Господь, твои дѣла!..

Краевскій.

Мѣнять свой цвѣтъ переходящій
Для насъ не стоитъ и труда,
До нашей кожи настоящей
Не доберешься никогда!

Коршъ.

Съ моего кліента, Боже
Удивительное дѣло!
Вся классическая кожа
Вмигъ подъ вѣникомъ слетѣла!

Трубниковъ *(съ безпокойствомъ).*

Что слышу! Возможно-ли быть мнѣ безцвѣтнымъ?
Я въ мірѣ печатномъ всегда былъ замѣтнымъ...

Довольно, мой милый, меня полоскать,
Пойду новой кожи я въ прессѣ искать...

(Парильщики, паривше Каткова, отходятъ отъ него въ изнеможеніи).

Невидимый хоръ.

Какъ торжественно онъ взмыленъ,
Голова вся въ пѣнѣ,
Какъ онъ бодръ, и какъ онъ силенъ...
Bene! Bene! Bene!!!

Хоръ изъ бассейна.

Любо намъ въ водицѣ мутной
Кувыркаться и нырять,
Любо намъ въ семьѣ пріютной
Чушь родную повторять;
Любо всякаго сумбура
Запасать на много лѣтъ,
И мутить литературу
И морочить бѣлый свѣтъ!

Катковъ *(Выступая* à la *И. И. Сосницкій въ роли «Городничаго» передъ купцами, поетъ на мотивъ изъ «Десяти невѣстъ»).*

Ну-съ, что скажете, друзья,
Взгляньте, все такой-же я!
До скончанія вѣковъ
Не измѣнится Катковъ!

Хоръ.

Хвала, хвала тебѣ, Катковъ,
Воспрянь главой до облаковъ! и. т. д.

(Всѣ мывшіеся идутъ попарно въ «Anctuarium» натираться ароматами и заниматься гимнастическими играми. Волнистый паръ съ наступившими сумерками сливается въ одну непроницаемую мглу. По уходѣ всѣхъ, въ баню прокрадывается Долинскій и быстро раздѣвается. Изъ каменки вылезаетъ Аскоченскій. Оба бросаются на одну мочалку).

Долинскій.

Какимъ лукавымъ занесло
Сюда и эту приживалку?

Аскоченскій *(жалобно).*

Послушай, другъ, отдай мочалку, —
Помыться надо... здѣсь тепло...
Повѣрь, взаимная услуга
Не повредитъ, хоть мы — враги...

Долинскій.

Ты мнѣ съ начала помоги,
Потомъ помоемъ мы другъ-друга!..

(Начинаютъ мыться и мутною водой чуть не затопляютъ всѣ бани. Изъ «Anctuarium'a» слышатся торжественные клики. Съ улицы доносится свистокъ околодочнаго. Картина).

(Занавѣсъ падаетъ).

ПѢВЕЦЪ.

(Во станѣ благонамѣренной журналистики).

Записанъ кровью нашъ союзъ:
И жить, и пасть намъ вмѣстѣ!
(Жуковскій).

ПѢВЕЦЪ.

Спокойно все, все сладко спитъ,
Отъ мысли до словечка,—

Привѣтно въ сумеркахъ блеститъ
Шандоровская свѣчка.
Друзья, за весь минувшій годъ,
Сошлись мы править тризну,
Не мало было намъ заботъ,
Что-бъ просвѣтить отчизну.
Сей тостъ—за тѣхъ богатырей,
Могучихъ публицистовъ,
За тѣхъ, которые храбрѣй
Разили нигилистовъ!

ХОРЪ.

Пусть врагъ клеймитъ перомъ своимъ
Нечистыя дѣлишки,
Мы новой грязью наводнимъ
Своей работы книжки.

ПѢВЕЦЪ.

Сей тостъ за славу юныхъ лѣтъ,
Когда въ плодахъ ученья
Мы заподозрили не свѣтъ,
Но вредъ отъ просвѣщенья;
Когда, любовію дыша,
Пороли насъ педанты,
Развить подъ розгами спѣша
Природные таланты!

ХОРЪ.

За нихъ, за нихъ, мы кубокъ пьемъ
И въ юную утробу
Съ виномъ янтарнымъ перельемъ
Классическую злобу.

ПѢВЕЦЪ.

За ту страну, гдѣ намъ добро
Вожди готовятъ разомъ,

Гдѣ просвѣтители—перо
Мокаютъ прямо въ разумъ;
Гдѣ нѣтъ журнальныхъ свистуновъ,
Гдѣ къ славѣ путь свободенъ,
Гдѣ предводителемъ Катковъ,
Учителемъ Погодинъ.

ХОРЪ.

Громите всѣхъ до одного,
Пускай ревутъ и лаютъ,
Мы не хотимъ признать того,
Чего они желаютъ!

ПѢВЕЦЪ.

Гдѣ ты, защитникъ нашихъ правъ,
Явись на берегъ Невскій,
Ты, публицистъ и стенографъ,
Юристъ Артоболевскій?
Гдѣ тотъ—великій, какъ звѣзда
Путь славы озарявшій,
И женщинъ, пищущихъ труда,
«Стервозами» ругавшій?
И ты замолкъ, какъ нелюдимъ,
Средь грозныхъ исполиновъ,
Съ «Народнымъ Голосомъ» своимъ
Юркевичъ—сынъ Литвиновъ!
И вы, чей гласъ среди житья
Былъ сладокъ и пріятенъ:
Нашъ сѣдовласый Илія,
И доблестный Скарятинъ!
А гдѣ Леонтьевъ и Тибленъ?
Гдѣ слава гражданина
Исчезло все, какъ дымъ и тлѣнъ,
И вамъ пріютъ—чужбина!

ХОРЪ.

Къ завѣтной цѣли ихъ влекла
Одна любовь и сила,
Но тамъ, гдѣ счастье жизнь дала—
Сама судьба сразила!

ПѢВЕЦЪ.

Друзья! не плачьте отъ потерь
Соратниковъ покойныхъ,
Не мало есть у нихъ теперь,
Преемниковъ достойныхъ.

ХОРЪ.

О свѣтлый Ѳебъ, благослови
Благія начинанья,
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣчныя любви,
Тамъ вѣрнаго свиданья!...

МІРЪ КОМАРОВЪ.

Дидактическо-классическая интермедія, въ стихахъ и прозѣ, въ двухъ отдѣленіяхъ, съ хорами и плясками. (Посвящается г. Комарову, редактору «Русскаго Міра»).

I.

Театръ представляетъ непроходимый лѣсъ, въ срединѣ котораго небольшая поляна. Мракъ. Три вѣдьмы варятъ что-то въ котлѣ.

ПЕРВАЯ ВѢДЬМА.

На потѣху міру русскому,
Взгляду старческому, узкому,
Будемъ зелье мы варить,

Все отжившее, подгнившее,
Головой своей поникшее,
Къ мраку, къ плѣсени привыкшее
Будемъ мы въ котелъ валить.

ВТОРАЯ ВѢДЬМА.

Для баласта лже-моральнаго,
Какъ для варева журнальнаго,
Мы водицы подольемъ;

ТРЕТЬЯ ВѢДЬМА.

Только невской,—ибо зеліе,
Для скандальнаго веселія,
Изъ Москвы на новоселіе
Въ Петербургъ мы перешлемъ!...

Начинаютъ бросать въ котелъ разныя одуряющія снадобья, туда же бросаютъ романъ «Отцы и дѣти», «Дымъ», часть «Обрыва» и т. п На небѣ показывается «Марево» — вѣдьмы и его бросаютъ туда-же. Котелъ закипаетъ.

ВСѢ ТРИ (*поютъ*).

«Туманься долъ,
Кипи котелъ,
Средь насъ сестеръ
Пылай костеръ!
Готовься пиръ
На «Русскій Міръ...»

ПЕРВАЯ ВѢДЬМА.

Что за чудо! пламень ада
Разгорѣлся до небесъ!

ВТОРАЯ ВѢДЬМА.

Не «Панургово-ли стадо»
Гонятъ вѣдьмы черезъ лѣсъ?

ПЕРВАЯ ВѢДЬМА.

Такъ и есть! Сюда гоните
Да въ котелъ его какъ разъ!

(Окружаютъ стадо и сажаютъ въ котелъ)

ТРЕТЬЯ ВѢДЬМА.

Сестры милыя, взгляните
Что за варево у насъ!

(Открываютъ крышку котла, и поражаются смрадомъ. Небо начинаетъ хмуриться и вмѣсто тучъ заволакивается передовыми статьями Каткова. Вѣдьмы въ смятеніи. Густой туманъ скрываетъ отъ глазъ зрителя продолженіе этой сцены).

II.

Тотъ-же лѣсъ. Темная пещера; въ глубинѣ ея сидитъ Катковъ въ видѣ пустынника, и при мерцаніи «свѣточа» что-то сочиняетъ. Въ углу спитъ сотрудникъ его—Комаровъ.

КАТКОВЪ.

Еще одно, послѣднее сказанье,
И всѣ враги падутъ къ моимъ ногамъ,
Исполненъ долгъ священнаго призванья,
Самой судьбой завѣщаннаго намъ.
Но этотъ долгъ я не покину разомъ,
Не весь я міръ обманомъ запугалъ,
Хоть знаютъ всѣ, что въ просвѣщенный разумъ
Не даромъ я перомъ своимъ мокалъ.
Я свилъ гнѣздо въ Москвѣ первопрестольной,
Тамъ мой лицей!—гордись, гордись, Москва!
Пусть обо мнѣ, какъ звонъ твой колокольный,
Гудитъ вездѣ стоустая молва.

До сей поры мои дѣянья громки,—
Пройдутъ года... и мой примѣрный трудъ,
Мои плоды, коварные потомки
Съ лица земли не сгонятъ, не сотрутъ!
Но скоро день... какое наказанье!
При свѣтѣ дня писать я не могу...
Еще одно послѣднее сказанье...

КОМАРОВЪ *(пробуждаясь)*.

Все тотъ-же сонъ! Ей Богу, я не лгу!
И въ третій разъ... А все мой лордъ великій
Строчитъ, строчитъ громовую статью,
Своимъ перомъ какъ смертоносной пикой
Мокаетъ онъ въ чернилицу свою.
О чемъ строчитъ?—Про то самъ частный приставъ
Не долженъ знать, ни даже примѣчать;
Громитъ-ли онъ косматыхъ нигилистовъ,
Бичуетъ-ли реальную печать,
Предвидитъ-ли какую онъ измѣну
Въ своихъ мозгахъ, покой страны храня?...
Охъ, Господи, хоть-бы ему на смѣну
Подъ старость лѣтъ сподобилъ ты меня!...

КАТКОВЪ.

Очнулся, братъ?

КОМАРОВЪ *(заискиваясь)*.

Ужели вы не спали?...

КАТКОВЪ.

Какъ видишь—нѣтъ...

КОМАРОВЪ.

А мирный мой покой
Бѣсовскія видѣнія смущали.
Признаться вамъ, я видѣлъ сонъ такой,

Что будто самъ я издаю газету,
И проповѣдую все то-же, что и вы,
Но не въ Москвѣ, а на брегахъ Невы.
Но тамъ, увы! посмѣшищемъ для свѣту
Явился я какъ будто на показъ;
Что надо мной весь міръ читающій смѣялся,
Что съ высоты редакторской не разъ
Слеталъ я внизъ и... снова пробуждался.

КАТКОВЪ *(восторгаясь).*

Счастливый сонъ!... Такъ будь отнынѣ ты
Проводникомъ моихъ идей и мнѣнья,
Прими, мой другъ, мое благословенье
И береги завѣтныя мечты!
Мы будемъ пѣть съ тобою безъ разлада...
(благословляетъ его).

КОМАРОВЪ *(плаксиво).*

Все это такъ... Сотрудниковъ мнѣ надо!

(Катковъ ударяетъ въ тимпанъ—является тѣнь Булгарина верхомъ на Гречѣ, и, благословляя Комарова, исчезаетъ.)

КАТКОВЪ *(поетъ таинственно).*

Ты плановъ моихъ затаенныхъ
Не можешь постигнуть весь вѣкъ,
Изъ жалкихъ людей, *обойденныхъ,*
Загадочный есть человѣкъ.

Ужь какъ-бы тамъ мысль не дичала,
На крѣпкихъ прогресса возжахъ,
На лучшія въ жизни начала
Готовъ онъ идти *на ножахъ.*

*

Писалъ онъ объ Руси и Польшѣ,
Сочувствовалъ мнѣ и тебѣ,
Дѣвать его *некуда* больше
Возьми-жъ его, милый, себѣ.

Сойдетесь вы съ нимъ не поспоря—
Въ васъ мысли и чувства одни,
Въ васъ будетъ, дружокъ, *смѣхъ и горе*...
Хорошъ-ли сотрудникъ? Взгляни!...

(Вытрясаетъ изъ мѣшка Стебницкаго. Вслѣдъ за нимъ появляется громадныхъ размѣровъ пчела. напоминающая собою Яблочкина — муху, изъ «Орфея въ аду»).

ПЧЕЛА *(жужжитъ).*

Рождена я темнымъ бариномъ,
Литераторомъ Булгаринымъ,
Въ васъ его я узнаю,
И не юношу безъусаго,
А талантливаго Усова
Вамъ въ сотрудники даю.
Сквозь горнило вдохновенія
Провести онъ безъ сомнѣнія
Можетъ каждую статью!..

На небосклонѣ занимается заря сомнительнаго цвѣта. Изъ гари померкшаго «свѣточа» является Милюковъ.

МИЛЮКОВЪ.

Не даромъ свою я оставилъ квартиру,
Вы здѣсь, дорогіе друзья!
Для «Русскаго Міра» по русскому міру
Готовъ путешествовать я...

КАТКОВЪ *(Комарову).*

Мужайся, другъ! Я помогу въ борьбѣ,
Довольно-ли сотрудниковъ тебѣ?
Сошлись друзья отмѣннаго все сорта.

КОМАРОВЪ.

Не достаетъ лишь только Рапапорта.

РАПАПОРТЪ. *(Выскакивая изъ земли).*

Я здѣсь!

ХОРЪ *(къ зрителямъ).*

Черезъ день, насъ зрители,
Будетъ съ два десятка,
Будемъ мы хранители
Вашего порядка;
Подъ такой опекою,—
Скажемъ мы неложно—
Нравственнымъ калѣкою
Жить вамъ будетъ можно!

(Утреннее солнце изъ любопытства заглядываетъ въ пещеру. Заря дѣлаетъ реверансъ и быстро удаляется съ литературнаго неба, оставляя послѣ себя Бурнашева, въ видѣ подозрительнаго пятна. Начинается пляска. Рапапортъ дирижируетъ).

Во время пляски вдругъ разрывается котелъ позади сцены и оттуда вылетаетъ № 1 газеты

«Русскій Міръ».

ПОЭТЪ И ПРОЗАИКЪ.

(отрывокъ изъ неоконченной поэмы).

Зало ресторана. Прозаикъ сидитъ за кружкой пива. Поэтъ входитъ.

Прозаикъ.

Пріятель, ты-ли? вотъ такъ встрѣча!
Давно-ли здѣсь?

Поэтъ

Четвертый день.

Прозаикъ.

Гдѣ пропадалъ?

Поэтъ.

Я былъ далече...
Въ глуши отцовскихъ деревень,
Я жилъ безвыѣздно три года,
Дѣля классическую лѣнь
Съ трудомъ реальнаго народа.

Прозаикъ.

Какъ! и не дѣлалъ ничего?

Поэтъ.

Признаться - ничего не дѣлалъ,—
Гулялъ, охотился, обѣдалъ,
А спалъ такъ болѣе всего...

Прозаикъ.

Стыжусь я за тебя, мой милый,
Ты такъ уменъ, такъ полонъ силы,
И такъ наивно убивалъ

Неоцѣненный капиталъ.
Гражданскій долгъ въ такое время
Насъ обязалъ прежде всего
Добра и пользы сѣять сѣмя,
А ты не дѣлалъ ничего;
Добро-бы годъ, а то три года,
Вѣдь въ этотъ срокъ сама природа
Три раза отряхала сны,
Встрѣчая праздники весны...
А ты разумное созданье,
И вѣка новаго дитя,
Свое священное призванье
Губилъ ребячески, шутя.

Поэтъ.

Спасибо, что не жалкой лестью
Меня встрѣчаешь ты любя,
Стыжусь я лѣни, какъ безчестья,
И жду я слова отъ тебя;
Порадуй радостною вѣстью,
Что сдѣлать новаго успѣлъ
Нашъ кругъ почтенныхъ радикаловъ?

Прозаикъ.

О пользѣ нашихъ громкихъ дѣлъ
Ты вѣрно знаешь изъ журналовъ.

Поэтъ

Я не читалъ ихъ цѣлый годъ.

Прозаикъ.

О эскимосъ! о идіотъ!
Садись, я требую вниманья,
Твой стыдъ на дѣлѣ докажу,
И въ краткой рѣчи разскажу
Про наши славныя дѣянья.

Тотъ, кто въ глуши не одичалъ,
Пойметъ, что мы не даромъ жили,
Что къ благу избранныхъ началъ
Недаромъ путь намъ проложили.
Спѣша свой долгъ отдать порѣ,
Мы всѣ кричали безъумолку
О пользѣ общей, о добрѣ...

Поэтъ

Да, много словъ, но мало толку.

Прозаикъ.

Гражданскій долгъ не позабытъ,
Несли мы въ даръ свое участье,
Чтобъ улучшить крестьянскій бытъ,
Чтобъ даровать бездольнымъ счастье;
Бросали свѣтъ во всѣ углы,
Твердя о пользѣ школъ народныхъ,
И въ пользу пахарей голодныхъ
Давали пышные балы.
И вся родимая страна
Могла смотрѣть съ патріотизмомъ,
Какъ шла ужасная война
У классицизма съ реализмомъ..!
Близка пора! между людьми
Исчезнетъ иго тьмы грѣховной...
Теперь, отверженецъ, пойми,
Какъ крѣпокъ нашъ союзъ духовный.

Поэтъ.

Но что-же сдѣлали-то вы,
Нельзя-ли объяснить яснѣе?

Прозаикъ.

Прислушайся людской молвы,
И взглянь на свѣтъ повеселѣе:

Въ журналахъ царствуетъ хаосъ,
Повсюду существуетъ гласность,
И за вопросами вопросъ
Дѣла людей приводитъ въ ясность,
Во всемъ прогрессъ увидишь ты,
Стремленье къ счастію отчизны,
И безкорыстныя мечты;
Свободный трудъ, безъ укоризны,
Избыткомъ гонитъ дешевизны,
Нужду голодной нищеты...
Желѣзный путь повсюду строя,
Мы такъ спѣшимъ своимъ трудомъ,
Что отъ поспѣшности порою
Летятъ вагоны кувыркомъ.
А ты лѣнтяй, Ѳома невѣрный,
Не признаешь нашъ трудъ примѣрный,
Молчишь и дремлешь за двоихъ;
Бери прославленную лиру,
И возвѣщай скорѣе міру
О нашихъ подвигахъ благихъ!

Поэтъ.

Прости, мой другъ, въ былые годы
Въ честь васъ торжественныя оды
Пѣвали добрые друзья...
Богъ имъ судья! предъ вами я
Въ своемъ бездѣйствіи покаюсь,
И можетъ быть... не сомнѣваюсь,
Могли вы сдѣлать *что-нибудь*.
Но все-же снова удаляюсь
Безъ лишнихъ словъ въ обратный путь.

. . . . . .

Прощай, пріятель!

Прозаикъ.

До свиданья!

Ушелъ, исчезъ его и слѣдъ...
Ну, признаюсь, такой привѣтъ
Для насъ плохое воздаянье!
И пусть теперь разсудитъ свѣтъ
Кто правъ: прозаикъ иль поэтъ?

. . . . . .

ПОСЛѢ ЛЕКЦІИ.

Въ залѣ клуба молодцовскаго,
Гдѣ гостятъ мои друзья,
Послѣ лекціи Пятковскаго,
Упражнялся въ танцахъ я.
Утомленные зѣвотою,
Послѣ спячки часовой,
Боже мой, съ какой охотою
Мы пустились въ плясъ родной!
Тутъ невольно позавидовалъ
Я танцору одному:
Такъ онъ ловко ноги вскидывалъ,
Такъ плясалося ему,
Что всеобщее вниманье
На себя онъ обратилъ...
Гдѣ-жъ такое воспитаніе
Джентльменъ нашъ получилъ?
Гдѣ нашелъ съ манерой бойкою
Этотъ шикъ, и этотъ лоскъ?
Не за лавочной-же стойкою
Развивался юный мозгъ!
И сойдясь съ нимъ по протекціи,
Я спросилъ, отдавъ поклонъ:
Гдѣ онъ прежде слушалъ лекціи?

Гдѣ воспитывался онъ?
Отвѣчалъ онъ мнѣ внушительно:
«Воспитанье-съ намъ дано
Въ Эльдорадѣ—предварительно,
И у Гебгардъ, въ Казино;
А потомъ ужь съ акуратностью
Стали мы сюда ходить,
Чтобъ полезное съ пріятностью
Для ума—соединить...
Мы-съ развитія обращикомъ
Служимъ въ эти вечера...»
. . . . . .
Ахъ, зачѣмъ я не прикащикомъ
Изъ Гостиннаго двора!!!

РЕЦЕПТЪ ОТЪ НИГИЛИЗМА.

Достань Каткова десять граммовъ,
Пять драхмъ Крестовскаго возьми;
Потомъ классическихъ пріамовъ
Подсыпь хоть грановъ до восьми.
Плесни шесть унцій Комарова,
Налей Леонтьева чрезъ край,
И съ главной спеціей Каткова
Все сверху до низу взболтай.
Съ живой развитостью кретина
Ты за устоемъ прослѣди,
Затѣмъ сквозь сито «Гражданина»
Съ Мещерскимъ княземъ процѣди.
Заткни Стебницкимъ поплотнѣе,

Отцемъ Аскоченскимъ согрѣй,
Займи мѣстечко потеплѣе
И... черезъ часъ по ложкѣ лей...

ГУММАННОМУ ПЕРЕВОДЧИКУ.

Онъ въ дѣлѣ мысли и наукъ —
Примѣръ ученымъ коноводамъ,
Онъ просвѣщенью вѣрный другъ
И оченъ склоненъ къ переводамъ.

Онъ пользу времени постигъ,
Въ литературѣ толкъ находитъ,
И переводы дѣльныхъ книгъ
Какъ таракановъ переводитъ.

ДУМА РОМАНТИКА.

Для порядка неизмѣннаго
Данъ былъ авторамъ по совѣсти,
Типъ героя современнаго
Для романа, и для повѣсти;
Что-бъ герой походкой строгою
Всѣхъ прохожихъ озадачивалъ,
Ни предъ кѣмъ, идя дорогою,
Кромѣ женщинъ, не сворачивалъ.
Ни малѣйшей-бы пріятности
Не внушалъ своей особою,

Ѣлъ-бы онъ безъ деликатности
Ненасытною утробою;
Дерзко-бъ истину высказывалъ,
Всѣмъ чинамъ безъ исключенія,
Не краснѣя-бы доказывалъ
Пользу новаго ученія.
Къ неудачамъ съ беззаботностью
Относился-бъ онъ безъ ярости,
И бѣсилъ своею плотностью
Чудаковъ беззубой старости.
Злобнымъ смѣхомъ-бы отвѣтствовалъ
На совѣтъ житейскій, опытный,
И за то-бы вѣчно бѣдствовалъ
До конца съ нуждой безропотной;
Но родная журналистика,
Въ славу времени отпѣтаго,
Окрестила въ нигилистика
Идеалъ героя этого!
Всѣ *Базарову* дивилися,
Не встрѣчали видно въ старь его,
Въ *Путь-дорогу* всѣ пустилися
Предъ глазами встало *Марево.*
Здравый смыслъ оно представило
Въ видѣ жалкомъ и измученномъ,
Правду жизни обезславило,
Точно въ *Морѣ взбаламученномъ.*
И дойдя до чрезвычайности,
Устремили очи всѣ туда,
Потому, достигнувъ крайности,
Намъ дѣваться было *Некуда.*
И поэтъ, всѣхъ восхищающій
Сладострастными особами,
Удивилъ весь міръ читающій
Петербургскими трущобами.

Но и тѣ трущобы дикія,
На эфирной сценѣ скрылися,
И творенія великія
Дымомъ—копотью покрылися!
Изъ того-ли многодумнаго,
Романическаго крошева,
Отвѣчайте люди умные:
«Что мы вынесли хорошаго?»

СОБРАТУ ПО ПЕРУ.

У князя, у Мещерскаго,
Слогъ чисто гренадерскій,
Въ статьяхъ полета дерзкаго
Остеръ, какъ сыръ мещерскій.

Найдя пріютъ подъ кущею
Въ какой-то мутной тинѣ,
Клянетъ онъ все живущее
Въ недѣльномъ «Гражданинѣ»...

Мы чтимъ дары античности
Въ краю богохранимомъ,
Но подпись этой личности
Считаемъ псевдонимомъ.

Безъ всякой кабалистики
Дамъ выводъ я блестящій,
Что въ нашей журналистикѣ
Онъ князь... не настоящій.

Прикрывшись маской флёровой,
Въ своей хламидѣ ратной,
Онъ князь не мельхіоровый,
А просто князь... халатный...

ВСТРѢЧА

(Разсказъ).

ВСТРѢЧА.

Друзья, вы люди дѣловые
Весь вѣкъ работаете вы,
Не развлекутъ мечты пустыя
Разумной вашей головы.
На праздность, эту мать пороковъ,
Съ презрѣньемъ смотрите всегда,
Вѣдь праздность вредна, господа,
Какъ можно болѣе уроковъ
По всѣмъ законамъ старины
Читать вы праздности должны;
Кто праздненъ — какъ зараза вреденъ,
Особенно кто очень бѣденъ....
  Я говорю о бѣднякахъ...
Но тѣмъ счастливцамъ, у которыхъ
Милліоны держатся въ рукахъ,
Тѣмъ можно, не вступая въ споры,
Весь вѣкъ не дѣлать ничего,
Имъ извинительна и праздность,
Желаній ихъ разнообразность
Дороже цѣнится всего...
Я съ этимъ правиломъ согласенъ,
Я раздѣляю этотъ взглядъ
Съ тѣхъ поръ, какъ понялъ скуки ядъ,
И вашимъ преданнымъ собратомъ

Два года ровно былъ за штатомъ,
То есть безъ должности...
Въ тѣ дни
Я былъ здоровъ, довѣрчивъ, молодъ,
Безъ гроша денегъ, безъ родни,
Перенося нужду и голодъ,
При ожиданьи лучшихъ дней,
Я веселъ былъ, и какъ философъ,
Рѣшалъ премножество вопросовъ,
Смотря на суетность людей!
Одни совѣтовали мнѣ,
Моральнымъ тономъ строгихъ лекцій,
Искать вліятельныхъ протекцій:
Другіе — въ чуждой сторонѣ
Извѣдать счастье... а иные
Терпѣть и ждать; я долго ждалъ,
И терпѣливо обсуждалъ
Свои мечты заповѣдныя;
Но видя трудное житье
Терпѣнье лопнуло мое,
И я пошелъ къ милліонеру.
Онъ былъ старикъ и филантропъ,
Его давно уже ждалъ гробъ,
Онъ жилъ какъ рѣдкость, для примѣра,
На смѣхъ оставленный судьбой.
Пять дней ходилъ я къ филантропу,
На зло ливрейному холопу,
И знаменитостью такой
Былъ принятъ только на шестой.
Старикъ, храня свою причуду,
Сказалъ, что онъ всѣмъ бѣднымъ другъ,
Что онъ готовъ для ихъ услугъ,
Что дѣлъ такъ много, что повсюду
Недостаетъ рабочихъ рукъ,
Что люди нужны, что заѣла

Ихъ лѣнь и праздность съ юныхъ лѣтъ...
Но я сказалъ ему въ отвѣтъ:
Мы жить хотимъ, такъ дайте дѣла!
Онъ пальцемъ двери указалъ,
И *подождите*, мнѣ сказалъ.
  Однажды, въ свой пріютъ холодный,
Въ свой уголъ темный и сырой,
Пришелъ я позднею порой,
Больной, измученный, голодный.
Была зима, трещалъ морозъ,
Любилъ я прежде время это,
Когда въ боберъ уткнувши носъ,
И теплой шубою согрѣтый,
Какъ музы пламенной слуга
Я воспѣвалъ зимой морозной,
Голодный вой метели грозной,
И вьюги чистые снѣга...
Теперь мой взглядъ перемѣнился,
Я проклялъ всякую метель,
И къ утру заложить рѣшился
Свою послѣднюю шинель...
Съ надеждою насчетъ кармана,
Я вышелъ изъ дома. Луна,
Въ вѣнцѣ прозрачнаго тумана,
Была роскошна и полна,
И ночь была какъ день ясна!
  И предо мною городъ шумный
Возсталъ въ величіи своемъ,
Съ его шутливостью безумной,
Съ его заботливымъ житьемъ.
Къ подъѣздамъ мчались экипажи,
Гдѣ освѣщенные этажи
Манили роскошью баловъ,
Гдѣ убивались безъ пощады
На внѣшній блескъ и на наряды

Плоды лишеній и трудовъ.
Но я съ задуманною цѣлью,
Забывъ усталость и тоску,
Бѣжалъ съ завѣтною шинелью,
Быстрѣй коня къ ростовщику,
И вотъ, мои узрѣли очи
Тотъ благодѣтельный пріютъ,
Гдѣ въ каждый часъ и дня, и ночи,
Металлъ презрѣнный выдаютъ.
Какъ жалкій трусъ, прижавшись къ стѣнкѣ,
Я отдалъ вещь; сѣдой кащей
Мою шинель въ числѣ вещей
Подвергъ критической оцѣнкѣ,
И объяснилъ: что можетъ дать
Рубля четыре... много — пять.
Схвативъ дрожащими руками
Врученный кладъ, скорѣй, скорѣй
Бѣжалъ я быстрыми шагами
Отъ благодѣтельныхъ дверей.
Морозъ захватывалъ дыханье,
Слипались инеемъ глаза,
И стыла павшая слеза,
На леденѣломъ одѣяньи.
Огнемъ палившаго лица
Не пронималъ морозъ жестокій,
И этой улицѣ далекой,
Казалось не было конца...
Вдругъ, легкій топотъ за собою
Я услыхалъ... меня догнавъ,
Хватаетъ кто-то за рукавъ
Дрожащей, робкою рукою...
Я оглянулся, предо мною
Стояла дѣвушка... Она,
Какъ призракъ мысли воспаленной,
Явилась съ головой склоненной,

Лучемъ луны освѣщена.
Бурнусъ, накинутый на плечи,
Дрожалъ на худенькихъ плечахъ,
Намекъ невысказанной рѣчи
Стыдливо замеръ на устахъ,
Прядями выбилась наружу
Густая черная коса,
Алмазной пылью злая стужа
Ее покрыла волоса.
Смотря на нѣжность очертаній,
На этотъ блѣдный, кроткій ликъ,
Я пораженъ былъ въ этотъ мигъ
Предъ появившимся созданьемъ...
«Что надо вамъ?» промолвилъ я;
— Я ѣсть хочу! — почти рыданьемъ
Слова прервалися ея...
Не помню какъ мы очутились
Въ квартирѣ бѣдственной моей,
Я молча любовался ей
И мысли знойныя мутились...
Дрожащимъ голосомъ она,
«Не удивляйтесь», говорила,
«Что я, безумная, одна
Васъ въ этотъ часъ остановила.
Мы съ вами братья по судьбѣ,
Вы также какъ и я живете,
Судя быть можетъ по себѣ,
Скорѣй другихъ меня поймете.
Я въ чуждой выросла семьѣ,
Мой опекунъ — старикъ суровый
Опредѣлилъ меня къ швеѣ,
И я привыкла къ жизни новой.
Меня какъ дочь онъ посѣщалъ,
Возилъ конфекты и подарки;
Минуло дѣтство и насталъ

Мой возрастъ пламенный и жаркій,
И неотступнѣй день отъ дня,
Онъ сталъ преслѣдовать меня,
Молилъ любви моей участья,
Всѣ блага жизни обѣщалъ,
Прося взаимности какъ счастья,
Нуждой и гибелью стращалъ.
Избѣгла я его нападокъ:
Онъ страшенъ мнѣ, противенъ, гадокъ,
Какъ обольститель, какъ чума...
Бѣжала я любви преступной,
Невыносимой, неотступной,
Куда? не знаю и сама!
Но я къ нему не возвращуся,
Себя не въ силахъ превозмочь,
Я провожу гдѣ день, гдѣ ночь,
И кажется на все рѣшуся!..»
Она окончила разсказъ,
Разсказъ томительный и скучный,
И я, прослушавъ равнодушно,
Отвѣтилъ: «мнѣ жалко васъ!
Мое участье не поможетъ:
Я также бѣденъ, но оно
Въ насъ чувство то теперь встревожитъ,
Что успокоиться должно.
Зачѣмъ ко мнѣ вы обратились?
Вамъ нужны деньги? — вотъ они!
Возьмите ихъ. Въ иные дни
Не такъ-бы съ вами мы простились.
Своимъ страдальческимъ житьемъ
Не докучайте вы напрасно,
Передъ счастливыми несчастный
Смѣшонъ въ несчастіи своемъ.
Глупецъ одинъ не понимаетъ,
Что въ жизни — все наоборотъ:

Кто хочетъ жить, тотъ умираетъ,
Кто проситъ смерти, тотъ живетъ.»
Она ушла, она простилась,
Какъ будто умереть рѣшилась;
Я легъ въ холодную постель
И всю-то ночь тогда мнѣ снилась
То незнакомка, то шинель!
Я пережилъ своей невзгоды
Гнетущій, страшный произволъ,
Въ трудахъ для жизни и свободы
Я средства честныя нашелъ;
Хоть часто, часто мыслью злою
Пугало *доброе* былое,
Разрушить счастіе грозясь...
Недавно, къ дѣлу торопясь,
Я шелъ по Невскому проспекту,
Когда вся знать, какъ на показъ,
Идетъ гулять въ извѣстный часъ,
Гдѣ для напраснаго эфекта,
Средь галуновъ и пышныхъ блондъ,
Толпится праздничный бо-мондъ.
Вдругъ кто-то весело и громко
Меня по имени назвалъ.
Я оглянулся и узналъ
Мою ночную незнакомку...
Она теперь уже была
Въ одеждѣ пышной, новомодной,
Ко мнѣ развязно подошла
Съ улыбкой смѣлой и холодной,
И тихо молвила она:
«Послушай, я тебѣ должна,
Но я теперь разбогатѣла,
Ты видишь, милый, я тружусь,
Трудись и ты, есть много дѣла.»
Но я въ отвѣтъ сказалъ ей смѣло:

— На этотъ трудъ я не гожусь...
Она шутливо засмѣялась
Моимъ озлобленнымъ словамъ:
«Давно съ тобой я не видалась,
И долгъ съ процентами отдамъ.
Такъ вотъ мой адресъ, приходи-же,
Мы познакомимся поближе...»
Захохотала и ушла!
Я думалъ: бѣдная, давно-ли,
Среди безвыходной неволи,
Ты шла съ борьбой на встрѣчу зла;
Но устоять предъ жизнью строгой
Тебѣ казалось мудрено...
И я пошелъ своей дорогой,
Мнѣ было грустно и — смѣшно!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДУМЫ и ПѢСНИ.

	Стр.
Слову	3
Благодѣтель	4
Напраслины	6
Вдалекѣ отъ столицъ	8
Опасность	9
Отрывокъ	11
Стансы	12
Совѣтъ	14
Дорога	15
Нѣтъ, предъ тобою я теперь не затаю	17
Взрослымъ дѣтямъ	18
Два племянника	19
Мы средь житейской кутерьмы	21
Занятой человѣкъ	22
Развалясь въ коляскѣ	24
Лучше не вѣрьте вы въ личность степенную	25
Признаки	26
Быстро нагрянетъ осень дождливая	27
Осеннія пѣсни	29
Параллель	31
Въ дорогѣ	32
Мой альбомъ	33
Горю людскому легко-ли помочь	35
Терпѣливой душѣ	36
Поминай какъ звали	37
Изъ пѣсень о нищихъ	40
Будя порой средь жизни шумной	42
Родимою гостью пришла къ намъ сама	44
Старая пѣсня	45

Стр.
Фальшивое слово! 46
Что-же ты задумалась голова пропащая 47
Ночька ты темная . . . . . —
Ночью 48
Въ салонѣ 49
Теорема 51
Кто смѣшнѣй? 53
Послѣ сытнаго обѣда 54
Встрѣча 56
Старая сказка. 58
Памяти истекшаго лѣта 60
Все-бы намъ праздники. 61
Старый домъ 62
Художнику 64
Хмѣль 65
Знаю, братцы, знаю 67
Напрасно спориалъ ты 68
Бѣднымъ лгунамъ 69
Чудакъ . . . . . —
Старому другу. 71
Бездольный 72
Грибы 73
Провинціалъ въ столицѣ 77
Частный адокатъ 78
Добрый мужъ 80
Романсъ 81
Поэтъ 82
Всѣмъ примѣръ давайте 83
На сельскомъ кладбищѣ. 85
Ты вѣришь всему своей дѣтской душею 86
Изъ захолустья 87
Въ острогѣ 88
Сумасшедшій 89
Былое 91
Друзьямъ 93
Все что было свято . . . . . —
Боецъ 94
На кладбищѣ 95
Мораль 97
Непомнящіе родства 98
Жизнь — это размѣнная касса 100

Стр.
Любимые напѣвы 101
Слава Богу 103
Дружеская сказка 105
Глупой нянькой, мой ребенокъ 106
Послѣ приговора 107
Замолчавшимъ. 109
Полночный часъ 110
За стѣной. 111
Нашла коса на камень 112
Весна 114
Весеннія мелодіи 115
Петербургская ночь. 117
Старыя погудки на новый ладъ 119
Изучивши жизнь глубоко 121
Вопросы 123
У гроба 124
На новый 1869 г. . . . . —
Безъ оборота на меня 126
Безсонная ночь 127
Ходитъ вѣсточка отмѣнная 129
Житейская грамматика 131
Послѣ разлуки. 132
Счастливцы къ нашему стыду 135
Одному изъ многихъ 136
Подъ убійственнымъ вліяньемъ 137
Изъ посмертныхъ стиховъ Гейне 138
Въ сторонѣ родимой 140

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Еслибъ 143
*** 144
Рыцарь клуба 145
Надо жить съ расчетомъ 147
Скромныя желанія 148
Свиданіе 149
Хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ 150
Истребителю гадовъ 153
Попробуй 154
Философу Гаврилѣ 155
Всѣ мы хороши 157

Стр.
Съ натуры 160
Непогрѣшимость папы 162
Въ трактирѣ 163
Другимъ не мѣшай 165
*** 166
Успокойтесь ради Бога 167
Обидчивый сосѣдъ 169
Съ натуры 170
Посланіе къ ней 173
*** 174
Общественному дѣятелю 175
Онъ и она 176
*** 177
Лирическіе вопли 179
Заповѣдь купца 180
Племянникъ богатаго дяди 181
Странности 182
Изъ письма къ землякамъ 184
Чѣмъ я не важный баринъ? 185
Штрафъ 186
Эпитафія 188
*** 189
Встрѣча у Излера 191
Хорошая карьера 195
Потери 196
Сила доказательствъ 198
Почетный гражданинъ 199
Лишній человѣкъ 201
Блаженъ тотъ, кто и т. д. 203
*** 204
Жалоба 206
Благородная месть 207
Совѣтъ 209
Взятка 210
Они сошлись 212
Моя любовь 213
Посыльный 215
Три признанія 217
Посланіе къ И. А—ву 220
Дума . . . . . —
Благородный господинъ 222

Стр.
Встрѣча 223
Желаніе 224
* * * 225
Обѣды 226
Герой минуты 227
Добрые совѣты 229
Жена, супруга, барыня 230
Чудакъ 232
Признаніе одной особы 234
Плохо жить 236
Два взгляда 239
* * * 241
Ошибка 242
Напрасно безпокоитесь 243
Общая знакомка 245
Одинъ изъ многихъ 247
Незнакомка клуба 248
Сладкій вопросъ 251
Умный ребенокъ 253
Скучно, другъ! 254
Пѣсня старика 255
Дѣлецъ 256
Энтузіастъ 257
Мученикъ лѣта 260
Исповѣдь 261
Надо повторить 262
Она пришла! 265
Праздничное размышленіе . . . . . —
Посланіе 267
Бесѣда . . . . . —
Nocturno 269
* * * 270
Странная любовь 271
Это меня удивляетъ . . . . . —
Недовѣрчивому другу 273
* * * . . . . . —
Отрыжка стараго времени 274
Романсъ 275
Не прибѣгая къ укоризнѣ 276
Ты одна моя богиня . . . . . —
Мой сосѣдъ большой философъ 277

Стр.
*** 277
Домашній другъ 278
Петруша Дураковъ 279
Аксіома 281
Борода . . . . . —
Напраслина 283
*** 284
*** 284
Другу моралисту 285
Салонный хлыщь! . . . . . —
Невскій купидонъ 286
Мужу, жаждущему извѣстности . . . . . —
Вѣра въ человѣка 287
Пѣвцу 288

СЦЕНЫ И НАБРОСКИ.

Римскія бани 291
Пѣвецъ 300
Міръ комаровъ 303
Поэтъ и прозаикъ 310
Послѣ лекціи 314
Рецептъ отъ негилизма 315
Гуманному переводчику 316
Дума романтика . . . . . —
Собр ту по перу 317
Встрѣч 321

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	*Должно быть:*
Стр. 11-я, *строка* 2-я *сверху*:	
Съ одной безонницей	Съ одной безсонницей
» 30-я, *строка* 2 *сверху*:	
Но боюсь я непогоды	Не боюсь я непогоды
» 95-я, *строка* 4-я *сверху*:	
съ неравномъ бою	въ неравномъ бою.
„ 96-я, *строка* 8-я *снизу*:	
братъ	брать
„ 138-я, *строка* 1-я *снизу*:	
Орфей	Тиртей
„ 140-я, *строка* 8 *снизу*:	
Отъ холода завялый	Съ холода завялый
„ 280-я, *строка* 9-я *снизу*:	
Жизнь слетитъ	Жизнь летитъ
„ 288-я, *строка* 1-я *снизу*:	
Мы послушаемъ тебѣ	Мы послушаемъ тебя.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

К. Н. ПЛОТНИКОВА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
по большой садовой улицѣ, въ домѣ пажескаго е. и. в. корпуса.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,
на сергіевской площади, близъ университетской лѣстницы.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Полное собраніе сочиненій Алексѣя Потѣхина. 7 т. Изд. К. Н. Плотникова. Спб. 1873 г. Ц. 12 р.

Повѣсти и разсказы. Н. А. Благовѣщенскаго. Изданіе К. Н. Плотникова. Спб. 1873 г. Цѣна 2 руб.

Куль хлѣба и его похожденія. Спб. 1873 г. Изданіе К. Н. Плотникова. Цѣна 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.

Темныя и свѣтлыя стороны русской жизни. Романъ Зарубина Изданіе К. Н. Плотникова. Спб. 1872 г. 2 тома. Цѣна 3 р. 50 к

На досугѣ: Популярныя Бесѣды. Э. А. Россмесслера. II рев. съ нѣмецкаго П. Андреевскаго. Изд. К. Н. Плотникова. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к.

Швейцарцы. Новое сочиненіе Вильяма Диксона. Съ картою Швейцаріи и приложеніемъ шести главъ изъ сочиненія того же автора **«Свободная Россія».** Перев. съ англійск. Н. Кутейникова. Изд. К. Н. Плотникова. Спб. 1872 г. Ц 1 р. 25 к.

Лѣсная глушь, картины народнаго быта изъ воспоминанія и путевыхъ замѣтокъ С. Максимова (автора «Годъ на Сѣверѣ», «На Востокѣ», «Сибирь и каторга»). Издавіе К. Н. Плотникова. Спб. 1872 г. 2 т. 3 р. 50 к.

Политическія движенія русскаго народа. Гайдамачина. Историческая монографія **Д. Мордовцева.** Изд. К. Н. Плотникова. Спб. 1870 г. Ц. 2 р. 50 к.

Записки слѣдователя. Сочиненіе Тимофѣева. Изданіе К. Н. Плотникова. Спб. 1872 г. Ц. 2 р.

Популярная Гигіена. Книга **о разумномъ образѣ жизни** для сохраненія въ народѣ здоровья и рабочей силы. Сочиненіе Карла Реклама. Большой томъ. Спб. 1870 г. Ц. 2 р.

Исторія революціи 18 марта. Сочиненіе Поля Ланжалэ и Поля Корье. Спб. 1872. Ц. 1 р.

На Перепутьи, новыя стихотворенія. **«Либералъ»,** комедія въ пяти

дѣйствіяхъ Д. Д. Минаева. Изданіе К. Н. Плотникова. Спб. 1872. Большой томъ. Цѣна 2 р. 50 к.

Полное собраніе сказокъ Андерсена. Въ переводѣ Петра Вейнберга и Марка Вовчка. 190 картинъ. Въ красивой папкѣ. 2 тома. Спб. 1871 г. Изданіе К. Н. Плотникова. Цѣна 3 руб. Отдѣльно каждый томъ по 1 р 50 коп.

Русскія сказки Н. Ахшарумова. Съ картинами въ красивой папкѣ. Изд. К. Н Плотникова. Спб. 1871. Ц. 2 руб.

Среди богомольцевъ. Наблюденія и замѣтки во время путешествія по Востоку. Н. А. Благовѣщенскаго. 2-е исправленное изданіе. Спб. 1872 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Характеръ. Полный переводъ книги Смайльса (автора книги **Самодѣятельность**») Переводъ съ англійск. С. Майковой. 1872. Ц. 2 руб.

Исторія французской литературы. Со временъ революціи 1789 г. 2 т. (большаго форм.), заключающіе въ себѣ около 900 стр. мелкой печати. Ц. 4 р.

Японія, ея исторія, Правительство и внутреннее устройство. Сочиненіе Диксона. Переводъ съ англійскаго Н. Кутейникова. Изд. К. Н. Плотникова. Спб. 1871 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Сибирь и каторга. Сочиненіе С. Максимова. Въ трехъ томахъ. Спб. 1871 года. Цѣна 5 руб.

Исторія контръ-революціи въ Англіи (**Борьба Правительства съ народомъ**). Ц. 1 р. 75 к.

Горе отъ Ума. Комедія Грибоѣдова. Дешовое изданіе. Полный текстъ съ портретомъ и 19-ю прекрасно выполненными рисунками М. С. Башилова (въ костюмахъ того времени). Ц. 30 к.

Годъ на Сѣверѣ 3-е дополненное изданіе. Сочиненіе С. Максимова. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.

На Востокѣ. Поѣздка на Амуръ (дорожныя замѣтки и воспоминанія.) 2-е изданіе. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 коп.

О чемъ щебетала ласточка. Новый романъ Шпильгагена. Съ приложеніемъ повѣсти того же автора **Роковая встрѣча**. Большой томъ. Спб. 1873 г. Ц. 2 р.

Страна изгнанія и исчезнувшіе люди. Сибирскіе очерки Турбина и Старожила. Изд. К. Н. Плотникова. Спб. 1872 г. Ц. 1 р.

Типографія А. А. Соколова. Галерная, д. № 6.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111